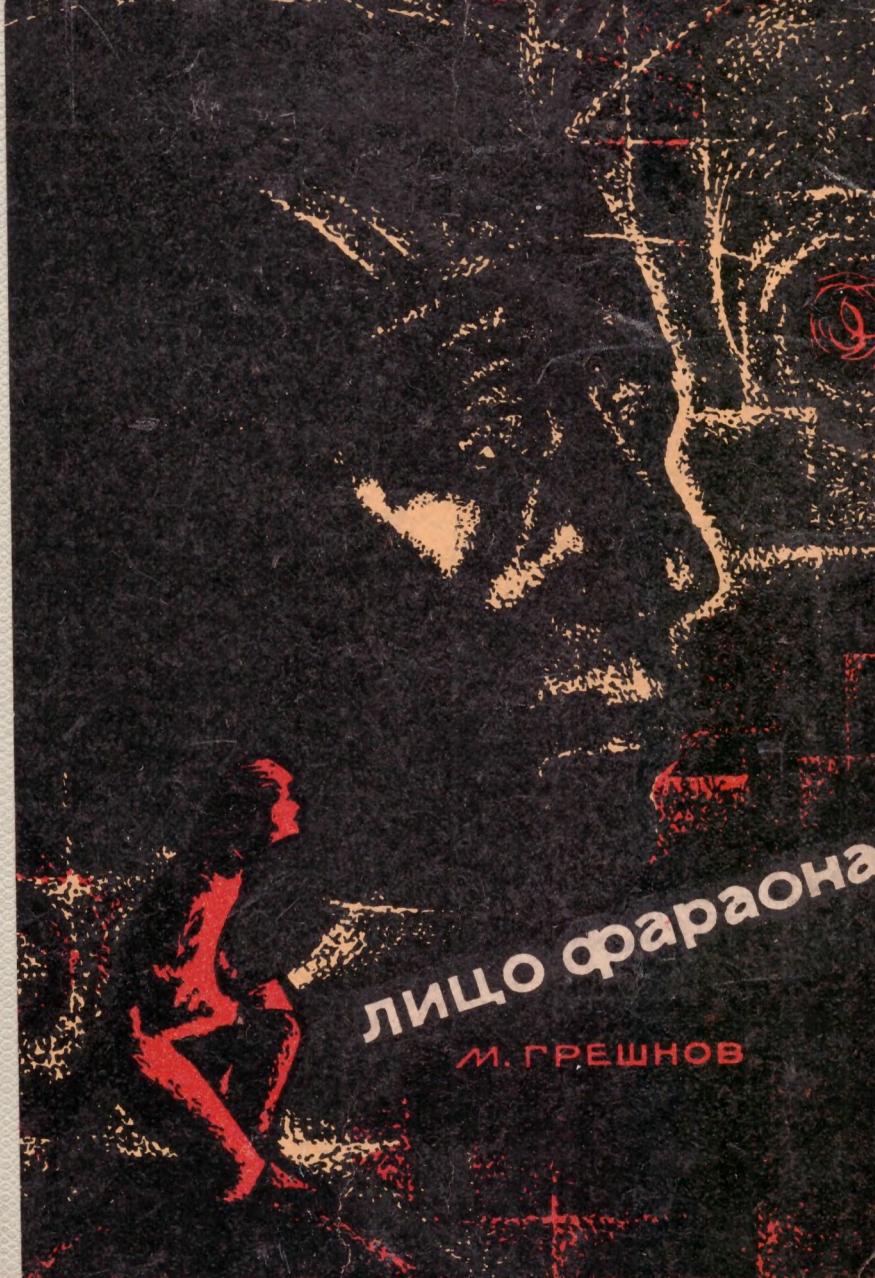

Лицо Ф

М. Грешнов

Лицо фараона

М. ГРЕШНОВ

МИХАИЛ ГРЕШНОВ

ЛИЦО ФАРАОНА

ФАНТАСТИКА

Ставропольское книжное издательство
1971

*Сыну Дмитрию,—
чтобы вырос сильным
и честным.*

ГАРСОН

— **Е**ще немножко,— Володя помешал тушенку палочкой, повернул другим боком к огню.— Чуть-чуть — и завтрак готов!

Володе двадцать три года, но он умеет разговаривать сам с собой. И петь песни. Песни — это, конечно, лучше, чем разговаривать, но с кем, кроме как с собой, поговоришь, когда ближайший лагерь километрах в се-мидесяти, а ты один в горах, не считая костра, палатки и неба над головой? Может быть, сказывался характер? Характер у Володи живой, общительный, в компании Володя любит пошутить, посмеяться. Свой парень, говорят о нем, и среди людей Володе живется легко.

— Чуть-чуть,— повторил он, любуясь каплей янтарного жира на конце палочки и чувствуя, как у него разыгрывается аппетит.

Утро только что началось, солнце выкатилось нежаркое — круглое и красное, как спелое яблоко.

— Где же чайник?— Володя пошарил возле себя левой рукой, не отрывая глаз от палочки и от банки на углях. Чайник оказался тут же, где Володя предполагал найти его.

— Сейчас мы тебя — на жар! — сказал ему Володя и отодвинул тушенку в сторону.

Потер руку об руку, втянув сквозь зубы воздух,— как это делается, когда обожжешься,— и ловким движением, чтобы не обжечься еще, водрузил чайник на камни, положенные среди костра, так что чайник сразу же охватило огнем с трех сторон.

— Так! — сказал удовлетворенно Володя и придвинул к себе тушенку.

Но позавтракать ему не пришлось. Метрах в четырех от себя, на другой стороне костра, Володя увидел чудо. Увидел просто, по-будничному: поднял голову, а оно тут как тут. Это был круглый плоский предмет, наподобие двух суповых мисок, сложенных донцами вверх и вниз. Нижнее донышко, пожалуй, закруглялось более плавно, как яйцо, верхнее было точно, как у тарелки: поблескивал ободок по окружности — выступ, но без единой неровности. На сложенных мисках (миски — чуть маловато, скорее, кухонные тазы) сидела небольшая, со средний арбуз, голова, с глазами, ртом и небольшими решетчатыми дырками по бокам там, где у настоящей головы должны быть уши. Голова была металлическая, и корпус был металлический. Все сооружение стояло на двух курьих ножках, — это Володя заметил сразу, и это поразило его больше всего. Ножки крепенько упирались в землю, расставив пальцы. Пальцев было четыре впереди и пятый, небольшой, для упора, — на задней стороне каждой ножки. Сооружение было высотой не больше семидесяти сантиметров, но это потому, что ножки были согнуты, как у гуся, предмет не касался земли — присел. Он наблюдал за Володей. Зеленоватые глаза со стоячим, как у кошки, зрачком смотрели на Володю внимательно, но не холодно, и по всему было видно, что предмет сидит и наблюдает за Володей давно, может, с рассвета, а может быть, с ночи, и если Володя не заметил его прежде, то, наверное, потому, что не отличил от камней, разбросанных там и тут группами и в одиночку. А теперь Володя его увидел и забыл про завтрак, про чайник, уже фыркавший на огне. Несколько минут они молча смотрели друг на друга — предмет и Володя. Предмет — со спокойным любопытством, даже дружелюбием, Володя — в полном недоумении. Может, Володя не заметил

этой штуки вчера,— этого самовара на птичьих ногах? Но нет, самовар стоял на тропинке, по которой Володя принес вечером хворост для костра. Тогда самовара не было. Он появился ночью или сейчас, только что, потому что смотрит с таким любопытством. Изумление Володи тоже переходило в любопытство.

— Кто ты такой? — спросил Володя у самовара.

Тот не ответил, но зрачки у него дрогнули — как индикаторы на счетной машине.

Конечно, это был робот, кибер. Но откуда он появился? Может быть, его запустили ребята из группы Выдрина или Борисова? Вложили программу и послали к Володе с приветом? Должна же их мучить совесть: оставили его одного в котловине — у них, дескать, объем работы больший. Так нет, с базы выходили все вместе и никакого кибера не было, а если бы он был, то о нем знали бы все, и Володя тоже — шила в мешке не утаишь. Может, к Выдрину — он все-таки ближе — пришло пополнение, какой-нибудь чудак-изобретатель, и вот тебе — сюрприз.

Володя спросил:

— Откуда ты взялся?

Робот дрогнул зрачками, но промолчал.

Отлично сделана вещь, отмечал между тем Володя, даже изящно: корпус начищен до блеска, каждая линия была совершенством, но — почему у него птичьи лапы? Роботы, которых Володя видел на картинках в «Технике — молодежи» и в выпусках «Научфильма», были на человеческих ногах, неуклюжих и толстых, но на человеческих. Может, он иностранец — со спутника связи или еще откуда: мало ли вещей запущено сейчас в космос исследователями? Спустился на парашюте и забрел на огонек. Володя спросил по-немецки — немецкий он учил в школе, и кое-какие фразы у него в голове еще остались:

— Шпрехен зи дойч?

Молчание.

В институте Володя учил французский, память услужливо подсказала:

— Парле ву франсе?..

Полное молчание.

Володя вспомнил английскую фразу из самоучителя:

— Ду ю спик инглиш, сэр?..

Опять молчание.

Володя стал что-то связывать по-тувински, но почувствовал, что не свяжет, и замолчал.

Кибер перестал дрожать светом в глубине глаз.

Однако интерес брал свое.

— Гм...— хмыкнул Володя.— Откуда же ты, черт, взялся?— и снял с костра кипящий чайник.

Подул на руку, посмотрел на гостя.

— Кто тебя послал, Выдрин?— опять спросил он.

Кибер безмолвствовал. Володя встал на ноги, кибер поднялся на лапках. Теперь они стояли друг перед другом, человек и робот, их разделял костер и метра четыре открытой поляны. Володя кашлянул, кибер ничего не ответил. Володя обошел костер — кибер потоптался на месте. Володя шагнул к нему — кибер от него. Сделал он это просто — переставил ногу и отдалился на шаг. Володя еще шагнул — кибер сделал еще шаг назад.

— Послушай,— сказал Володя,— если уж ты появился здесь, то давай установим контакт.

Кибер ничего не ответил, только поиграл светом в глазах. «Все-таки реагирует»,— подумал Володя и пошел к роботу. Тот повернулся и пошел от Володи. Повернулся очень бесшумно, и на затылке у него оказались еще два глаза — точно такие, как спереди.

— Вот как!— сказал Володя. Это уже не по-нашему, подумал он, наши конструкторы не делают глаз на затылке.

Володя ускорил шаг — робот сделал то же самое.

— Послушай, — сказал Володя, но робот не слушал — шел впереди него и смотрел в лицо Володи затылочными глазами.

Володя начал сердиться:

— Я же тебе не хочу плохого! — сказал он. — Почему ты уходишь?

Робот шел так же, метрах в четырех от него, — ни быстрее, ни медленнее. Если Володя убыстрял ход — убыстрял ход и кибер, если Володя шел медленнее, кибер тоже шел медленнее, но дистанция между ними не уменьшалась. Так они прошли небольшой лесок, миновали осыпь камней и вышли на сравнительно ровное место — широкий лог между двумя скалистыми грядами.

— Остановись! — приказал Володя, сам однако не останавливалась.

Робот не обратил внимания на его крик — так же семенил ножками, не сокращая дистанции. На песчаной почве оставались птичьи следы, поскрипывали мелкие камешки, крупные робот переступал, поднимая ножки повыше.

Прошли еще метров двести.

— Я ж тебе!.. — сказал Володя и кинулся вслед за кибером.

Тот выкинул из корпуса ручки и, смешно размахивая ими, — до локтя они торчали горизонтально, болталась и загребала воздух четырехпалая кисть, — пустился во все тяжкие.

— Чтоб тебя! — Володя резко остановился от неожиданности: он почему-то не думал, что у кибера будут руки, никаких признаков рук до этого на его сплюснутом корпусе не было видно, они появились внезапно, и Володя подумал, что может появиться из кибера еще что-нибудь неожиданное. Но почему он удирал?

Робот тоже остановился и с легким лязгом спрятал ручки обратно в корпус.

— Послушай, Гарсон,— сказал Володя.— Нет смысла устраивать соревнования. Мы же не спринтеры! Давай потолкуем.

Робот молчал, словно прислушивался. Почему Володя назвал его Гарсоном? Было в кибере что-то от скромного стеснительного мальчишки? Рост, пугливость, широко распахнутые глаза? Или все это вместе? Володя вздохнул:

— Ну что ты бегаешь от меня? Пойдем в лагерь.

Повернулся и пошел в лагерь. Глянув через плечо, увидел, что кибер плетется за ним. Хороший признак, подумал Володя, со временем я его приручу.

Так они вместе дошли до лагеря, заняли те же позиции: Володя у костра, робот на тропинке между камнями. Он, как и прежде, присел, подогнув под себя ножки, сделался меньше.

Володя поджигил костер, поставил над огнем чайник, придинул к углем тушенку. За время экскурсии тушенка застыла, жирок подернулся пленкой. Погоня за роботом продолжалась около часа. Завтрак надо было готовить заново.

— Ладно,— готовим,— сказал Володя и принялся помешивать тушенку палочкой.

Что ему оставалось делать? Впервые Володя почувствовал растерянность. Что ему оставалось делать? И что за чудовище этот Гарсон? Откуда? Так же впервые Володе пришла мысль, что кибер не земного происхождения, что он гость из космоса. От этой мысли Володе стало не по себе. Но не считаться с такой возможностью было нельзя. Над Землей проносился двадцатый век с его чудесами — кибернетикой, спутниками, сигналами в космос. Вот кто-то и откликнулся на сигналы. Может быть, на орбите вокруг Земли чужой звездолет, может,

кибер прилетел с Марса или с Венеры!.. Почему бы этому не случиться? Все может случиться.

Володя посмотрел на Гарсона. Кибер сидел в той же позе, в какой Володя увидел его впервые. «Черт с тобой,— подумал Володя,— сиди!». Но тут же опять поймал себя на чувстве растерянности: он не знал, что предпринять. Не знал — и все. Заговорить с кибером — было. Подойти к нему — было. Опять погнаться за ним?..

Отодвинув тушенку от огня и достав из рюкзака ложку, Володя стал есть. Это всегда успокаивает. Проверьте себя: поволнуйтесь, а потом сядьте за стол, за еду. Тотчас успокоитесь. Особенно, если у вас есть аппетит. А Володя нагулял его достаточно. Опустошив банку, Володя налил стакан чаю и принялся пить. При этом он поглядывал на кибера как можно хладнокровнее и спокойней. Однако мысли его были совсем неспокойные. Откуда же эта штука? — думал он. — Сработана отлично, земляне позавидовали бы такой работе: белый отполированный до блеска металл, тонкие шарнирные соединения, прозрачная глубина глаз — стеклянные они или, может, из хрустала? Свет в глазах постоянно работал — то затухая, то разгораясь. Но никогда не гаснул совсем. Похоже, что работали у робота одни только глаза.

— Гарсон! — громко сказал Володя.

Глаза вспыхнули, но тотчас пригасли, хотя работа света в них не прекратилась.

— Гарсон! — повторил Володя. — Или нам надо дружить, или убирайся туда, откуда пришел!

Пожалуй, Володя не хотел сказать конец фразы так, как он получился. Он хотел проверить работу глаз кибера —ставил опыт. Пока он говорил, глаза светились ярче, когда кончил, пригасли, свет остановился в них на среднем уровне. Уж не слушает ли он глазами? — подумал Володя. И тут же испугался только что сказанных

слов: вдруг кибер уйдет? Рассердится на него и уйдет? Ясно, что эта штука с умом. А вдруг она обладает чувствами? Например, чувством собственного достоинства? Обидится и — фить! — прощай, Володя, жди такого слу-чая еще раз!

— Ты не обиделся? — осторожно спросил Володя.
Кибер молчал.

Володя взял стакан, ложку, пошел мыть к ручью. Гарсон последовал за ним, — так же на расстоянии четырех метров, соблюдая дистанцию.

— О, — сказал Володя. — Роли переменились! Теперь ты ходишь за мной, голубчик!

Володя вымыл посуду, вернулся к костру, к палатке. Кибер шел впереди него, занял то же место, среди камней.

— Чудной ты, — сказал Володя. — А ведь мне нужно работать.

Взял молоток, карту, компас и зашагал вдоль гряды к месту, которое обследовал вчера и которое уже было нанесено на карту. Кибер двигался впереди — так же на расстоянии четырех метров. Когда Володя дошел до конца гряды и полез по откосу, чтобы обследовать выход на поверхность месторождения сильвинита и нанести новый участок на карту, кибер полез впереди него, — точно по маршруту, намеченному Володей, не сворачивая на скалы и на осыпи рваных камней, куда не полез бы Володя, чтобы не израниться и не поломать ноги. Володя это заметил. «Возле скалы, — решил он провести опыт, — я сверну вправо...». Скалу можно было обойти с двух сторон, но если обойти ее с правой стороны, — что получится? Кибер, дойдя до скалы, тоже повернулся вправо. «Здорово! — сказал про себя Володя. — Может, я сумею тобой руководить?» Наметил другой поворот, третий — кибер выполнил точно его маршрут. А вот я загоню тебя в тупик, подумал Володя, в ущелье. Метрах в два-

дцати от него расселина упиралась в обрыв. Кибер шел точно по намеченному пути. Тут я тебя и схвачу, думал Володя,— он все-таки хотел ближе познакомиться с роботом и исподволь готовился к атаке. Расселина становилась уже,— только полоска неба синела над головой. Сейчас робот упрется в стену, и дальше некуда. Ну,— гоп!— Володя расставил руки.

Не тут-то было! Робот поджал ноги и, как пробка из бутылки, взвился над скалой. Володя остался с растопыренными руками.

— Ну-ну,— сказал он,— я пошутил...— и пошел прочь из ущелья.

Робот, описав дугу над его головой, опустился на тропинку и заковылял впереди Володи. Вид у него был улучченный, унылый, как будто он потерпел неудачу. «Переживает мою неудачу»— подумал Володя и рассмеялся:

— Гарсон!— крикнул он.— Ты молодчина! Настоящий спортсмен-прыгун!

Кибер не ответил. Володе ничего не оставалось, как заняться работой.

В группе Выдрина Володя работает второй год. И все в этих местах, в отрогах Танну-Ола. Прошлый сезон работал немного восточнее, сейчас—здесь, в котловине. До монгольской границы подать рукой— Володя прекрасно ориентируется в местности. За хребтом исток Енисея. На северо-востоке, километрах в двухстах,— Кызыл, столица Тувинской республики. а если подняться на вершину хребта, видно озеро Убсу-Нур,— это уже в Монголии. Выдрин с тремя ребятами ушел по извилинистым долинам дальше, километров за семьдесят. Володю оставил в котловине наносить на карту выходы сильвии. «Вот тебе палатка, продукты,— наказывал строго настрого.— Задержишься дней на десять-двенадцать. Ровно через две недели догонишь нас, иначе будем разы-

скивать. Рацию берем с собой. Что тут с тобой может случиться?» Ушли. Борисов работает дальше к востоку. У него куча ребят и девчонок — там не соскучишься. Выдрин с Борисовым ведут связь по рации. А Володя один. Что с ним может случиться? У него в палатке — ружье. Местность довольно открытая: увалы, невысокие гряды скал. Хребты по бокам котловины, — туда Володе лезть незачем. В котловине там и тут пятна лесов: ель, лиственница, подлесок; по берегам ручьев — облепиха. Третий день Володя наносит на карту проплешины сильвинита. Встречается свинцовый блеск, по ручьям — присененная сверху слюда. Все уже примелькалось, ничего для этих мест необычного.

И вот — Гарсон. Володя глядит на робота. Тот сидит, поджав ноги, с невозмутимым спокойствием. «Перечни-ца!» — ругает его Володя. В глазах кибера дрожит свет — будто посмеивается над Володей.

Володе совсем не до смеха. Володя ломает голову: что делать? Бросить работу, идти к Выдрину? Пойдет ли с ним кибер? Вдруг не пойдет? Останется или вовсе улетит прочь. Машина своюенравная — голой рукой не тронь. И не вступает в переговоры. Может, у него такое назначение — наблюдать. Соглядатай. Что он тут увидит, с Володей? Странно! В высшей степени странно. Как непонятный сон.

Попытаться еще подойти к нему? Володя как бы неизнанай делает к работе три-четыре шага. Тот встает и отодвигается. Тогда Володя решается еще на одну хитрость. Тут есть пещера... Володя закрывает карту, как будто он выполнил задание, берет молоток. Замечает, что кибер начинет проявлять беспокойство. Несомненно, он читает мысли Володи. Но все ли он понимает? Володя закидывает рюкзак на плечи и меняет маршрут — идет к пещере. Кибер идет впереди него. Это Володе и нужно. О пещере он старается не думать, — просто сменил

направление, мало ли у него здесь работы? До пещеры километр с лишним, они так и преодолевают этот маршрут — Володя намечает путь между камнями, кибер следует этим путем.

Показалось жерло пещеры. «Туда», — направляет Володя. Гарсон как ни в чем не бывало шагает в пещеру. Пещера неглубокая, искусственного света не нужно. Солнце склоняется к западу, освещает ее прямыми лучами. Володя не знает еще, что он будет делать и, конечно, не знает, что будет делать кибер. Но Володе еще хочется испытать его, зажать в тупике, — может быть, Гарсон подобрет, как-то станет ближе к Володе. Пока все спокойно, они идут, но тупик приближается. Робот по-прежнему выдерживает дистанцию. Сейчас он упрется в стену. Три шага, два, один шаг... И вдруг — бац! — Володя летит на землю навзничь, так, что у него лязгнули зубы, Гарсон взлетает в воздух и проплывает над Володей, перебирая лапками, словно отталкиваясь ими от воздуха. Все это время какая-то сила прижимает Володю к земле, он лежит пластом... Лишь минуту спустя становится легче и Володя в состоянии поднять голову: Гарсон опустился у выхода и, чуть спружинив, покачивается, наблюдая, как Володя встает и ощупывает шишку на голове. В сумраке пещеры глаза его блестят живо и весело, словно подшучиваю. Володе совсем не до шуток.

— Змей! — говорит он. — Твоя взяла. Но сколько же это будет продолжаться?

Кибер молчит, они так и возвращаются в лагерь — молча.

Володя готовит ужин. После ужина сидит у костра и смотрит, как затухают угли. Старается оценить обстановку. А как ее оценить? Ночь и звезды. И два зеленых огонька напротив, неотрывно глядящих на него. Но странно: они его не пугают и не тревожат. Они смотрят,

и свет в них о чем-то думает. Они не давят и не гипнотизируют,— неподвижные глаза совы были бы неприятнее. Свет пульсирует в них, живет, и от этого глаза кибера кажутся живыми, веселыми.

Володя уже не пытается говорить с ним. Володя не знает, что делать. Беспомощность не красит его, но Володя на что-то надеется. Пока он не может сказать,— на что. Он считает, что сегодняшний день и встреча — только начало. Еще будет продолжение, разговор, если не словами, то какими-то знаками. Это придумает он, Володя, или придумает кибер. Может быть, кибера удастся увести к Выдрину, к людям. Ведь должен же он понимать, что Володя — не все человечество. Если кибер послан на Землю далеким неведомым разумом, он послан с целью ознакомиться с земной цивилизацией. Кибер должен заговорить. Дать ему эту возможность, не тревожить его, не преследовать. Не надоедать ему.

Угли подернулись пеплом. Володя вынул из палатки спальный мешок, неторопливо залез в него. Сейчас он заснет, а утро вечера мудренее. Лишь бы Гарсон никуда не ушел.

Засыпает Володя быстро. Он и сейчас заснул незаметно. И уже во сне видит, что кибер подходит к нему, оглядывает, ощупывает его. Что-то в корпусе кибера раздвигается, оттуда выползают щупальца — два, три, много — тянутся к лицу Володи, к рукам, он чувствует их прохладное прикосновение, но, как и глаза Гарсона, они не тревожат его, не давят. Наоборот, Володя расправляет руки, мускулы. Ему снится сон: он ребенок, еще в люльке, над ним склоняется лицо матери, Володе приятно видеть ее глаза, улыбку, слышать ее голос. Приятливый сон владеет Володей. Володя чувствует солнце, ветер, прохладу воздуха и воды; видит себя со стороны — сон течет как река: Володя в детском саду, в школе, читает и пишет, видит, как он водит пером по строч-

как тетради и как читает стихи: «Мороз и солнце — день чудесный!» И так — всю ночь до утра.

Утром ничего не меняется. Кибер на своем месте, и Володю охватывает отчаяние: он ничего не может узнать от Гарсона. Встреча закончится ничем — и к чему все это?

Володя решается. Он поведет робота к Выдрину.

Семьдесят километров — это двенадцать часов ходьбы. В горных условиях — пусть пятнадцать. Володя кладет в рюкзак консервы, хлеб и говорит роботу:

— Пошли!

Они идут километр, другой. Робот послушно подчиняется мысли Володи: пересекает ручьи там, где приказывает ему Володя, карабкается на скалы, сбегает в ущелье. Палатка и лагерь скрываются за грядой. Может быть, замысел Володи удастся? Только не думать, что он ведет кибера к Выдрину. А мысль об этом как назло лезет в голову. Володя старается отвлечь себя, считает шаги, поглядывает, высоко ли поднялось солнце. Иди, иди, говорит он роботу, не все ли равно, куда нам идти? Денек-то, денек какой — солнышко...

Но вот кибер, кажется, что-то понял: движения его становятся неточными, он даже подпускает Володю к себе почти вплотную, колеблется.

— Пойдем! — говорит Володя.

Кибер отходит в сторону, пропускает человека вперед. Володя тоже колеблется, но проходит вперед. Оборачивается через минуту — кибер сидит на месте. Володя делает еще десяток шагов — кибер недвижим.

Что будешь с ним делать? Володя в отчаянии.

Никто не поверит, что была встреча с кибера, если не привести Гарсона в лагерь и не показать Выдрину и ребятам. Расскажи Володя обо всем на словах, без доказательств, — его высмеют и дело с концом. Кибера надо доставить в лагерь! Ведь он тут не просто для сво-

его удовольствия, его послали с неизвестной планеты для связи с Землей. Его надо обязательно привести в лагерь, иначе не будет никаких доказательств.

— Что же ты?.. — спрашивает Володя кибера.

Кибер не отвечает, не сходит с места. Так можно уйти, думает Володя, а робот останется. Упрямец! — ругает Володя кибера. — Каким пряником тебя поманить?.. Тот сидит себе под откосом, и глаза его прозрачны до изумления. Свести робота к Выдрину не удастся!

Володя возвращается к кибера. Оба они идут обратно в лагерь.

Надо ждать, решает Володя. Буду ждать!

Весь день он работает, Гарсон, кажется, им доволен,

Вечером Володя засыпает так же, в спальном мешке, и ему снится продолжение сна. Он заканчивает школу, поступает в институт, спорит на семинарах, сидит за книгами. Получает диплом. Вместе с Шурой, женой, едет на работу в Саяны. Первый год работы, второй. Командировка в Туву. Выдрин, ребята, и вот — он один в котловине. Просыпается Володя внезапно — кибер не успевает убрать щупальца. Какое-то мгновенье Володя держит в руках присосок, но тот осторожно, даже ласково высвобождается из его пальцев, скрывается в металлическом корпусе.

Володе не страшно, даже нет неприятного ощущения. Он лежит еще минуту, расслабив мышцы рук и лица, хотя и понимает, что это уже не сон. Робот исследовал его, может быть, усыплял его. Может, Володя полностью, не сознавая этого, находится во власти кибера — молчаливого ласкового чудовища? Может быть, чудовище убьет его?.. Но зачем эти мысли? Володя может уйти. Мог уйти вчера утром, оставить Гарсона одного в котловине. И ушел бы, если бы не любопытство.

— Гарсон, — спрашивает Володя. — Кто ты?

Робот молчит. Они молчат до утра.

Днем Володя работает, Гарсон ходит за ним по пятачкам, как пес. Володя ждет, и робот понимает, что человек ждет. К вечеру ожидание становится невыносимым. Чтобы успокоить Володю, Гарсон сокращает расстояние между ними. Были моменты, когда Володя мог бы протянуть руку и дотронуться до кибера. Володя не сделал этого. Ждал, что будет дальше. В этом он чувствовал единственную надежду чего-то добиться.

И он добился.

Вечером, когда, проглотив второпях ужин, Володя допивал стакан чаю, робот приблизился к нему и, присев по другую сторону от костра, заговорил:

— Кто ты такой? Откуда ты взялся? Шпрехен зи дойч?..

Это была точная копия Володиного голоса, интонации, недоумения, звучавшего в первых вопросах к роботу, поставленных утром третьего дня.

— Парле ву франсе?.. — продолжал робот, и впервые за время встречи человека и робота Володя почувствовал холодок на спине — очень неприятно было слушать самого себя, свой голос, неумные вопросы. На секунду мелькнула мысль — может быть, перед ним кретин, идиот, запомнивший его слова и повторяющий их бездумно, как попугай?..

— Гм... — хмыкнул робот. — Откуда ты, черт, взялся?..

Еще бы немножко — одна такая реплика — и Володя попятился бы от костра в палатку. Робот сказал:

— Я же тебе не хочу плохого.

Что-то было уже другое в этих словах — какая-то новая грань в интонации, и это удержало Володю от позорного бегства.

— Ты не обиделся?.. — спросил кибер и рассмеялся — поклохтал, отдаленно напоминая искусственный смех Володи, когда тот в пещере потирал шишку на голове.

Это немножко успокоило Володю, он отер со лба капли пота. В конце концов все эти дни Володя ожидал разговора — чего же он испугался?

— Ты на меня не обиделся? — спросил робот, и эти маленькие два слова «на меня» сказали Володе, что перед ним не механический идиот, а мыслящее разумное существо — пусть робот, механический человек, но это разумное существо, и, значит, все пошло как нельзя лучше.

— Нет, не обиделся, — вполне осознанно сказал Володя. — Но ты все-таки скажи — кто ты и откуда?

Робот опять поклохтал. Смех у него не получался: какое-то горловое бульканье и шипенье — отвратительный смех. Но это было все-таки лучше, осмысленное и окончательно убедило Володю, что контакт между ним и роботом установлен.

Наконец робот сказал:

— Я из системы Дельта Кита, с планеты желтой звезды.

— И как у вас?.. — спросил Володя, кивая на окружающее.

— У нас — лучше, — коротко сказал кибер.

Ответ не удовлетворил Володю.

— Как лучше? — спросил он. — Богаче?

— Мы больше знаем, — ответил кибер.

— Тебе у нас не нравится?

— Не нравится, — ответил Гарсон. — У вас войны. Испытания атомных бомб...

— Так помогите нам! — воскликнул Володя.

— Как помочь? — спросил робот.

— Уничтожьте бомбы. Превратите их в... песок.

— Вы наделаете новых бомб.

— Ну... как тут сказать, — уничтожьте основу... — не мог сразу подобрать слов Володя. — Чтобы не делать бомб!

— Уничтожить атомную промышленность?.. — спросил робот.

Володя понял, что запутался, что так радикально решать вопросы нельзя. Робот молчал.

Володя переменил тему:

— Как ты попал на Землю?

— Запрограммирован в световом луче, — ответил робот.

— Телекинез?.. — спросил Володя.

— Собран здесь, на месте, из атомов.

— На Земле ты многое видел? — спросил Володя.

— Многое... — неопределенно ответил робот.

— Нашу страну видел?

— То, что вы называете — Ленин?

Володя удивился сущности, легко схваченной роботом, и подтвердил:

— Да, Ленин.

— У вас правильный путь, — сказал робот.

— А как ты оказался здесь, в котловине?

— Мне нужен был человек.

— Как?.. — не понял Володя.

— Отдельный человек, изолированный от всех других.

— Почему?

— Чтобы изучить и сделать вывод о всех.

— Разве это возможно?

— Чтобы знать состав океана, — сказал робот, — достаточно изучить каплю океанской воды.

— Ты выполнил задачу? — спросил Володя. — Ты уйдешь?

— Через тридцать минут.

Володя почувствовал, что времени нет, а спрошено и сказано так мало. Хоть бы он рассказал о своем мире, глазком бы глянуть — как там?

Робот угадал его мысли.

— Я унесу тебя с собой,— сказал он.

— Меня?..— отшатнулся Володя.

— Твою копию,— успокоил его Гарсон.— Ты будешь собран из атомов в нашем мире.

— Как же я буду жить?— воскликнул Володя.

Робот помолчал, видимо, сознавая, что дал промашку.

— Твое сознание будет жить,— сказал он, уточняя, что перспективы у Володи не такие уж мрачные.

— Все равно не хочу!— запротестовал Володя.

Робот опять замолчал, наверно, придумывая, как успокоить Володю, а Володя тем временем склонялся к выводу, что встреча разнопланетных цивилизаций не такая простая штука. Каждое слово, благое намерение может вырыть пропасть между мирами. И вообще, не Володе заниматься этим непростым делом — контактом цивилизаций. Ни ученого, ни дипломата из него не получится. Володя вздохнул.

— Не бойся,— сказал робот.— Тебя могут отправить назад.

— Второго?!.— ахнул Володя.

— Давай переменим разговор,— предложил робот.

Володя согласился, что переменить разговор будет лучше.

Странный это был разговор: вопросы—ответы, как где-нибудь на уроке в классе. Ни юмора, ни эмоций. Формальная логика. Кибер напомнил Володе учителя математики Волчека, который никогда не улыбался... В то же время Гарсона нельзя было назвать бездушным — машиной в полном смысле этого слова. Он замечал свои ошибки, видел, как реагирует на них человек. Об «отправке» Володи в систему Кита он сказал прямо, однако, видя замешательство человека, сам пришел в замешательство, стараясь найти выход, чтобы облегчить участь Володи. Выхода не было, и он поступил так же,

как человек,— переменил тему разговора. Володя ведь тоже зашел в тупик с проблемой атомной бомбы и переменил разговор. Трудно было определить, заложено это в кибере или он перенял от Володи способность таким образом уходить от неприятного разговора. Если это заложено в программе робота, то психика далеких китян мало чем отличалась от психики человека, и это роднило китян с людьми так же, наверное, как и облик китян был схож с человеческим: четыре конечности, голова, глаза. У Гарсона, правда, было две пары глаз, но, может быть, это удобно для конструкции робота?.. Боже мой, не спрашивать же у робота, сколько глаз у китян!..

А время неумолимо шло. Володя твердил себе: полчаса для разговора, всего полчаса!.. Володя словно видел перед собой часы и стрелку, передвигающуюся по циферблату. О чем говорить?— метался Володя от одного вопроса к другому. Как бывает в такие минуты, в голову не приходило ничего путного,— стрелка часов неудержимо двигалась по циферблату. Лучше бы кибер не говорил, что улетит через тридцать минут.

Володя спросил:

- Вы имеете контакты с другими цивилизациями?
- Имеем,— ответил робот.
- И с такими, как на Земле?
- И с такими имеем.
- Вы помогаете им?
- Пытались.
- Ничего из этого не получилось?— спросил Володя, основываясь на личном опыте.
- Не получилось,— ответил робот.
- Почему?
- У каждой цивилизации своя история, свое развитие. У разумных существ своя психология. Они не терпят вмешательства, не любят советов. Или используют все не так. Вмешательство не приводит к хорошему,

пока цивилизация не созрела,— пока существуют войны.

И все же, рассуждал Володя, как же так — не помочь? Хотя бы в развитии науки, техники, ухватился он за новую мысль. Если китяне сумели перебросить кибера к нам на Землю, они обладают могучей техникой, ушли вперед и помочь им нам ничего не стоит. Ах ты, жалко нет времени! А надо подойти к вопросу не споряча, ведь в самом деле можно выпросить такое, что может пойти во вред. Недаром предупреждал кибер, говорил о несозревшей цивилизации. Разве мы можем сказать, что у нас созревшая цивилизация? Испытания атомных бомб... Володя мучительно напрягал мысль, чем бы могли помочь нам китяне,— его не покидало желание облагодетельствовать человечество.

Стрелка незримо бежала по циферблату, отмеряя последние минуты их разговора. Странного разговора,— опять отметил Володя. Никому на Земле, наверно, не приходилось вести подобного разговора. Володя посмотрел на кибера. У того в глазах все так же понимающие и спокойно работал свет. «Наверно, он чувствует мою растерянность»,— подумал Володя. Сколько у них еще времени? Стрелка беспощадно отсчитывает секунды... О чем они говорили? О помощи. Разве не могли бы китяне помочь человечеству? В космонавтике, в медицине, в биологии — во всем решительно.

— Я могу помочь тебе лично,— сказал Гарсон.

— Как?— спросил Володя.

— Дай карту местности.

Володя раскрыл планшет и вручил роботу карту.

— Карандаш...— попросил тот.

Володя дал ему карандаш. Робот выбросил из корпуса другую руку и, ловко держа карандаш, мгновенно покрыл карту химическими значками. Володя с изумлением увидел, что котловина изобилует элементами чуть ли не всей таблицы Менделеева. Вот и доказательство,

думал он,— карта, заполненная рукой робота! Иначе, кто поверит во встречу?

— На,— сказал робот, подавая Володе карту.— И отойди подальше.

Володя отошел и стал наблюдать. Убранные руки, согнуты ноги,— впервые Гарсон сел на окружный киль.

— Прощай,— сказал он Володе.

Еще мгновенье — и в свете гаснущего костра абрис робота затуманился, стал таять и расплыться, как льдинка на горячей плите. Только зеленые озерца глаз не хотели тускнеть и все так же, играя светом, смотрели на мир, пусть не устроенный, не созревший, но, по мнению Володи, все же хороший. Но вот и зелень исчезла. Между камнями, где Володя впервые увидел робота и где робот, облюбовав местечко, сидел три дня, не было ничего. Ничего. Остались только воспоминания и карта, заполненная удивительным кибером. Все-таки есть доказательства встречи, есть!

Володя подбросил хворосту в костер и принялся разглядывать карту. Но удивительно,— почерк на карте был точно Володин, до последней завитушки и запятой! Даже S, латинское S, которое Володя писал с немыслимой закорючкой, было — точно!— Володино и никого другого: ребята ведь знают! Карта была составлена рукой Володи, и никому — тем более скептику Выдрину — не докажешь, что над ней потрудился китянский робот. В досаде Володя прикусил губу.

Потом Володя стал собирать рюкзак: делать в котловине ему было решительно нечего. Завтра он пойдет в лагерь, к своим. Семьдесят километров — это двенадцать часов ходьбы, если не останавливаться. Володя постарается уложиться в срок—без перекуров и отдыха.

ДОЛЖЕН ВАМ РАССКАЗАТЬ

Я

Кэбот Финк, судовой врач. Получил медицинское образование в Принстоне. Знаю итальянский язык. Увлекаюсь музы-
кой Россини и Верди. Хочу побывать в Италии, послушать «Дон Карлоса» с итальянской сцены, поискать новые народные песни: итальянская музыка — мое хобби.

Но я далек от фантастики, от политики и от баллистики. Современный мир с Вьетнамом и атомными грибами меня возмущает. Больше — он мне противен. Музыка да солнце над головой — единственно светлое, что еще остается в жизни. Женщина может вам изменить, поэзия — обмануть, фантастика — напугать. Всему этому я не верю. А вот послушать «Дон Карлоса» я бы не отказался. Не откажусь побывать в Италии — в Милане, на пьяцца Челлини. Кстати, в Милане лучший из оперных театров Европы Ла Скала... На пьяцца Челлини мне нужно найти семью Текки, отца и мать, и рассказать им об их сыне Артуро. Номера дома на пьяцца Челлини я не знаю. Мне надо будет обойти всю площадь. Если встретится несколько семей Текки, у всех придется спрашивать, был ли у них сын Артуро. Это страшно — спрашивать, был ли Артуро, потому что Артуро сейчас нет в живых. А рассказать старикам надо историю, в которую я не верю. Потому что в фантастику я вообще не верю. История мне кажется фантастической от первого до последнего слова.

Итак, я судовой врач. Плаваю на рефрижераторе «Элмери» из Сиднея в Сан-Франциско и из Сан-Фран-

циско в Сидней. Одиннадцать тысяч девятьсот километров в каждый конец. Это меня устраивает. Океан, солнце над головой, и целые месяцы на горизонте — ни пятнышка. Штормы и шквалы не в счет. К ним можно привыкнуть. В конце концов за все надо платить, за солнце и океан — тоже. Зато какой простор, как легко дышится! И полная безопасность: «Элмери» неплохая посудина. Неторопливая, правда, а куда торопиться бараным тушам?..

Капитан Фримен шутит по этому поводу:

— Пусть прохладжаются. Еще успеют зажариться в ресторанах Лос-Анжелоса и Фриско...

С капитаном Фрименом я плаваю шестой год. За это время мы узнали друг друга с достаточной полнотой. И уважаем друг друга. Во всяком случае, в той мере, чтобы не досаждать один другому бессмысленной болтовней. В этом плане все у нас сведено к минимуму: «Доброе утро, док» — «Доброе утро, сэр», «Добрый день» — «Добрый день», «Покойной ночи» — «Взаимно, сэр». И — ничего больше. Ни трепотни, ни политики. Не то, что на других кораблях: «Э, док, все равно наши джай всыпят красным по ту и по другую сторону от семнадцатой параллели. Это же ясно, как на таблице, док: дважды два — четыре, а не двадцать пять и не кибернетика. Будете спорить?...». Капитаны танкеров и рефрижераторов отчаянные политики — всех бы в советники президенту... Ничего подобного у нас с капитаном Фрименом. «Покойной ночи, док», — и легкий поклон. Может быть, потому, что с «Элмери» за эти шесть лет не было происшествий, а с нами никаких потрясений. До последнего рейса.

Последний рейс — исключение. Но начнем по порядку: сначала и не упуская подробностей. Нет, это не протокол. И не хроника. Это последовательная цепь событий, как они произошли в океане и как запомнились мне,

Кэботу Финку. Здесь будет не один мой рассказ. Здесь и рассказ Артуро. Мне бы хотелось подчеркнуть разницу между тем и другим. Об этом я еще скажу впереди. Но все же прошу эту разницу видеть и помнить.

Нас на «Элмери» потрепало тайфуном, сбило с пути. Это была «Джина», наделавшая немало дел в океане. Тайфунам даются ласковые женские имена, что совсем не соответствует их характеру. «Джина» унесла у нас две спасательные шлюпки, сорвала антенну и на протяжении двадцати метров сломала фальшборт на правой стороне корабля. Как ни плясали мы в дрейфе, она стянула нас к югу, в середину акватории, где испытывалось секретное оружие. Когда наконец мы обрели способность ориентироваться, капитан заорал в машинное отделение:

— Полный вперед, дьяволы! Знаете, где мы находимся?..

И не ушел с мостика, пока «Элмери» не выскочил за линию невидимого квадрата.

«Джина» прошла так же внезапно, как началась, океан стал успокаиваться, на корабле команда занималась ремонтом: натягивали антенну, чинили перила.

— Давай, поторапливайся! — покрикивал капитан Фримен.

Больше всего он жалел об утерянных шлюпках. Шлюпки были новые, взамен снятых в Сиднее. Потому их и унесло, что они, по мнению капитана, не «прилежались» на месте. Будь это старые, добрые, с облупленной краской шлюпки, они, конечно, бы уцелели. Капитан не знал, кого винить за потерю, — помощники ходили с независимым видом, придраться не к кому. Виновата во всем инспекция, по настоянию которой шлюпки были заменены. Но инспекция далеко, настроение сорвать не на ком, и потому капитан покрикивал на матросов:

— Поторапливай!..

«Элмери» вышел на линию Сидней—Фриско, каждый час могли встретиться корабли, капитану не хотелось, чтобы в сторону рефрижератора тыкали пальцами.

— Шлюпка слева по борту!— раздался вдруг крик вахтенного.— Капитан, шлюпка слева по борту!

Все свободные от работы ринулись к левому борту, капитан направил бинокль туда, куда показывал вахтенный. Я отчетливо слышал, как Фримен сказал:

— Лопни мои глаза!..

Капитан умел произносить крепкие слова, и — как я убеждался неоднократно,— очень кстати.

— Лопни мои глаза,— повторил он,— если это не шлюпка с «Элмери»!..

Помолчал минуту, вглядываясь, и сказал:

— Наша шлюпка!— Гаркнул в машинное отделение:— Стоп!

Я подошел ближе:

— Капитан, вы сказали, что это наша шлюпка?..

— В ней человек!— вместо ответа воскликнул капитан Фримен.— Листред!— крикнул второму помощнику.— Готовьте спасательный бот!

Матросы бросили работу на палубе, перешли к левому борту. Заскрипели блоки, опуская в море моторный бот. Теперь и матросы увидели, что шлюпка с «Элмери».

— Наша!

— Вот это факт! Нашли свою шлюпку!

— Ребята, в ней кто-то есть!

— Из наших?..

— Наши все на борту!

— Боцман, точно, что наши все на борту?..

— Все,— подтвердил боцман.

— А в шлюпке кто?..

— Эй, внизу!— закричал боцман Листреду, севшему за руль спасательного бота.— В шлюпке кто-то из постоянных!

— Что? — Листред не расслышал — моторист запустил мотор.

— Человек в шлюпке! — закричал боцман.

Листред опять не расслышал, махнул рукой. Бот, развернувшись, круто взял к шлюпке.

На борту все затихли. «Элмери» покачивало на пологой волне. С мостика было видно, как бот подошел к шлюпке и как Листред поднялся во весь рост, заметив наконец человека. Помощник, размахивая руками, давал распоряжения. Матрос перепрыгнул с бота на шлюпку, ему бросили конец, который он тотчас закрепил на носу шлюпки. Склонился над человеком, лежавшим на корме, потом обернулся к Листреду, — наверное, что-то сказал, — слов не было слышно. Бот развернулся и пошел к «Элмери», шлюпка шла на буксире. На борту «Элмери» по-прежнему было тихо, все смотрели на бот и на шлюпку, старались рассмотреть в ней человека, лежавшего неподвижно лицом вверх.

— Живой или мертвый? — спросил кто-то у борта.

Ответом было молчание, все продолжали вглядываться в шлюпку и в распростертное тело. Лучше всех было видно капитану в бинокль. Боцман спросил:

— Как там в шлюпке, кэптэн?

Капитан не ответил и не опустил бинокль. Он видел лицо лежавшего в шлюпке, — с закрытыми глазами, с заострившимися чертами, — такое лицо должно быть у человека, найденного в океане, в заброшенной шлюпке. На бороде щетина, глаза ввалились. Но это не было лицо трупа. Человек был жив, и капитан Фримен сказал:

— Похоже, док, что вам предстоит немало работы.

— Да, капитан? — спросил я.

— Уверен, — ответил капитан. — Абсолютно.

Шлюпку подняли на борт. Дюжина рук потянулась к лежавшему без сознания человеку.

— В лазарет! — сказал капитан.

Незнакомца пронесли сквозь коридор расступившихся моряков и поместили в госпитальной каюте, рядом с моей, врачебной. Человек был в коллапсе — с пониженным кровяным давлением, с признаками аноксии, кислородного голодания. Одежда незнакомца была измята, разорвана, волосы жесткие, сизые от соляного налета. Было похоже, что человек долгое время находился в воде и потом выбрался из воды в шлюпку. Физических повреждений на теле не было, если не считать на ви-сках синеватых пятен, величиной с центовую монету, — похожих на следы удара или присосков. Вокруг губ тоже была синева. Поражала худоба и истощенный вид незнакомца. Пульс и дыхание ощущались слабо, человек был на грани жизни и смерти.

Я дал ему кислород, сделал растирание грудной клетки, чтобы усилить кровообращение. Когда пульс участился, мне удалось сквозь стиснутые зубы незнакомца влить несколько капель спирта. На его щеках появился румянец, ресницы дрогнули, но глаза не открылись; по телу прошла сильнейшая судорога, пальцы вцепились в простыню, точно в испуге, потом мышцы человека расслабились и он несколько раз вздохнул.

Я решил, что для начала достаточно: состояние коллапса прошло, дыхание выровнялось. Человек заснул.

Матрос, который помогал мне в каюте, обратил внимание на его куртку, с застегнутым нагрудным карманом. Я велел передать куртку мне, расстегнул карман. Там оказалась матросская книжка. Вода повредила надписи, — я уже говорил, что, судя по измятой и насквозь просоленной одежде, человек долгое время пробыл в воде; записи в книжке выцвели, расплылись, но все же можно было разобрать крупные буквы имени и фамилии: Артуро Текки.

Книжку я отнес капитану.

— Что, доктор? — встретил он меня вопросом.

— Пока ничего, — ответил я. — Вот матросская книжка.

— Артуро Текки, — прочитал капитан. — Итальянец?

— Наверное, итальянец, — согласился я.

— Откуда?

— Откуда появился в море?

Капитан кивнул.

Я недоуменно пожал плечами.

Вошли оба помощника капитана. Стюард принес обед. Данных для разговора не было. Помощники удовлетворились тем, что подобранный в море — итальянец по имени Артуро Текки. Листред спросил:

— Спит?

— Спит, — ответил я, и разговор был исчерпан.

Вечером незнакомец спал, ночью тоже спал без движения. В середине следующего дня сам перевернулся на бок. Пульс был неравномерным: иногда учащался, иногда бился еле заметно. Принимать какие-либо меры я не хотел: сон — лучшее лекарство.

За ужином капитан спросил:

— Ну что, док?

— Спит, — ответил я.

— Спит?..

— Может, его разбудить? — вмешался в разговор Листред.

Кажется, Листред больше всех заинтересовался спасенным, но сдерживал свой интерес, чтобы не забегать вперед капитана. Неписаный этикет — капитан все знает, капитан всегда прав, — соблюдался в нашем кругу, как на всех кораблях.

Капитан взглянул на помощника и промолчал. Листред с большей сосредоточенностью уткнулся в тарелку. На вопрос помощника ответил я:

— Спасенный нуждается в восстановлении сил. Сон для него полезен.

Однако к ночи в состоянии Текки наступили изменения к худшему. Поднялась температура, участилось дыхание. Больной начал метаться:

— Душно! — повторял он, комкая на груди рубашку. — Спасите!..

Я ввел ему пенициллин, но это не помогло. Спазмы сдавливали ему горло, судороги корчили тело.

— Тону! — вскрикнул он несколько раз. — Тону!

И так же неожиданно затих и открыл глаза.

— Я в каюте? — спросил он, пытаясь приподняться на локтях.

— Успокойтесь, — уложил я его опять на койку. — Не делайте резких движений.

— Я в каюте! — повторил он. — Спасен! Святая Мадонна! — упал на подушку, закрыл глаза.

Спустя минуту, спросил:

— Что за корабль?

— «Элмери», — ответил я. — Идем из Сиднея.

— Как я сюда попал?! — вскрикнул Текки.

Коротко я рассказал историю его спасения. Он спросил:

— В шлюпке?..

— В шлюпке, — подтвердил я.

— Святая Мадонна! — повторил он. Некоторое время молчал, потом спросил, как мне показалось, самого себя: — Было это или не было?..

— Успокойтесь, — сказал я, стараясь как можно мягче обращаться к нему. Но эффект получился обратный, Текки вскочил:

— Верить этому или не верить?

Я опять уложил его на подушку.

— Вы ничего не знаете, ничего не знаете, — повторял он. — Вы ничего не знаете! Кто это был, скажите? — обратился он ко мне, глядя в глаза. — Кто был? О, мамма мия!..

Похоже, что Текки свихнулся — это в океане бывает.

— Не надо волноваться, Артуро, — просил я.

Текки опять поднялся на локте:

— Вы знаете мое имя? Они тоже знали мое имя!

Понимаете, — знали!

— Вам надо успокоиться, — сказал я.

— Доктор, — спросил он, — вы католик?

Вопрос был из таких, что застают врасплох и не дают времени думать.

— Католик, — признался я.

— Я тоже католик, — сказал Текки, — и то, что я вам расскажу, будет чистейшая правда, клянусь вам.

Он сложил молитвенно руки, как перед распятием.

— Артуро, — сказал я, — вам надо подкрепиться. Я принесу тарелку бульону...

Больной не обратил внимания на мои слова. Поднявшись на локте и приблизив ко мне лицо, он заговорил горячо и быстро, словно опасаясь, что у него не хватит времени рассказать все.

— Клянусь вам, доктор, это необыкновенное происшествие! Я не поверил бы всему, что случилось, если бы это произошло не со мной. Но это произошло со мной, Артуро Текки из Милана, с пьяцца Челлини. Я могу умереть, доктор, в груди у меня все горит, — я дышал водой и натрудил легкие, — я умру, но я должен вам рассказать все, что случилось. У вас доброе лицо, доктор, вы католик, и вы поверите мне — католику. В святые минуты перед концом люди не лгут. Я не солгу вам. Не солгу ни в одном слове, доктор, только вы меня выслушайте.

Текки был в сильном волнении: руки его тряслись, глаза горели неистовством. Но я не знал, как отнестись к его словам. Был ли это бред, агония? Подозрение, что парень свихнулся, я отбросил. Говорил он логично, темпераментно, правда, но в его словах не было путаницы, все сводилось к одной мысли, которую он страстно же-

лал высказать. И, надо признаться, я начал уступать ему, он подчинил меня своей воле. Может, здесь примишивалось любопытство с моей стороны — о чем хочет рассказать человек. Определенно скажу: мне хотелось узнать его тайну, выслушать исповедь. И пожалуй, он был прав, ему оставалось недолго жить: щеки его рдели от лихорадочного румянца, на лбу выступил пот. Только глаза жили на исхудалом, заросшем щетиной лице. Они умоляли, требовали, чтобы я выслушал умирающего.

«Элмери» покачивало на легком ходу, в иллюминаторы глядела ночь; две-три круглые звезды качались в овальных стеклах; иллюминаторы казались парой глаз, глядевших на нас из темноты. Слабая лампа под потолком бросала рассеянный свет, вторую лампу в изголовье больного я не включил. Команда спала, лишь неторопливые шаги вахтенного звучали над нами на палубе.

Я дал Текки успокаивающего, и он опустил голову на подушку. Я присел у него в ногах, чтобы лучше видеть его лицо. Приготовился слушать.

Текки начал рассказ:

— Я служил техником на миноносце «Эрл». Команда специально подбиралась на этот рейс: магнитологи, радиотехники, хотя всем нам выдали матросские книжки. Но я сделаю отступление, чтобы стало понятно, как я попал на миноносец: я учился в университете в Болонье, потом с сестрой выехал в Штаты, работал в «Америкен электроник». Отсюда был призван на военную службу и только после этого попал на эсминец. Последнее время «Эрл» базировался на Гонолулу. Когда мы выходили в рейс, мы не знали, куда идем: военно-морская служба так же, как летная, — сплошные потемки. Приказ, тревога, отбой. Хорошо, хоть пока — отбой. Цель похода нам сообщили, когда мы оказались в акватории, ограниченной Пентагоном, предупредившим мир, что в этой части Тихого океана проводятся испытания новых видов ору-

жия. Мы не знали, чем набит трюм эсминца и зачем на борту дюжина обезьян. Теперь нам сказали, что будем испытывать электронные мины. Биоэлектронные — было бы ближе к истине. С автономным поиском и управлением. Приманкой для них служат биотоки мозга — человека, обезьяны, собаки, — всего живого... Убийством было посыпать нас на такое задание.

В море были опущены деревянные щиты в виде треугольников, в вершине которых помещены клетки с обезьянами, — на каждом щите по одной обезьяне. Щиты устанавливались на расстоянии трех миль от эсминца, строго по сторонам света. Поочередно «Эрл» становился бортом к мишеням. Вытягивалась телескопическая труба — хобот, — чтобы мину отвести как можно дальше от корабля. Минны были трассирующие, оставляли после себя яркий зеленый дым.

Мы трое: лейтенант Хэбл, моторист и я попали в четвертую шлюпку. Отбуксировали щит к северу. Тут мы замешкались: баллоны спустили воздух, и щит потерял устойчивость. Провозились мы с ним полтора часа, — другие шлюпки вернулись на «Эрл». Капитан дважды спрашивал по радиотелефону:

— Скоро вы, Хэбл?..

— Идем, капитан, — ответил наконец Хэбл и повернул шлюпку.

Что-то неблагополучное было на западной мишени. Капитан отвлекся от нас, но, видимо, от радиотелефона не отошел, мы в шлюпке слышали продолжение разговора:

— Что вы говорите?.. — спрашивал капитан.

— Марта не подает признаков жизни.

— Околела она там?.. — Разговор шел об обезьяне.

В это время с пульта у капитана спросили, можно ли делать пуск. «Эрл» стоял бортом к западу, телескопическая труба была направлена к цели.

Капитан, видимо, ждал, когда мы приблизимся. «Поторопитесь, Хэбл!». Но график испытаний — есть график:

— Командир, — время... — напомнили с пульта.

Капитан все еще медлил, может быть, его беспокоило, что Марта не подавала признаков жизни. В телефон было слышно тиканье хронометра. Наконец капитан скомандовал:

— Залп!..

В этот момент я смотрел на наш щит. Все-таки он стоял косовато, как наклонившийся парус. Меня застали обернуться восклицание Хэбла:

— Сто дьяволов!..

Я оглянулся и сначала не понял, в чем дело. На месте эсминца стояла рогатка в виде буквы V, где расходящимися крыльями были нос и корма, — середина корабля погрузилась в воду. Только через пять-шесть секунд до несся взрыв, когда ни буквы V, ни эсминца уже не стало, — все кануло в воду. Лишь от западного щита зеленой петлей к эсминцу тянулся след трассирующего дыма. Видимо, Марта действительно околела, и мина, не найдя биотоков, повернула обратно к эсминцу, ударила в середину судна и разломила его надвое как пирог. Гибель команды и судна была мгновенной.

— Сто дьяволов! — повторил лейтенант и перекрестился. — А как же мы?..

Ответом ему был порыв шторма, налетевший на шлюпку.

Дальше наступил ад. Шлюпку перевернуло. Моториста или зашибло, или он сразу же захлебнулся. Мы с Хэблом цеплялись за скользкое днище — оба с разных сторон. Подавали друг другу голос, сигнализируя, что живы. Среди молний и рева взбесившихся волн наши голоса были не громче козьего блеяния. Потом Хэбл затих, видимо, сорвал ногти и оторвался от шлюпки.

Мне удалось влезть на перевернутый киль,— в этом мне помогла волна, поддавшая сзади,— и я сел на киль, как наездник. Потом распластался, прильнув телом к продольному брусу и молил небо, чтобы меня не смыло. Наверно, мои мольбы были услышаны: шлюпку несло по волнам, а я лежал сверху, как пласт.

Проходили часы, наступила ночь, меня все болтало вверх, вниз, купая то в пене, то в соленой пыли. Вряд ли меня могло унести далеко: шлюпка без управления дрейфовала, и каждый час тянулся, кажется, без конца. Я наполовину оглох, наполовину ослеп, задыхался, ни на что не обращал внимания,— только бы удержаться. Зачем держаться,— этого я не сказал бы тогда, не скажу сейчас. Даже если бы шторм прекратился, все равно я был обречен на гибель. В центре опасной зоны рассчитывать было не на что, ни один корабль не прошел бы вблизи. Но я все равно цеплялся за шлюпку, за глоток воздуха. Только бы глоток воздуха!.. И все же в хаосе воды, ветра и молний увидел, как, распоров небо, в океан опускалось что-то огромное, иссиня-черное, похожее на сковороду или диск, медленно вращавшийся, почти задевавший волны. Я, наверное, не увидел бы его, если бы не сполохи, дрожавшие в нем, как в зеркале. Мадонна, подумал я, небо опрокидывается в океан!.. Диск показался мне невероятно огромным — во всю ширину небес. Но это было обманчиво: он опускался близко, рядом, и когда задевал за верхушки волн, они обращались в пар и шипели, как если бы в воду погружалась раскаленная сталь. Молнии били беспрерывно, и в их свете я видел как днем этот диск, мчавшийся по волнам. Он катился наклонно, как доллар,пущенный по полу, и одновременно погружался в воду,— краем, до половины и затонул совсем, подняв облако водяной пыли и пара. Меня обдало теплом, как из кузницы, накрыло тучей, и все исчезло.

Может, запущена какая-то штука вместе с электронными минами, мелькнуло у меня в голове, но думать об этом было некогда,— положение мое становилось отчаянным.

Время шло, а я все цеплялся за днище,— распластанный точно камбала. Промок до костей, просолился насквозь, но продолжал держаться за мокрый брус. Иногда меня поднимало волной, отрывало от шлюпки ноги, казалось, наступало последнее для меня мгновенье. Но пальцы сильнее впивались в дерево,— мне, на дизо себе самому, удавалось держаться.

К концу ночи я ослабел, как кролик. Ветер выл, молнии слепили глаза. Меня охватывало пеной, пузырьки лопались на лице, на шее, волосы трещали на голове, сгорая в пламени молний. Водяная пыль забивала легкие, набивалась в рот горькой солью. Сколько раз приходила мысль разжать занемевшие пальцы,— лучше погибнуть, чем изнемогать в безнадежной борьбе. Наверно, я так бы и сделал, разжал пальцы, если бы чудовищная волна не перевернула шлюпку и я не оказался в воде. Меня швырнуло по инерции вниз, почти оторвало от днища. Но тут я почувствовал, что лодка идет в глубину и оттолкнулся от нее, чтобы всплыть на поверхность. Это мне удалось, я вдохнул воздух, но вторая волна ударила меня сверху, я потерял сознание и, не сопротивляясь, пошел камнем вниз...

Артуро закашлялся. Несколько капель крови брызнуло ему на рубашку.

— Видите,— сказал он,— я слишком долго дышал водой...

Я подал ему платок, он приложил его к губам и прилег на подушку. Тело его под простыней вытянулось, стало длинным, как у покойника. Я ни о чем не спрашивал, прислушиваясь к его дыханию. Над головой ходил и ходил, как маятник, вахтенный.

Но вот Текки заговорил снова:

— Удивительно, что я не погиб. Но самое удивительное началось после. Я очнулся в круглом, плоском, точно кастрюля, помещении на невысоком столе, чувствуя локтями мягкость подстилки, мне показалось,— поролоновой. Помещение было залито тусклым красноватым светом, который исходил неизвестно откуда и нес с собой теплоту. Пожалуй, это был не свет, как мы его понимаем, а светящееся тепло. У изголовья стоял высокий цилиндрический аппарат, отсвечивавший желтизной меди. От него к моему рту тянулись две гибкие трубки, оканчивавшиеся респиратором. Респиратор плотно присосался к губам. Несколько проводов с присосками были подсоединенены к вискам, к шее и к левой руке. Мне казалось, что я весь опутан проводами и шлангами. К респиратору через шланг подводилась вода, я дышал водой,— с трудом, но дышал водой. Я хотел сорвать респиратор, резко повернулся на ложе и сейчас же обмяк: из красных сумерек ко мне приближались тени...

— Я лежал вот так,— Текки сжался в комок,— а они приближались оттуда,— показал он на дверь.— Но это не были тени. Это были живые существа! В страшном сне я не хотел бы увидеть таких...

Текки сделал усилие подняться на койке, но опять закашлялся и приложил к губам платок. Было так тихо, что я слышал ход старинных часов. Брегет я держал в руках. Зачем я его держал в руках? Чтобы не смотреть в глаза Текки? Не выдать смущения от рассказа или недоверия к рассказчику? Я ведь не верю в фантастику!

— В страшном сне,— повторил Текки,— я не хотел бы увидеть таких. Лишь с трудом можно было усмотреть в них человеческое подобие. Они были как свечи—толстые свечи... Внизу они раздваивались на две конечности—мускулистые ноги; вверху от цилиндрического тела отходили две пары щупалец. Выше щупалец ту-

ловище заканчивалось чудовищной, невообразимой, на наш взгляд, головой... Вы изучали в школе естествознание, помните рисунок птичьего мозга — два вздутия, разграниченных глубокой бороздой между ними. Такие были головы у этих существ. Лица не было. Передняя часть полушарий иссечена на ромбы, как ананас или фасеточные глаза насекомого; внизу — безгубая щель, рот. По сторонам вздутий две вертикальные щели, — может быть, уши, а может, жабры. Существа дышали водой... Боже, только повидав такую фантастическую картину, познаешь, как прекрасно и гармонично человеческое лицо!.. Прибавьте к увиденному серую, блеска металла, чешуйчатую кожу, — и перед вами портрет пришельцев.

О том, что это пришельцы из инопланетного мира, я узнал позже. В первый момент я испугался, страх парализовал меня, я не мог двинуть рукой, крикнуть... Может себе представить на моем месте? — Текки приподнялся на койке. — Да и как можно было крикнуть в воде?.. Я был нем, как камень. Я не мог спросить, кто они. К счастью, этого не потребовалось. Они разговаривали между собой, обменивались мыслями. И я понимал их разговор. Они выражали крайнее удивление по поводу меня лично, — находки, которую они выловили в глубине океана, находки, совсем не предполагаемой, потому что она оказалась разумным существом. Видимо, среди них был кто-то главный, может быть, начальник их экспедиции, они привели его посмотреть на меня и теперь твердили: разумное существо, это разумное существо! Оно, — показывали на меня, — обитает вне водной среды и погибло бы в воде, если бы не мы, — тут они употребили слово, мне непонятное, но указали на аппарат у моего изголовья. Очевидно, дело сводилось к тому, что они обогатили воду кислородом и этим поддерживают меня.

— У него разумный график мышления? — спросило одно из существ, шедшее впереди.

— Похожий на наш.

— Странно, — заметил тот, которого привели ко мне. — И неожиданно.

Существа остановились у моего ложа.

— Что показал преобразователь? — спросил первый, буду называть его — Главный.

— Картины инопланетной жизни на суще.

— На суще? — переспросил Главный.

Кажется, он не верил тому, что ему говорили. Приблизился еще, наклонился ко мне. Я опять закричал бы, если бы мог кричать под водой. Он смотрел на меня и в то же время не смотрел. Глаз у него не было, но я чувствовал его взгляд. Боже мой, не могу передать этого ощущения! Гипноз? Давление электрического поля на расстоянии?.. Этого нельзя выразить словами, оно даже не поддается чувству. Только во сне можно ощутить такой взгляд и увидеть таких существ — человеческий глаз не отличал одного от другого...

Я беспокойно заерзал на ложе, зажмурил глаза — взгляды, скрещенные на мне странными существами, давили меня, стискивали голову словно обручем.

Главный спросил меня:

— Кто ты?

— Человек, — хотел я сказать, но не выдавил из себя ни звука — только подумал.

— Человек... — повторил он, не шевельнув ни безгубым ртом, ни какой-либо другой частью «лица», — не подберешь слов, чтобы описать их обличье. Повторил — не то слово. Его «человек» прозвучало у меня в мозгу без какой-либо эмоциональной окраски и тембра — как шелест листьев.

— Как называется ваша планета? — спросил он.

— Земля.

— А звезда?

— Солнце.

Все четверо существ, обступивших меня, были поражены.

Был поражен и я. Тем, что живу, и тем, что вижу. Страх постепенно прошел, обстановка прояснилась. У меня уже не было ощущения бреда или, как мне внушили в детстве, «того света», ада, скажем, или рая. Я сознавал реальность происходящего, видел круглое помещение, существ, стоявших рядом со мной. Я мог бы протянуть руку и дотронуться до кого-нибудь из них. Словом, я жил — в очень странной, немыслимой обстановке, но жил и сознавал, что живу. То, что эти существа поддерживали мою жизнь, тоже казалось мне естественным. Пожалуй, это оттого, что мозг мой работал нормально, как работает сейчас, когда я говорю с вами. Телом я ощущал воду, тепло, дышал, хотя дыхание было затруднено: приходилось втягивать в себя воду и выталкивать из легких, — это тяжелее, чем дышать воздухом. Главное — я мыслил, обменивался мыслями с чуждыми для меня существами, это даже интересовало меня, несмотря на парадоксальность моего положения. Вы верите мне?..

Вопрос Текки опять был неожиданным, как тогда, когда он спросил — я католик? Но на этот раз я промолчал. Рассказ его был нелеп, как нелепа была обстановка, которую он описывал. Но рассказ был интересен, и на этом интересе строились наши взаимоотношения. Он рассказывал — я слушал.

Пусть рассказывает еще.

Не дождавшись ответа, Текки закрыл глаза. Казалось, он прислушивался к своему дыханию. В груди у него булькало и хрюпало. Двадцативаттная лампочка тускло горела под потолком лазарета. Вверху, на палубе, ходил и ходил, как маятник, вахтенный.

— Пожалуй, изумление было обоюдным,— заговорил Текки,— с их стороны и с моей. Сколько бы оно ни продолжалось, оно прошло. Началось знакомство друг с другом. Оказывается, они уже знали мое имя — Артуро... Не буду говорить о приборах и приемах, которые употребили пришельцы при разговоре со мной. Скоро я понял, что мне нужно максимально напрягать мысль и воображение, чтобы они меня понимали. И я делал это в угоду им, потому что они тоже старались отдать мне все, что могли. Кроме любопытства с их стороны и, как мне показалось, растерянности,— я ничего другого в них не увидел: ни страха, ни злости. Может быть, их растерянность была отражением моей собственной,— они хотели понять, что я такое, примениться ко мне и поначалу, возможно, считали страх и растерянность естественным для меня состоянием. Чтобы понять меня, пытались «влезть» в мою шкуру... Это были ученые, и обращение со мной было для них экспериментом над неведомым существом. Существо, к их удивлению, оказалось разумным. Они хотели иметь сведения о землянах, я им подробно передавал эти сведения. Они мне — свои.

Их информацию я усвоил не полностью, отрывками — как из старой книги, где целые главы оказались стертыми или выцветшими. Сейчас я не могу изложить все последовательно, мешает жар, головная боль,— ведь я умираю, доктор... Спрятать свои часы, не глядите на них! Они мешают вам сосредоточиться. Мне тоже мешают... Вот так, в карман, и не доставайте их больше.

Текки на минуту замолк, оправил простыню на груди, переложил платок из правой руки в левую,— все это были мелкие ненужные движения, но ему надо было успокоиться или собраться с мыслями перед главным, что он хотел сказать.

— Они с далекой звезды,— заговорил Текки, когда уже нечего было делать рукам: простыня оправлена, платок переложен из одной руки в другую.— Это черная невидимая звезда вблизи Центра Галактики, которая имеет несколько планет, близко обращающихся вокруг нее. Звезда почти погасла, не светит, она только греет, но дает достаточно тепла, чтобы на их планете существовала жизнь. Планета покрыта водой, жизнь, в том числе и разумная, зародилась и существует в воде. Планета называется Ири — так это звучало в моем мозгу. Иряне не знают, что такое солнечный свет, кванты и радиоволны. Свет они воспринимают как ту или иную дозу тепла. Энергетика их построена на освоении теплоты, гравитации и нейтринного излучения. Радиотехника у них отсутствует. Понятие об электромагнитных колебаниях чуждо их сознанию полностью. Зато нейтринная энергетика ими освоена хорошо,— связь на своей планете они ведут при помощи нейтринных потоков. Они ис следуют вселенную в поисках планет для колонизаций. Земля привлекла их внимание потому, что на две трети покрыта водой. Иряне понятия не имели, что Земля заселена разумными существами. Их приемная аппаратура, созданная на иных принципах, чем на Земле, не обнаружила человечества. Наше Солнце для их органов чувств было мощным источником тепла, и только. На всех диапазонах нейтринной и гравиосвязи Земля молчала, радиоволн их аппаратура не воспринимает,— Земля казалась необитаемой... Встреча со мной была для них все равно, что гром с ясного неба. Только через мой мозг они увидели наши города, машины, корабли, самолеты — все многообразие земной жизни. Поэтому они были так поражены. Мы со своей стороны не могли обнаружить их корабль: он полностью поглощал радиоволны, превращая их в тепло — как солнечные лучи. Электричества они тоже не знали. Потоки электронов считали

помехами, превращая их в теплоту. Вся их техника основывалась на трех видах энергии: гравитационной, нейтринной и тепловой. Развитие цивилизации шло совсем другими путями.

— Немного повторяюсь,— сказал Текки.— Но, повторите, от всего этого у меня голова как паровой котел. Я не понял, наверно, и половины того, что они пытались передать мне. Многое из их представлений я вообще не принял. Не мог понять их подводную жизнь,— лезла в голову какая-то мешанина. Об их нравах, обычаях и говорить нечего. Как они живут, развлекаются, любят — все это не дошло до меня. Они казались мне безобразными уродами, я изо всех сил крепился, чтобы не выдать негативного отношения к ним. Не дай бог, если они это поняли. По-своему они были гуманны; гостеприимны и вежливы, но в конце концов совершенно не знали, что со мной делать.

Я буквально свалился им на голову, едва они вышли из своего корабля. Это был биологический вид, попавшийся им на глаза, они увидели во мне что-то общее с собой и тотчас доставили меня на корабль, который находился в плавучем положении под водой. Они тут же обнаружили, что я в бессознательном состоянии, и поступили так, как поступали, оказывая скорую помощь своим попавшим в мертвую воду, отправленную сероводородом или другой какой гадостью,— подали мне в легкие обогащенную кислородом воду. Подсоединенные датчики сказали им, что я разумное существо, память показала картины земной жизни. Бесконечно это не могло продолжаться. Они составили общее мнение о планете, о землянах, и тогда встал вопрос, что делать со мной, и вообще,— что делать?

Экспедиция не была готова к контакту с нашей цивилизацией. Не только потому, что иряне и мы были разными существами. Экспедиция не ожидала на плане-

те разумной жизни и не имела полномочий вступать с ней в контакт. Такое разрешение мог дать правящий Совет Ири. Разведывательная экспедиция не могла вступить в переговоры. Требовалась другая экспедиция, которая была бы послана с этой целью. Но все-таки — что делать со мной? Ознакомившись по впечатлениям моего мозга с жизнью Земли, они поняли, что планета занята, для колонизации недоступна. Совместить на планете две цивилизации нельзя, пусть даже пришельцам нужен только океан. Он нужен им весь. Но ведь он нужен землянам! Нельзя допустить столкновения интересов, конфликта. Иряне приняли решение — улететь. Но как быть со мной? Они предложили мне лететь с ними. Я отказался. Тогда они подняли меня на поверхность и оставили в шлюпке, хотя, как они это сделали, я не знаю.

— Вот и все,— закончил рассказ Артуро Текки.

Молча я глядел на него. Его рассказ окончился так же внезапно, каким было его появление. Тысячи вопросов возникали в моей голове сразу, но я знал, что рассказчик не ответит на них. Его час пробил. Последний его час пробил. И все-таки... Кто ты, Артуро Текки? — пытался я трезво посмотреть на рассказчика. Матрос — это подтверждал документ. Итальянец — об этом говорили глаза, темперамент. Образованный человек — недаром тебе знакомы нейтрино и гравитация. Но откуда ты взялся? То, что тебя нашли в шлюпке нашего рефрижератора, — случайность: шлюпка была сорвана ураганом, могла уцелеть. Как ты оказался в ней, Артуро Текки?.. Здесь кончалась действительность и начиналась фантастика. Принять твой рассказ, как он есть, значит, поверить в неправдоподобное. Бывает ли оно, неправдоподобное, или не бывает?.. Может, ты все это выдумал? Положим, что «Эрл» затонул. Положим даже, что от электронной мины, с такими игрушками не шутят. Примем, что тебя трепало по океану на перевернутой шлюпке. Чьей шлюп-

кё — с «Эрл» или с «Элмери»? Тут уже теряется линия рассуждения, раздваивается. А еще точнее — уходит в глубь океана. Были пришельцы или их не было? Если были, то это — эпоха. Но эпоха умрет вместе с тобой. Ты ведь умираешь, Артуро Текки. Умрешь и никому не сможешь повторить свой рассказ. А для меня он нелеп и необычен. В моей голове он не помещается. Я не могу — не могу! — проверить из рассказа ни одного слова. И ты не можешь представить никаких доказательств. Как же быть, милый Артуро? Ты умрешь, а это все равно, что тебя не было. И если встреча с инопланетными существами была, то и ее все равно, что не было. Круг замыкается на тебе, Артуро, и никто его никогда не разомкнет.

Я тоже не разомкну.

— Все, — повторил Текки. — По сути мне не дано права на жизнь. Я мертв с той минуты, как шлюпка с «Эрла» пошла ко дну. То, что произошло, — случайность. Величайшая из случайностей, но все же — случайность. Я нахлебался воды уже тогда, когда тонул под ударами шторма. Только благодаря искусству ирян я жил под водой. Они поддерживали во мне жизнь, исследовали меня, но они ничем не могли помочь мне. Мои легкие надорваны и разъедены солью. В шлюпке я был в бессознательном состоянии и наверняка бы умер, не подбери меня «Элмери».

— Я и теперь умру, — сказал он спокойно. — Но, — он с трудом поднялся с подушки, — обещайте мне побывать в Милане, рассказать родным о моей кончине. Обещайте, — просил он, — вы католик, выполните мое последнее желание. Обещайте!

— Обещаю, — сказал я.

Артуро умер к утру. Наверно, я задремал у кровати и упустил его последний вздох. Но глаза ему я закрыл — прекрасные черные глаза, которые даже под тусклой

лампочкой блестели живо и молодо. Мне было жаль парня.

Утром за завтраком капитан Фримен спросил по-будничному спокойно:

— Умер?

— Умер,— ответил я и попытался передать рассказ Артуро о встрече с пришельцами. Где-то в середине рассказа капитан покачал головой:

— Что делают с людьми,— сказал он,— солнце и океан. В шестьдесят четвертом году мы в океане подобрали трех канадцев с «Олимпии», утопленной штором под Гебридами. Здоровенные парни за две недели дошли до одичания, скалили зубы и рычали на наших матросов. А этот — итальянец. Итальянцы, вообще, фантазеры.— Капитан покрутил рукой возле уха:— Тру-люлю...

Больше к этой теме не возвращались,— даже Листред, который вчера интересовался спасенным, а сегодня, когда тот умер, не нашел нужным что-либо спросить о нем. Пришельцы его не интересовали: Листред плавает на «Элмери» со дня выхода рефрижератора в море и знает случай с канадцами, принимал участие в их спасении. Мало ли какой бред бывает под южным солнцем? Надо считаться с фактами. Фактом для Листреда был океан, который дает людям работу, кормит их, сводит с ума и требует жертв.

Артуро похоронили по морскому обычаю: зашили в парусину и сбросили в воду с куском антрацита в ногах. Цинкового гроба на рефрижераторе не было, везти тело в холодильнике запрещено: что скажут потребители бараньих бифштексов?..

Я пока не был в Милане, хотя с тех пор как похоронили Артуро, прошло полгода. Но я католик, я давал слово и выполню волю погибшего. Поеду в Милан, найду родителей Текки. Кроме того, в Милане лучший

из европейских театров — Ла Скала... Но прежде всего разыщу старииков. Только — будут ли они слушать рассказ о пришельцах? Какими глазами будут смотреть на меня?..

Если же судить о происшествии в океане и о рассказе Артуро, то я хочу здесь все разграничить и поставить на место: я — это одно, рассказ Текки — другое. Грань я провожу со всей решительностью, чтобы меня не заподозрили в фантазерстве и в сумасшествии. В фантастику я не верю. Всем говорю: не верю. Но Текки не был сумасшедшим. Это я подтверждаю как врач,— иначе мое образование не стоит медного цента. Это меня смущает: в чем-то здесь концы с концами не вяжутся. Иногда я готов поверить, что все в рассказе Артуро правда, иногда считаю рассказ чистой выдумкой. Ведь Текки — итальянец. А итальянцы, вообще — фантазеры, как сказал капитан Фримен: — Тру-лю-лю...

МАЛЫШ

Городняв шторку, Егоров глядел вслед вездеходу. Двойные стекла иллюминаторов не искали красок и перспективы. Впрочем, красок — здесь неуместно: гамму грязноватых оттенков, от бурого до матовс-черного, — такова она вся, Луна.

Вездеход удалялся не по-земному быстро, до горизонта — подать рукой, и чем становился меньше, тем более походил на осу, расчерченную поперечными полосами. Лунный рельеф не любит гусениц и колес, — машины передвигаются на спиралях. Со стороны спираль похожа на насекомое: кабина с усиками антенн вверху, ребра выпирают наружу...

Плоская равнина, зажатая с обеих сторон хребтами, была унылой и мертвой. Солнце бросало на нее тени остроконечных гор, они лежали длинными клиньями. Даже отдельные камни стелили черные паруса под неосвещенную сторону, отчего местность казалась рябой. Черное утомляло глаза. Хотелось зеленого, голубого, как на Земле, но его не было. Камни да еще — пыль. И два следа от спиралей машины, мертвое отпечатанное в пыли. Следы будут лежать сотню лет, — их не засыпят ветер, не смоет дождь.

Вездеход исчез, будто прыгнул за горизонт. В мицроприемнике смолкли голоса водителей — Смирнова и Беленького. Славные ребята, подумал о них Егоров. На Луне нет животных, нет ветра, зато рядом люди, их любишь по-настоящему. Даже, если видишь их первый

раз. Со Смирновым и Беленьким Егоров познакомился при переезде на станцию, и сразу они пришлись ему по душе: мигом домчали до станции, повеселиться любят оба.

— За новоселье! — звенели фужерами.

Вино шипело и пенилось, пузырьки в нем поднимались крупные, как горошины.

— Вы первые на вершине Старушки! — смеялся Беленький. Луну он называл почему-то Старушкой.

— На полюсе... — уточнял Смирнов.

— Совершенно точно! — соглашался Беленький. — Куда ни плюнь, — везде попадешь на юг!

— Не говори того, — возразил серьезный Смирнов, — чего нельзя сделать в скафандре...

Хорошие ребята, опять подумал о них Егоров, нажал на рычаг внешней защиты, — металлические заслонки надвинулись на стекла иллюминаторов.

Из столовой слышался стук тарелок: Светлана, горничная, — она же радист и повар, — убирала посуду. Астроном Галин ворочал наверху, под бронированным куполом, ящики с инструментами. Станция начинала жить.

Это была не первая исследовательская станция. Цепкий пояс городков и обсерваторий опоясывал лунный шар по экватору. Были станции севернее экватора и южнее. Освоение Луны шло тридцать четвертый год. Но эта станция была первой на полюсе. Ее так и назвали — «Полярная». На Земле спорили, где ее строить: на Южном полюсе или на Северном? Решили — на Северном. Приятнее сознавать, что стоишь на Луне, а не висишь вниз головой. На Луне это незаметно. А если смотреть с Земли... Так уж мы воспринимаем все — по инерции. В небе Луна, как арбуз, имеет свой верх и низ. Те, кто на Южном полюсе, ходят по Луне вверх ногами.

Есть даже карикатура в журнале: исследователи Южного полюса придерживают шапки на головах, чтобы те

не свалились на Землю... Освоение нового мира шло весело.

Егоров не боялся карикатур. Его будут рисовать сидящим на лунном шаре верхом и поглядывающим на Землю вниз. Это все-таки лучше.

— Светлана,— сказал он, проходя через столовую,— радируйте Сергею Ивановичу, что мы вселились благополучно. Начинаем работу.

— Хорошо,— кивнула девушка.— Передам.

В кабинете Егоров расстелил на столе подробную карту «Севера».

Макушка Луны представляла странное зрелище,— будто кожа с черепа была стянута кверху и застыла в буграх и морщинах. Среди них затерялось небольшое пятнышко, пятачок,— полюс. Пятачок и близлежащие горы были обведены красным карандашом — область исследования «полярников», обитателей станции. В сотый раз Егоров углубился в изучение местности и названий. Плоское пятнышко называлось Блюдцем. Со стороны видимого с Земли полушария Блюдце отгорожено Серповидным хребтом, высотой до двух километров. Это кратерный вал,— кратер лежит на видимой стороне. Высшей точкой хребта является вершина Белая. С обратной, невидимой стороны, Блюдце окаймляют Черные Горы — хмурая гряда, наползающая на полюс от хребта Первозданного. Красная линия охватывает лишь закраины Черных Гор. Зато хребет Серповидный весь попадает в круг исследования — здесь предстоит работа.

Стация «Полярная» в центре Блюдца. Это, пожалуй, единственное возвышение на равнине. Нет, не единственное. В стороне от станицы, ближе к хребту Серповидному, торчит одинокий пик — Малыш. Почему — Малыш?.. — спрашивает Егоров. Среди мертвых названий вдруг что-то одушевленное, человеческое...

Достает из стола фотографию местности. Блюдце, хребты, пик Белый и пик Малыш... Надо обладать фантазией, размышляет Егоров, чтобы увидеть малыша в мертвый скале. Наверно, те, кто назвали скалу Малышом, обладали фантазией. А может, случайность? Как даются названия? Кто-то сказал: «Малыш»... Другие, может, и не были с ним согласны, но промолчали и приняли. Луна требует миллиона названий, надо присвоить имя каждому хребту, морю, вершине. Так и здесь: Малыш — и было утверждено. Впрочем... Егоров вглядывается в тень, отбрасываемую скалой. Тени на Луне бывают более четкими, чем геологические образования, если на них смотреть невооруженным глазом. Тень от Малыша напоминала скорчившегося ребенка с поднятой головой. Может быть те, кто придумали название, все-таки правы... Фотография всегда одноплановая, показывает предмет с одной стороны. Может, с другой Малыш оживет, еще больше оправдает название? Надо осмотреть скалу, пощупать ее руками, решает Егоров.

Конечно, работу он начнет не с Малыша. Есть вещи серьезнее — хребет Серповидный. Танцевать придется отсюда. Недаром поставили здесь станцию, отчертigli участок. Серповидный хребет — сравнительно новое образование. Это колоссальный выброс после метеоритного удара о поверхность Луны. Такие выбросы интересны: масса породы из глубины выворочена наружу. Никакому экскаватору, кроме как метеориту, такая работа не по плечу.

Итак, Серповидный хребет! Но Егоров еще колеблется: может, Черные Горы?..

— Это — потом, — настаивал Сергей Иванович, крутя карандашом неподалеку от Белой. — Главное — Серпик! — Тут его карандаш остановился и с силой вдавил точку рядом с вершиной Белой; точка на карте видна и сейчас. — Серпик, повторил он. — Нужны алмазы.

Сергей Иванович — начальник лунной геологической, точнее, селенологической службы.

— Недаром мы ставим станцию здесь, — продолжал он. — Станция стоит денег.

— Все станции стоят денег, — в тон ему заметил Егоров.

— А тебе что до всех? Ты выдай алмазы.

— Один?.. — спросил Егоров. У него была интереснейшая работа в Море Спокойствия, и ему не хотелось ехать на полюс.

— Нащупаешь камушки, — ответил Сергей Иванович, — дам еще кого-нибудь.

— Кого?

— Тимошкина.

— С Великой Стены?.. — Прямой Стены, но геологи называли ее Великой.

— Ничего у них там нет! — в сердцах сказал Сергей Иванович. — Придется расформировывать группу.

— Всех ко мне, — предложил Егоров.

— Шалишь, — ответил Сергей Иванович. — На Луне каждый человек на вес золота.

Первый выход в разведку, как и предполагал Егоров, ничего не дал. Проложенный им маршрут упирался в отроги хребта и, поломавшись на карте зигзагами, там, где Егоров петлял в ущельях, выходил к Белой. На вершину Егоров не поднялся, осмотрел кратер с половины горы. Кратер не вулканический — метеоритный, и это удовлетворило Егорова. Отсюда была видна Земля в полной фазе, — круглая и пухлая, покрытая белыми облаками. Все, что виднелось со склона горы, было залито ее льдистым пепельным светом, — на видимом полуширье стояла морозная стопятидесятиградусная лунная ночь. Противоположная сторона кратера едва маячила вдалеке. Если спуститься на дно, она скроется, за вы-

пуклостью планеты ее не увидишь. Все на Луне кажется уже, горизонт ближе, но это обманчиво: горы вот они, рядом, а пойди к ним,— они растут, растут, и горизонт по-прежнему горбится перед ними.

Спускаться в кратер Егоров не стал. Много времени ушло на дорогу,— каждый поворот пришлось наносить на карту. Он отметил последний пункт на склоне горы и подумал, что алмазы в кратере должны быть. Могут они быть и на равнине, к югу от полюса,— на невидимой с Земли стороне. Стоит поискать россыпи вплоть до подножия Черных Гор. Сергей Иванович будет, конечно, за то, чтобы поиск начать на дне. Но россыпи могут быть на равнине. Даже наверняка.

Возвратившись, Егоров докладывал Сергею Ивановичу о результатах разведки,— пока он ходил, Светлана наладила видеосвязь через систему спутников Л1-8.

— Так...— кивал ему с экрана начальник геологической службы.

Сергей Иванович был тучный медлительный человек, слова его, в том числе междометия, тоже казались весомыми; даже каждый кивок производил впечатление.

— Так...— приговаривал он после каждой фразы Егорова.— Но выброс ты все-таки констатировал.

— Вся горная цепь...

— ...метеоритный выброс,— закончил Сергей Иванович его мысль и опять кивнул — теперь уже сам себе.

— Совсем недавней формации,— добавил Егоров.— Тысяч пятнадцать лет...

— В кратер ты не спускался?— спросил Сергей Иванович.

— Нет еще.

— Завтра спустишься.

— Думаю завтра. Обследую местность у подножия вала и дальше к югу.

— К югу...— неопределенно сказал Сергей Иванович.
— К Черным Горам.

— Опять ты за свое!— поднял глаза Сергей Иванович. Он был за то, чтобы в первую очередь исследовать кратер.

— Зерна могут лежать на местности в перемешку с тектитами.

— Но прежде всего — на дне.

— Обязательно спущусь на дно,— согласился Егоров. Сергей Иванович пожевал губами, словно раздумывая, сказать что-то еще или нет. Сказал:

— Тимошкин сам к тебе просится.

— Так давайте!

— Выдай прежде алмазы.

— Сергей Иванович...

— Алмазы, Гриша, тогда получишь всю группу. Земля требует...

Все же Егоров решил исследовать равнину до Черных Гор. Вряд ли он смотрел на это как на работу. Скорее — та же разведка. И еще Егоров хотел посмотреть Малыша. Одинокий пик на равнине — это всегда интересно. Словом, полезное Егоров соединит с приятным. И притом зерна алмазов могут быть далеко выброшеными из кратера. Такое уже бывало: россыпи метеоритных алмазов находили в десятках километров от края кратера.

Вечером этот же вопрос обсуждался в кают-компании.

— Возьмите меня с собой,— говорила Светлана.— Я легкая на руку, Григорий Артемьевич, мы обязательно найдем алмазы! Парочку вы мне дадите на серьги...

— Смотря под каким углом,— подытожил Галин,— произошло столкновение. Чем круче угол падения, тем круче выброс породы. Если метеорит упал под острым углом, расплавив породы, в том числе и алмазы, выбро-

шены в космическое пространство. В таком случае они могут оказаться на Земле, как, например, уральские.

— Уральские? — переспросила Светлана. — Вы так и сказали?..

— Так и сказал, — повторил Галин. — На Урале нет кимберлитовых трубок. А алмазы находили еще при Петре Первом. Почему не предположить, что эти алмазы лунные?..

Егоров сказал:

— Серповидный хребет образован крутым падением.

— Ну и что ж, — согласился Галин. — Значит, алмазы где-нибудь здесь, в окрестностях. Не все же уходят в космическое пространство.

— Григорий Артемьевич, — тянула Светлана. — Возьмите...

Егоров не взял Светлану с собой: во-первых, это не увеселительная прогулка, во-вторых, у Светланы немало работы «дома». И вообще, поиск может кончиться ничем. Не всякий метеорит рождает алмазы. Масса его и скорость при столкновении должны быть огромными. На Земле зерна алмазов найдены в Аризонском метеорите. Луна принимала удары, несравненно более мощные, — их не сдерживала упругость атмосферы. Алмазы находят в кратерах и в россыпях на поверхности. Егоров надеялся, что так будет на Блюдце.

Выйдя из станции, он все еще колебался, куда идти — к Черным Горам? Или поискать россыпи на равнине? Всегда есть желание не тратить силы напрасно, не забираться в горы, если можно камни подобрать под ногами. Ну так — куда?.. Егоров посмотрел направо, налево. Дальней искрой на равнине блестел Малыш. До него километра три. Солнце освещало вершину, но большая часть скалы скрывалась за горизонтом. Вот и пойду, — Егоров решил ориентироваться на искру, — все равно надо исследовать Блюдце.

Ровными прыжками,— сначала, разгоняясь, малыми, потом шестиметровыми, Егоров направился к Малышу. На Луне он не новичок, за плечами четырнадцать лет работы. Сначала в кратере Тихо, потом в Заливе Астронавтов, на невидимой с Земли стороне, позже исходил с геологическим молотком Море Спокойствия. Звание старшего геолога получил еще на Земле. Теперь его поставили командиром «Полярной». Командир — это хорошо. Это значит — командуешь сам собой. До известных пределов, конечно. Захотел — пошел к Малышу... Егоров мчался легко и привычно. Пятками упирался в почву, тотчас переваливался на носки, пробегал, чтобы набрать инерцию два-три шага и делал очередной шестиметровый прыжок. Скакать по Луне приятно, забавно. Не уставая, можно отмахать километров сорок.

В то же время Егоров зорко оглядывал почву. Низкое солнце светило ему в спину. Впереди виделась каждая блестка.

Но все это было слюдяная мелкая рябь или вулканическое стекло. Алмазов не попадалось.

Малыш вырастал на глазах. И, как бывает, когда хочется видеть желанный предмет, а он далеко, Егоров ускорял бег. Однако приходилось считаться с системой регенерации и с тем, чтобы стекло скафандра не запотело.

Есть еще способ подхлестнуть время, не убывая работы ног,— отключиться на постороннее.

Егорову было шесть лет, когда люди достигли Луны. Это осталось в памяти самым ярким впечатлением детства. На экранах маячил лунный ноздреватый, словно обстрелянный дробью, шар, а кругом только и было слышно: Луна, Луны, Луной... Ребята играли в космонавтов и в лунные экспедиции. Егорову повезло: родился он на Памире, в Хороге,— стоило выйти за город, как начинались ущелья, осьпи. Та же Луна, только под зем-

ным небом. Так это и жило с Егоровым годы: ноздреватый шар и желание потрогать его руками. С этим он пришел в школу, в геологический институт. А позже — и на Луну. Когда мечта пронизывает всю жизнь, она осуществляется.

И стоило — честное слово, стоило! — похозяйничать на Луне! Открыты многие тайны спутника: вулканы, газ на дне пропастей, лунный лед и лунные кратеры. А загадок не убывает. Великая Стена, например. Тимошкин не отходит от нее восемь лет. Молчит, но он показывал фотографии. Ниши в Стене похожи на постаменты. Чепуха, — говорят ему, — естественные образования. — А Баальбек? — возражает Тимошкин. — Тоже естественное образование? — Баальбек, — спорят скептики, — на Земле!. Они, наверно, никогда не переведутся, скептики. И даже гордятся собой: мы — реалисты... Тимошкин прилетел на Луну лет десять тому назад. Он тоже геолог. Но Тимошкин — не скептик. С ним хорошо мечтать.

Вот и Малыш. Обыкновенная скала, каких на Луне тысячи и десятки тысяч. Взгляд не задерживается на их обрывах и гранях. Но Егоров смотрит на скалу не просто как зритель, он хочет понять, почему дали скале такое название. Метров с пятидесяти он оглядывает камень с одной стороны, с другой. Да, в очертаниях есть что-то от присевшего мальчика с поднятой головой. Но Егорову приходилось видеть на Луне львиные профили, парящих орлов... Он еще раз обходит камень кругом. Отмечает: у Малыша нет лица. Вместо лица — вмятина, к тому же на теневой стороне и на высоте сорока метров. Егоров пошарил прожектором, вмятина блеснула красным обсидианом. Все обыкновенно, привычно. Егоров еще отошел от скалы. Что-то смутное почудилось ему, — будто над скалой работали инструментами: там обтесали, там обрубили выступы. Но это впечатление тут же растаяло. В горах встречаются пирамиды, трилоны,

отшлифованные до блеска... Егоров еще раз прикинул высоту Малыша и, убедившись, что без скоб до вершины не доберешься, решил, что делать тут больше нечего. Сразу почувствовал, как отлегло от сердца. Любопытство удовлетворено. Егоров даже испытывал разочарование. Сотни людей, появляясь на Луне, обязательно что-то ищут. Поскреби каждого, найдешь в душе мечту о необычайном. Даже не то: необычайного на Луне хоть отбавляй.

Хочется встретить что-то близкое, человеческое — разум или хотя бы подобие разума. И — ничего не встречаешь. Ничего!

Не глянув больше на камень, Егоров повернул к Серповидному хребту и начал набирать темп. Прыжок, еще прыжок. По-прежнему мельтешат под ногами блестки вулканического стекла... Странно,— почему разочарование?.. — пытается разобраться в своих чувствах Егоров. Малыш. Малыш... — повторяет он. Все дело в названии. Черные Горы — это черные, ничто здесь не привлекает, не взволнует. А вот Малыш... Кто-то любит детей и даже в камне рассмотрел что-то от мальчика. Егоров вспомнил своих Володьку и Костю. Как они хотят на Луну!.. Не слишком ли быстро я,— стекло помутнело... Егоров замедлил бег. Прыжок... Косо поставил ногу. Надо быть осторожнее... Вдруг невыразимо яркая вспышка пламени ударила Егорову в спину, швырнула на камни. Нет, это он споткнулся, упал, мгновенно отмечая, что в пламени, возникшем за ним, смешаны все оттенки от фиолетового до рубиново-красного. Метеорит, мелькнуло у него в голове, атомный взрыв!.. Мгновенно озарились впереди скалы Серповидного хребта, но не заревом, не морем огня, к удивлению Егорова, а ярким кружком — пальцем прожектора. Это не метеорит, понял Егоров, не атомный взрыв,— это луч!.. И — что совсем невероятное, сумасшедшее,— Егоров понял, что

луч идет от Малыша!.. Сумасшедная мысль,— причем тут Малыш? Но Егоров знал, чувствовал, если уж говорить,— ощущил спиной, что луч идет от Малыша!.. Когда он встал на ноги, оглянулся, в темной вмятине на скале, как в телевизоре, гасло пламя. Но Егоров увидел — успел увидеть!.. Может, его ослепило раньше, может, ему почудилось!.. Волосы у него зашевелились на голове.

Потрясенный, он минуту стоял, надеясь увидеть что-то еще и пугаясь того, что увидел. Неужели это было?..— спрашивал он себя. Скала горбилась, по-прежнему темная, и выемка на вершине была непроглядно темной. Егоров попятился, пугаясь этой таинственной темноты. Никогда на Луне он ничего не боялся. Видит бог — не боялся! А тут пятился перед скалой, чувствуя на спине струйки липкого пота. Боялся, сознавал, что боится, и ничего с собой не мог сделать. Повернулся и побежал к станции. Неужели это было?..— повторял он, ускоряя прыжки. Кажется, никакая сила не заставила бы его оглянуться на Малыша. Но он вынудил себя — оглянись! Остановился и оглянулся. Пик стоял хмурый и одинокий. Что же это было? — еще раз спросил Егоров и опять устремился к станции.

Теперь он не останавливался и не оглядывался. Был занят другим: как рассказать об этом? Кому? Галину? Сергею Ивановичу? Астроном не поверит! Ничуть не поверит! Скажет — фантастика. Какая там фантастика! У Егорова до сих пор в глазах... Но если то, что он видел, правда, — это и есть фантастика! Егоров готов был схватиться за голову. Скорее бы станция!

Это он подумал чуть ли не в трех шагах от станции. «Наконец-то!» — нашарил кнопку входного шлюза. Дверь открылась и тотчас захлопнулась за ним. Егоров вздохнул, чувствуя, как воздух под напором сжимает его скафандр. «Наконец-то», — опять повторил он, скинул ска-

фандр. Стуча по ступенькам, он поднялся в аппаратную.

Вызвал через спутник базу, не замечая, что в аппаратную вошли и стали рядом Светлана и Галин — они думали, что Егоров нашел алмазы.

— Сергея Ивановича, — коротко сказал он связисту.

Тот вызвал кабинет начальника геологической службы. Сергей Иванович оказался на месте.

— Что? — спросил он, поднимая взгляд от бумаг на столе.

С минуту Егоров не отвечал, не знал, с чего начать.

— Нашел? — спросил Сергей Иванович.

Егоров сказал:

— Я не знаю, что это было...

— Что было? — не понял Сергей Иванович.

— Между станцией и Серповидным хребтом стоит одинокий камень, Малыш, — начал Егоров.

Сергей Иванович потянулся за картой, расстелил ее на столе.

— Внешне он ничем не привлекателен — одинокая скала, каких много, — продолжал Егоров.

Сергей Иванович не прерывал его.

— Сегодня я решил исследовать скалу. Обыкновенная скала...

— Повторяешься, — сказал Сергей Иванович и взглянул в лицо геолога.

— Обыкновенная, Сергей Иванович, — повторил Егоров.

— Что с тобой? — спросил Сергей Иванович.

— А теперь слушайте, — Егоров не обратил внимание на вопрос начальника. — Осмотрев скалу, я направился к Серповидному хребту.

Сергей Иванович не понимал, что хочет сказать Егоров. Тень нетерпения прошла по его лицу. Сослуживцы Егорова, слушавшие разговор, тоже ничего не понимали.

— Вдруг,— продолжал Егоров,— позади меня возникла невиданной силы вспышка. Мне показалось, что она пронзила меня насеквоздь. Луч ударил в горы и мгновенно погас. Но когда я обернулся к Малышу, поняв, что луч мог идти только от него, я увидел...— Егоров на секунду замолк, чтобы проглотить ком, застрявший у него в горле.— Я увидел лицо...

Сергей Иванович поднял морщины на лбу.

— Это было как в телевизоре,— говорил Егоров,— когда кончится передача и лицо диктора тускнеет и гаснет. Это было человеческое лицо, Сергей Иванович, только оно имело три глаза!..

Когда один нормальный человек говорит такие вещи другому нормальному человеку в эпоху управляемой ядерной реакции и освоения космоса,— это воспринимается всерьез. Сергей Иванович не ахнул, не усмехнулся в лицо Егорову, он ближе придвинулся к экрану так, что на голубом стекле остались одни только его глаза, и спросил:

— Три глаза, говоришь? Не ошибаешься?

— Не ошибаюсь,— сказал Егоров.

— А в остальном?

— Это было человеческое лицо. Оно улыбалось.

Сергей Иванович, не отрываясь, глядел на Егорова. Егоров сказал:

— Я видел, что человек улыбается мне, и я испугался. У него было три глаза...

Но какое-то мгновение, на самую маленькую частицу времени, Сергей Иванович на экране, а Светлана и Галин в аппаратной рядом с Егоровым почувствовали нереальность происходящего. Как будто это было во сне и каждый хотел проснуться и не мог проснуться именно в это мгновенье. А сон, нереальный и странный, давил их, и его хотелось сбросить, как тяжелое одеяло. Хотелось вздохнуть поглубже, чтобы это прошло, но вздох-

нуть было невозможно, и от этого сон брал над ними верх, и люди — Сергей Иванович, Светлана, Галин — чувствовали себя беспомощными. И Егоров тоже чувствовал себя беспомощным: ты ли это говоришь, — полно!.. Однако это говорил он, Егоров, и вокруг него были близкие ему люди, и они находились в столбняке и не могли вздохнуть, чтобы сбросить с себя это нелепое состояние. Но человек так устроен, что не дышать он не может, грудь сама потребует воздуха и поднимется. И когда все вздохнули — почти незаметно, чтобы не выдать волнения, — состояние столбняка прошло.

— У тебя есть какие-либо объяснения этому? — спросил Сергей Иванович Егорова.

— Почти никаких.

— Предположения?

Егоров пожал плечами.

— А все-таки?

— Скала, конечно, не может это делать сама. Мне кажется, в ней передатчик. Малыш передает информацию.

— Откуда?

Егоров пожал плечами с откровенной беспомощностью.

— Хорошо, — сказал Сергей Иванович. — Сейчас я передам все это на Землю.

Экран погас, а Егоров, не отрываясь, смотрел на матовое стекло.

— Григорий Артемьевич, — это правда? — спросила Светлана. Она подошла вплотную к Егорову и заглядывала в его лицо. — Это правда? — еще раз тихо спросила она.

— Помогите мне разобраться в этом! — Егоров, наконец, оторвался от экрана, обернулся к сотрудникам. — Не пойму я чего-то здесь. Столько времени прошло, —

не могу понять! Думал, расскажу — легче будет. Все равно чувствую себя, как мальчишка...

— Вы не волнуйтесь,— попробовал его успокоить Галин, хотя сам волновался сейчас больше других.— Расскажите еще раз подробнее, как все было.

— Это было человеческое лицо!— воскликнул Егоров.— И улыбка — человеческая! Больше: мне показалось, что лицо было женское! Но три глаза...

Опять в его рассказе преобладали эмоции.

Люди в комнате понимали: надо что-то делать. Притом немедленно. Галин предложил:

— Надо исследовать лицо Малыша. Подняться на камень и посмотреть.

— Там метров сорок,— сказал Егоров.— Без крючьев не обойтись.

— Сорок метров!— воскликнул Галин.— А я не был ни верхолазом, ни альпинистом!

— Я помогу вам, Григорий Артемьевич!— сказала Светлана.— Я ведь из Кисловодска, с Кавказа.

— Не боитесь?— спросил Егоров.

— Я?..— засмеялась Светлана.

Сообщение на Землю было передано Сергеем Ивановичем тотчас, как только отключился Егоров. На экстренный разговор ему дали четыре минуты. Задерганный усталый службист Информационного Центра, поочередно принимавший сводки с двадцати семи лунных баз, непонимающе смотрел на Сергея Ивановича, пока тот бегло излагал сущность открытия. Неслышно вращались катушки звукозаписывающего аппарата: все, что передавалось с Луны, записывалось на ленту. Наконец, службист что-то понял:

— Вспышка?— переспросил он.— На Луне ежедневно десятки вспышек: сварка, взрывные работы...

— Но Егоров видел лицо.

— И вы верите, что Егоров видел лицо?

— Верю,— ответил Сергей Иванович.

— А доказательства у вас есть?

Доказательств у Сергея Ивановича не было. Службист Информации молча глядел на него и ждал. На секунду Сергей Иванович поставил себя на его место. В самом деле, чем можно подкрепить сообщение? Но тут он вспомнил слова Егорова: «Малыш передает информацию...» Однако, черт возьми, где доказательства? Без доказательств с Малышом на Землю соваться нечего.

Службист выключил звукозапись:

— Вы можете попасть в неловкое положение,— сказал он.— Пленку я сотру.

— Но...— попытался возразить Сергей Иванович.

— Продолжайте вести наблюдения,— посочувствовал ему работник Информационного Центра.— Что-нибудь подтвердится,— возобновим разговор. До свиданья,— прервал передачу.

Сергей Иванович очень хотел, чтобы открытие Егорова подтвердилось, чтобы геолог был прав. «Взрывные работы...». И почему у нас так живуче стремление объяснять все самым простейшим образом? Пульсары, геометрические фигуры на высокогорных плато Южной Америки — все объясняем понятно и просто, чуть ли не с позиций четырех действий арифметики. Потеряли способность удивляться? Стали прагматиками?.. Вот и Луна. Кому знать Луну, как не ему, начальнику геологической службы? Кажется, что Луну местами обтесывали, приглаживали, создавали на ней платформы, над пропастями — мосты. Конечно, и здесь можно найти естественные объяснения. Всему на свете можно найти естественные объяснения! Может быть, это от недоверия, от гордости, что мы, земляне,— единственные, и других таких нет?.. Даже когда в радиотелескопы идут сигналы других миров, мы спешим объяснить их помехами. Не смеем сказать — это разум? Или боимся? Или мы скеп-

тики?.. В общем, конечно,— более спокойно стал рассуждать Сергей Иванович,— люди делятся на романтиков и на скептиков. Видимо, нужны и те и другие — диалектика. И все же с романтиками живется легче!

Легче, но... Сергей Иванович с чувством неловкости возвращался к разговору с Землей. Доказательства.. Слово, крепкое, точно камень. А где их взять, доказательства?

Звонил телефон, шли позывные с четвертой и с тринадцатой лунных баз, но Сергей Иванович не отвечал и не двигался с места. Слово сидело в его мозгу как гвоздь. Надо искать доказательства!

Отключившись от всех позывных, будто его нет в кабинете, Сергей Иванович вызвал спутник Л-19, ведущий обзор лунной поверхности, и спросил, не наблюдались ли вспышки в районе Северного полюса. На спутнике удивились:

- За последний час это второй запрос.
- Почему — второй? — спросил Сергей Иванович.
- Только что об этом спрашивал Галин с «Полярной».
- Астроном?..

— Борис Игнатьевич Галин. Так и спрашивал: не было ли необычайных вспышек? И чего это,— тараторила связистка со спутника,— все на полюсе...

Ай, молодец, восхищался Сергей Иванович Галиным, почти не слушая голос со спутника,— связистке хотелось поболтать: покружись-ка дни и ночи на карусели... Молодчина,— одобрял Сергей Иванович Галина,— знает с чего начать. Конечно, он не один,— все они там молодцы и действуют сообща. Все же хорошо жить с романтиками!..

— В районе полюса,— сообщала между тем связистка со спутника,— наблюдались отдельные вспышки. Но наблюдения этой части Луны у нас не систематические. Спутник не на широтной орбите, а под углом к экватору

в шестьдесят градусов, и мы наблюдаем полюс тогда, когда он находится в зоне видимости. Вот сведения, которые мы передали Галину,— сводка у меня на столе. Отмечены вспышки в августе, в июле и еще раньше — в марте. Возможно, вспышки фиксировались и прежде, но архивы за прошедший год каждого первого января мы отсылаем на Землю. Если нужны подробности, обратитесь в Космический Центр.

Девушка замолчала, чтобы перевести дух.

— Спасибо,— сказал Сергей Иванович.— Больше пока ничего не нужно.

Галин рассуждал так же, как и Сергей Иванович: если Малыш заговорил сегодня — он мог говорить и раньше. Вспышки были, их не замечали потому, что эта часть Луны была неожиданной, а как только здесь появились люди, явление обнаружено. Теперь надо понять, в чем дело. Надо узнать, наблюдались ли вспышки прежде. Галин сделал запрос на спутник, записал данные. Наметанный глаз астронома даже в этих случайных цифрах увидел систему. Ближайшие вспышки были тому назад два и три лунных месяца. Третья — семь месяцев тому назад. Возможно,— чем больше Галин думал над этим, тем становилось очевиднее,— что вспышки бывали в одно и то же время, как сегодня, в период нулевой фазы. Луна, если смотреть с Земли, только что нарождается. Если вспышки бывают каждый месяц, то... это открытие! Галин чувствовал, как в груди у него готово оборваться и упасть сердце. Вспышки должны быть видны с Земли. Но почему их никто не видит?.. На этот вопрос астроном ответа не находил. Зато возникали другие вопросы и догадки. Малыш сигнализировал Земле в тот момент, когда сигнал наиболее отчетливо виден. На вершине скалы должно быть устройство — рефлектор или система зеркал для подачи света на Землю. Место

выбрано великолепно — верхушка Луны. И вдруг в каждое новолуние вспыхивает звезда!..

Галин нетерпеливо смотрит в окно — не возвращаются ли Егоров и Светлана.

Девушка упросила геолога взять ее с собой к Малышу. Все было решено внезапно, собрали фалы, скобы для лазания и умчались к блестевшей на горизонте точке.

Вдвоем было веселее. Осмотрели камень со всех сторон, — с какой лучше делать подъем. Лучше все-таки с правой стороны — так и решили. Цепочкой пошли вверх скобы, до плеча Малыша. Егоров орудовал молотком. Светлана то спускалась вниз, то поднималась с новыми скобами. Когда поднялись на плечо, увидели площадку перед раструбом. То, что снизу казалось вмятиной, здесь, наверху, превратилось в воронку правильной круглой формы. Воронка была врезана в тело скалы и выложена мозаикой из рубинов. Не красным обсидианом, как принял сначала Егоров, а рубинами, вкрапленными в лунный камень. Но и это оказалось обманчивым. При свете прожекторов Светлана и Егоров убедились, что вся воронка представляла собой рубин, изрезанный на дольки. Она была как сердцевина цветка, направленного в звездное небо.

С минуту исследователи стояли молча, рассматривая воронку, — в нее свободно мог бы поместиться авиационный мотор.

Егоров молча попробовал камень рукой.

— Монолит! — сказал он.

Если бы это было в обычной земной атмосфере, рубиновая чаша, наверно бы, звенела. Но это была Луна, Егоров и Светлана стояли на вершине гигантского камня, и за их спинами был обрыв.

— Голова не кружится? — спросил Егоров у девушки.

— Нет, — Светлана, однако, оперлась на его руку.

Егоров несколько раз покрутил лучом фонаря по воронке — кристаллы засверкали сумятицей искр. Егоров подумал: вспыхни сейчас луч, как это было несколько часов тому назад, их наверняка сбросит с обрыва — с высоты тринадцати этажей. Он крепче взял девушки за руку.

— Что там? — он показал фонарем вокруг шеи Малыша, предлагая Светлане обойти голову колосса кругом. Про себя Егоров отметил, что вопрос он задал шепотом, и еще отметил, что опасается, вдруг действительно вспыхнет луч...

Светлана, наверное, почувствовала его опасения, тихонько двинулась на плечо Малыша, — здесь площадка была немножко шире. Но она не задержалась на плече, лишь отпустила руку Егорова и стала продвигаться дальше — на тыльную сторону. Егоров попробовал веревки, они держались крепко, привязанные к скобам. Это его успокоило.

Светлана тем временем ушла от него вперед.

— А здесь!.. — воскликнула она. — Григорий Артемьевич, здесь тоже рубин!

На противоположной от воронки стороне был тоже рубин. Вернее, — тот же рубин, пропущенный через всю скалу. Другой конец его был срезан в виде торца.

— Лазер! — сказал Егоров.

— Лазер, — согласилась Светлана.

— Тыльная сторона поглощает солнечный свет, — рассуждал Егоров. Теперь он и Светлана стояли на более широкой площадке, уходившей от затылка Малыша метра на полтора. Снизу рубин невозможно было заметить, Егоров его и не заметил, когда впервые осматривал скалу. — Кристалл накапливает кванты, — продолжал говорить Егоров, — рефлектор выбрасывает свет в скалы.

— Зачем? — спросила Светлана.

— Не только свет. Я видел лицо. Это космический ретранслятор!

Светлана ничего не ответила. Все это было настолько неожиданным, поразительным, что не находилось слов, и, казалось, говорить было не о чем.

— Я видел лицо! — повторил Егоров.

— Кому он передает? — спросила Светлана. — Впереди — Серповидный хребет.

— Передает нам. На Землю.

Они вернулись к рубиновому цветку. В лучах фонарей кристаллы горели мрачным красным огнем. Егоров опять почувствовал, как возвращается к нему тревожное состояние. И все же он осторожно втиснулся внутрь воронки. Приказал Светлане погасить фонарь. Нащупав затылком центр цветка, посмотрел прямо — в звездное небо. Перед ним сверкало семизвездье Большой Медведицы.

— Оттуда? — спросил он. Светлана молчала, не зная, что видит Егоров. — Если даже оттуда, то когда поставлен ретранслятор? Что они передают? Увидим ли мы передачу еще? И если увидим — поймем или не поймем?... — Егоров все еще продолжал смотреть на Большую Медведицу. — Что они передают нам?..

Вопросы, вопросы... Мысль терялась перед их грандиозностью. Два человеческих существа тоже терялись между звездами и обрывом — песчинки в бесконечном море Галактики. И все же они ставили вопросы. С вопросов — это они хорошо знали — начинается любой ответ. Его только надо найти. Надо найти!

Медленно, снимая по пути предохранительные веревки со скоб, Егоров и Светлана спустились вниз. Егоров подобрал молоток, оброненный сверху.

Медленно они пошли назад, к станции.

— Все запомнила? — спросил Егоров, скорее провеся себя, но и надеясь на память девушки.

— Все, — сказала Светлана, — память у меня цепкая.

— И что думаешь?

— Многое. А вот словами сказать — трудно. Очень трудно, Григорий Артемьевич!

Они вернулись на станцию, когда Галин оживленно разговаривал с Сергеем Ивановичем по видеофону. Тема разговора у них была та же:

— Вы совершенно правы, — говорил астроному Сергей Иванович. — Я получил из Центра сведения за последние десять лет. Вспышки на полюсе отмечались неоднократно, и какой бы срок между вспышками ни был, время делится на 27,3.

— На лунный месяц.

— Совершенно верно, на лунный месяц.

— Можно предположить, что следующая вспышка будет по истечении этого срока.

— Вполне можно предположить, — соглашался Галин.

— Но ведь это... Вы понимаете, что это значит, Борис Игнатьевич?

— Система сигнализации. Нахodka. Открытие...

— Эпоха, Борис Игнатьевич, это значит — эпоха!..

Галин, соглашаясь, кивнул. Сергей Иванович и астроном с минуту глядели в глаза друг другу, ошеломленные, испуганные в душе: не высоко ли их занесла мечта.

— Что еще скажут Егоров и Светлана... — Сергей Иванович первым отвел глаза.

— Да вот они — вернулись.

Егоров коротко доложил о результатах исследования. Здесь же, в радиорубке, состоялась беседа, в которой с экрана принял участие Сергей Иванович. Казалось, все точки над *и* были поставлены: межпланетная связь, периодичность вспышек, транслятор, воздвигнутый на Луне представителями далекой цивилизации.

— Почему на Луне, а не на Земле? — поставила Светлана вопрос, который у всех ворчался на языке.

— Здесь не ответишь однозначным ответом, — сказал Галин. — Пришельцы появились в эпоху, когда челове-

чество зараждалось. Маяк, который они поставили, должен быть вечным. На Луне идеальные для этого условия: нет атмосферы, ни дождь, ни ветер, ни человек не разрушат творение их рук. Чтобы понять сигналы, люди должны были подняться не на одну ступеньку культуры. И все эти тысячелетия вспыхивающий и гасящий луч должен был будить интерес человечества. Очень умно придумано. Можно найти и еще объяснение: мы не знаем, откуда идет поток информации,— возможно, преодолевает десятки световых лет. В пути он слабеет, теряет силу и мог бы вовсе раствориться в атмосфере Земли. Здесь он попадает на ретранслятор с вечным — от Солнца — источником энергии. Миллиарды квантов копятся в рубине и затем мгновенно выстреливают информацию к Земле.

— В скалы Серповидного хребта! — воскликнула Светлана. — Все бесполезно!..

— Скал этих не было, — успокоил ее Егоров. — Они появились после падения метеорита. Информация на Землю шла по назначению.

— Если хребет убрать или пробить в нем ущелье, — сказал Сергей Иванович, — Земля увидит маяк.

— Хребет существует пятнадцать тысяч лет, — сказал Егоров. — Пришельцы посетили солнечную систему раньше.

— Сколько за это время потеряно информации, — с сожалением кивнул с экрана Сергей Иванович.

— Может быть, она повторяется, — предположил Галин.

— Возможно, что повторяется, — поддержал его Егоров.

— На Земле потребуют доказательств, — вспомнил Сергей Иванович свой неудачный доклад Информцентру. — Могут быть возражения: природный феномен — мало ли чудес на Луне!

— Рубиновый стержень — разве это не доказательство? — запальчиво спросила Светлана.

Сергей Иванович улыбнулся ей:

— И стержень, — скажут, — феномен. Кристаллы тоже создаются природой. Тут надо подойти по-другому. Давайте подумаем — как.

В это время в тысяче километров от станции бился над лунной загадкой еще один человек, исследователь, как и Егоров, выпускник Ташкентского университета, Юрий Львович Тимошкин. Хозяин Великой Стены, Мечтатель, — называли его друзья. И каждый был прав по-своему.

Станция у Стены построена лет восемь тому назад. С первого дня Тимошкин — сотрудник ее коллектива. Геолог, поэт, а по призванию лунный бродяга, он не знал, что значит часы работы и часы отдыха. Вместе со всеми возвращался на станцию, менял исчерпанные воздушные батареи на свежие и уходил к Стене.

Посмотреть на лунную карту, — Стена протянулась как отчеканенный вал, рубец, вздувшийся, почему, неизвестно, на плоской равнине. Это поражает воображение: длина Стены — сто километров! Не будь Стена такой колоссальной, ее можно было бы принять за плотину, за бруствер — за что угодно, воздвигнутое циклопическими руками. Но Стена — естественное образование, каприз лунной природы. Тимошкин в нее влюблен. Без преувеличения можно сказать, что за восемь лет работы в этом районе, он излазил Стену от ее начала и до конца.

Ниши, которые он сфотографировал и показывал Егорову, были странными гнездами в теле Стены. Всего их — семнадцать, темных пещер, одинаковой глубины и, примерно, одинаковой вырубки. Геологи как хотят, а Тимошкин считает, что ниши вырублены в скале.

— Посмотрите на эти окна! — говорит он. — Они сделаны на одном уровне, повернуты в одну сторону. Пройдите в глубину ниши лунной полноземельной ночью, повернитесь лицом к окну и вы будете видеть точно середину земного диска! И так — в любой нише!

Конечно, это может быть совпадением. Но только не для Тимошкина. На гребне Стены, здесь же, над окнами, он обнаружил остатки плит — Лунный Баальбек! — как он назвал про себя. Правда, плиты встречаются на Луне во многих местах. Тимошкину говорят: таких плит сотни. Но Юрий не соглашается. Он уверен, что здесь плиты подогнаны, лежали одна на другой. И только мощное землетрясение — лунотрясение — раскололо и сбросило их с гребня Стены. Сейчас это хаос обломков, но воображение Юрия складывает обломки, ставит плиты на место. Если бы здесь воздвигнуть колонны, был бы второй Баальбек!.. Дело твое, — спорят с Тимошкиным, — фантазириуй, сколько угодно. Вот если бы ты нашел что-то существенное, что-то этакое... из ряда вон выходящее, — вот тогда!..

И Тимошкун ищет.

А может быть, и нашел. Нет, нет, пока что он и себе не верит! И как тут верить? Ведь так можно загипнотизировать себя вконец! Но в глубине души он уже дал своему открытию название — Лунный Глобус.

Чего только ни делает природа: пропасти, пики, цирки, плиты, Стену, наконец! Почему же она не может сделать — шар?.. То, что нашел Тимошкун, не шар — только часть шара, фрагмент. Но если мысленно охватить взором недостающее, — будет шар! Будет глобус! Потому что это не гладкий, не обточенный, не оплавленный шар: на нем угадываются очертания лунных цепей и кратеров! Если бы только найти недостающие части шара!.. Юрий ищет два года. И ни за какие посулы не хочет уходить от Великой Стены. Сергей Иванович пред-

лагал ему Кратер Коперника, Море Дождей, но Тимошкин не согласился. Пообещал начальнику найти криновит, сложный силикат, обнаруженный американцами в метеоритах Вичита Каунти и Яндейн и названный так в честь советского метеоролога Кринова. Изумрудно-зеленые зерна — мечта геологов — не встречаются на Земле. Они, как и метеориты, гости из космоса. С первых дней их ищут в метеоритных камнях и на Луне. Но Юрию не удалось найти криновит, Сергей Иванович недоволен бахвальством и, наверно, переведет Тимошкина в Море Дождей.

И вдруг Юрий сам запросил перевода.

— Почему? — спросил Сергей Иванович, подняв по привычке брови на лоб.

— Хочу поработать на полюсе.

— А как же Стена? — вспомнил Сергей Иванович пристрастие Юрия к Стене.

— Стена отстанется...

— А криновит?.. — не без колкости спросил начальник геологической службы.

— Криновита нет, Сергей Иванович, — признался Тимошкин.

— Так... — опять по привычке сказал Сергей Иванович, а Тимошкину показалось, что это не предвещает ничего доброго.

Если бы не колкость в вопросе о криновите и не это начальническое «Так»..., перед которым Тимошкин робел, Юрий рассказал бы Сергею Ивановичу истинную причину того, почему он просится на полюс к Егорову.

Исследуя снимки Глобуса, Тимошкин постоянно видел ровную черточку, риску на самой вершине выпуклости. Царапина, — давно решил он, — ударило осколком метеорита... Но вот Юрию вздумалось сфотографировать Глобус на цветную пленку. Когда фотография была проявлена, Юрий ахнул: царапина светилась ярким огнем, —

будто луч, ударивший с полюса! Странно! — вертел Тимошкин в руках фотографию. Луч... Это могло быть случайностью: целые области на Луне флюоресцируют под яростными лучами солнца. Все могло быть случайностями: и ниши, и плиты, и полушарие Глобуса, и эта ничтожная светящаяся царапина. Но Тимошкин мгновенно скжал все это в руке: что если все здесь взаимосвязано и дополняет одно другое?.. Куда направлен личико?

Куда направлен личико, сказать было нельзя. Но попроситься на полюс к Егорову — можно. Вдруг разгадка на полюсе? Тогда и произошел разговор с Сергеем Ивановичем.

— Если нет криновита, — соглашался Сергей Иванович, — переведу. Поговорю с Егоровым и переведу. Будешь искать алмазы.

Разговор произошел дня за два-три до того, как «Полярная» станция начала действовать.

Потом пошла эта фантастика с Малышом, и Сергей Иванович не возвращался к переводу Тимошкина на Северный полюс.

Вот почему, когда участники эпопеи собрались наконец вместе, одно кресло в их кругу оказалось пустым. Это кресло по праву принадлежало Юрию Львовичу Тимошкину.

Собрались они через месяц.

Возле «Полярной» стоял тот же вездеход на спиральных. Водители Беленький и Смирнов опускали по трапу ящики, обитые цветной жестью. Галин и Егоров помогали водителям. Командовал парадом Сергей Иванович.

— Осторожней, ребята, — говорил он, — смотрите — надпись: «Не кантовать!»

— Стaremosся, Сергей Иванович, — откликнулся Беленький из кабины. — И что в этих ящиках? Даже на Луне тяжело!

Сpirали вездехода подрагивали от напряжения: ящики действительно были тяжелыми.

Затем их внесли в шлюзовую камеру, в помещение станции и расставили в комнате с экраном и затемненными иллюминаторами. В ящиках оказалась киносъемочная и проекционная аппаратура.

— Передвижка! — разочарованно воскликнул Беленький. — Сергей Иванович?

Начальник геологической службы отмалчивался. Он отмалчивался целый месяц. Ни Земля, ни Луна не знали о тайных приготовлениях Сергея Ивановича и обитателей «Полярной» станции. Это был секрет, утвержденный и принятый всеми на памятном совещании месяц тому назад. Готовились доказательства, сюрприз для планеты Земля. Может быть, здесь было немножечко опасения, что затея кончится неудачей, Малыш не сработает и все виденное Егоровым было странной невероятной случайностью. Вдруг ничего больше не повторится? Но больше было надежды: все должно окончиться хорошо. Ведь все четверо — и «полярники», и Сергей Иванович — были романтиками.

Киносъемочных аппаратов оказалось четыре — для Егорова, Галины, Светланы и Сергея Ивановича.

— Пройдемте в фотолабораторию, — предложил Сергей Иванович, — зарядим пленку.

Сотрудники станции и начальник геологической службы скрылись в фотолаборатории.

Оставшись одни, Беленький и Смирнов переглянулись:

— Что тут творится, Вася? — спросил Беленький.

Высокий флегматичный Смирнов ничего не ответил.

— Такого спектакля я не видел, — продолжал Беленький. — Да еще с участием Сергея Ивановича. Старик обычно весь на виду. А тут — оставил нас двоих в комнате...

— Будут съемки,— сказал Смирнов.

— Вижу, что будут съемки. Но что снимать?

— Земное затмение,— предположил Смирнов.

— В четыре аппарата?— с сомнением покачал головой Беленький.

Из лаборатории с готовыми аппаратами вышли «полярники» и начальник геологической службы, молчаливые и немножко торжественные. Факт,— подумал Беленький,— тут затевается что-то нешуточное...

— Пойдемте с нами,— сказал водителям Сергей Иванович.

— Всегда готовы!— ответил Беленький за Смирнова и за себя,— он готов был идти хоть на край света, лишь бы не сидеть в пустой комнате и не гадать. А главное,— ему было интересно, что затеял Сергей Иванович, и этот интерес надо было удовлетворить до конца. Не пригласи Сергей Иванович его и Смирнова, Беленький сам напросился бы идти вместе со всеми. Обязательно бы напросился.

Пройдя коридоры и шлюзовую камеру, маленькая экспедиция направилась к Малышу.

Шли быстро и молча, как заговорщики. Кажется, Сергею Ивановичу нравилась эта таинственность. В самом деле, тучный пожилой человек был мальчишкой в душе, неутомимым искателем. Луна и вообще необжитые места таких любят,— настойчивых и мечтательных. Сергей Иванович уверовал в находку Егорова с первых дней и весь отдался порыву. Все энтузиасты такие: если уж делать дело, так с душой, а не вполдуши! Земля отрезвила его тогда, потребовала доказательств. И он найдет эти доказательства.

Все они найдут доказательства!

— Что бы ни произошло,— говорил он, когда группа подошла к Малышу,— что бы кто ни увидел,— снимать. От начала до конца — снимать!

Расставил «полярников» с киноаппаратами каждого на расстоянии двухсот метров одного за другим. Смирнова и Беленького тоже поставил в ряд: «Будьте свидетелями...»

— Все готово? — спросил Сергей Иванович. — Сигнал к съемке — ракета. — Он уже посматривал на хронометры, тщательно выверенные по земному и лунному времени.

Если бы не киноаппараты и не торжественность, можно было подумать, глянув со стороны, что Сергей Иванович готовит команду спортсменов к соревнованию, — к бегу, например, по лунной равнине. Не было белой черты и слова «Старт», написанного большими буквами, и дистанция между спортсменами непомерно большая, — шеренга растянулась на километр, — но, кто его знает: на Луне сила тяжести меньшая, как себя поведут спортсмены на беговом поле?.. Пусть уж расстояние от локтя до локтя будет побольше. Ну, уж если дойдет до бега, думал Беленький, — вряд ли кто сумеет потягаться со мной: у меня первый спортивный разряд! Итак, — как там арбитр, — поднял стартовый пистолет?.. Однако все смотрят на Малыша, подняли кинокамеры. Беленький тоже стал смотреть на скалу, — что-то будет?

— Внимание! — послышался голос Сергея Ивановича. — Съемка!

Зеленая ракета взвилась в черное небо.

Бесшумно в космической пустоте завертелись камеры сверхскоростной съемки — два миллиона кадров в секунду. И в тот же миг из воронки, из рубиновой чаши на вершине скалы, вырвался луч, столб пламени, захлестнувший цепочку людей, ставших у него на пути.

— Бог мой! — заорал Беленький. — Ложись! — Он был про соревнование, про свой спортивный разряд. Даже если бы нужно было бежать, он бы не сдвинулся с места, — ноги приросли к почве. Он только моргал от

нестерпимого света да вскинул наконец руку, чтобы защищить глаза.

Но все уже кончилось. Только в воронке, на вершине скалы, тлел рубиновый жар и на какую-то долю секунды в глубине чаши мелькнуло человеческое лицо.

— Бог мой! — спять отозвался Беленький. — У него три глаза! Смотрите!..

Слышно было, как тяжело дышала в скафандре Светлана, всхлипнула Галин.

— Смотрите! — вопил Беленький. — Видели? Ну, ответьте же кто-нибудь!

Смотрели уже на станции, когда была проявлена пленка. Работали над ней Галин и Смирнов, остальные изнывали от нетерпения.

Светлана вздохала:

— Что же это такое?..

Относилось ли это к медлительности товарищей или к тому, что Светлана увидела у подножья скалы?..

— Терпение, сердце мое, — успокаивал Сергей Иванович, а сам поминутно поглядывал на хронометр, лежавший на столе, — забыл о наручных часах.

Время действительно будто остановилось.

— Ну, скоро они там? — порывался к фотолаборатории Беленький.

— Терпение, сердце мое, — говорил и ему Сергей Иванович и все поглядывал, вытягивая шею, на хронометр, лежавший на столе, — совсем забыл о ручных часах.

Наконец, из лаборатории вышли Смирнов и Галин.

— Есть! — хриплым шепотом сказал Галин...

Он аккуратно заправил ленту в проекционный фонарь.

На секунду все оказались в темноте — проектор работал автоматически, выключил свет. Это было неожи-

данно и мучительно, как будто бы все ослепли. Но вот вспыхнул белый экран, пленка пошла в работу.

Сначала непрерывным потоком шли геометрические фигуры: треугольники, круги, эллипсы, потом — на две секунды — солнечная система. Потом группы фигур: квадратов, ромбов и — опять на две секунды — участок неба: Большая Медведица.

«Я же говорил, я говорил! — подумал Егоров. — Они оттуда — с Большой Медведицы!..»

Словно в подтверждение его мысли вокруг одной из звезд в центре ковшика обозначился эллипс, по замкнутой линии побежала синяя искра.

— Ох! — Галин хрустнул костяшками стиснутых рук.

На фоне звезд показалась Земля, с темными пятнами океанов, с треугольником Африки. На две секунды — космический красавец — корабль. Потом — формулы: в круге, в квадрате, в четырехугольнике, и сейчас же бесшумно развернулось полушарие Земли — север, юг, запад, восток, экватор, центр. В линию, один за другим, возникли шесть значков — цифр, за ними еще шесть, всего — двенадцать. Исчезли и опять появились.

— Двенадцатиричная система?.. — полуспросил, полуугадал Егоров.

Ему никто не ответил, все боялись моргнуть, чтобы ничего не пропустить на экране.

А там уже люди. Такие же, как земляне. Может быть, немножко повыше ростом, красивее: голова на пропорциональной шее, ноги, руки...

— У них шесть пальцев! — воскликнул Беленький.

«Двенадцатиричная система счета...» — утвердился в догадке Егоров.

— И три глаза!

Это заметили все. У людей далекой планеты было три глаза. Третий в середине лба. Но это не безобразило их, не казалось уродливым. Непривычно на взгляд

землян, но ведь это был другой мир. И если проводить параллель между их миром и нашим, больше виделось сходство и меньше — различие. В конце концов у землян тоже три глаза, но третий скрыт под мозговой оболочкой. В остальном — это были такие же люди.

— С ними можно дружить, — сказал молчавший до сих пор Смирнов.

«Можно, можно!..» — говорил каждый себе, — это была общая мысль. И в то же время каждый, волнуясь, думал что-то свое, хотя и связанное с картинами, мелькавшими на экране. Галин мысленно перебирал россыпь Большой Медведицы: что же это за звездочка, чужое далекое солнце? Как она числится по каталогу? Какое до нее расстояние — пять, десять, сто световых лет?.. Ему страстно хотелось, чтобы звезда была ближе, чтобы еще при жизни встретиться с этим миром. Светлана готова была плакать от радости, хотя и не видела конкретной причины, почему ей хочется плакать: то ли потому, что она является участницей открытия, то ли ей нравился этот чудесный мир и чудесные люди. Она еще не могла разобраться в чувствах — радость была огромной. Сергей Иванович и Егоров думали об одном и том же: о перспективах, которые открываются перед землянами от контакта с новой цивилизацией. Смирнов старался понять инопланетную технику, а Беленький, ни на секунду не отрываясь от экрана, твердил: «Это же здорово! Это же очень здорово!..»

Два часа шел сеанс. Два часа люди не спускали с экрана глаз, стараясь рассмотреть и понять пришельцев. А те щедро рассказывали о себе, о полете, о технике. Ряды формул чередовались с работой звездолетчиков на Земле. Земля вставала без единого города, без дорог. Только костры в пещерах да у костров сгорбленные, заросшие волосами фигуры.

— Далеко смотрели пришельцы, — сказал Сергей

Иванович,— если были уверены, что их потомки,— показал на пещерных людей,— в будущем откроют маяк...

— Наверно, прошли такую же эволюцию, как и мы,— ответил Галин.— Видели наше будущее...

Экран погас, все встали с мест.

— Не только будущее,— Сергей Иванович взял астронома под руку.— Видели сегодняшний день! И час Григорий Артемьевич,— обратился к геологу.

Егоров говорил меньше всех в этот вечер. Не то чтобы он был потрясен,— все были потрясены,— он переживал событие в себе.

— Григорий Артемьевич!— опять окликнул его Сергей Иванович.— Слышишь ты?— обнял его.— Как мы утрем скептикам нос, Гриша!..

Из кинокомнаты перешли в столовую.

— Товарищи!— начал было торжественно Галин, но засмеялся и смолк.

Светлана поставила на стол бутылку вина, бокалы.

— Прошу!— улыбнулась всем.

«Полярники» и приезжие уселись за стол. У всех были праздничные возбужденные лица. Все хотели говорить, рассказывать друг другу,— кто и как чувствовал себя на съемке под лучом Малыша.

Вино разлил по бокалам Сергей Иванович.

И вдруг на какой-то момент начальник геологической службы смешался,— не находил нужных слов.

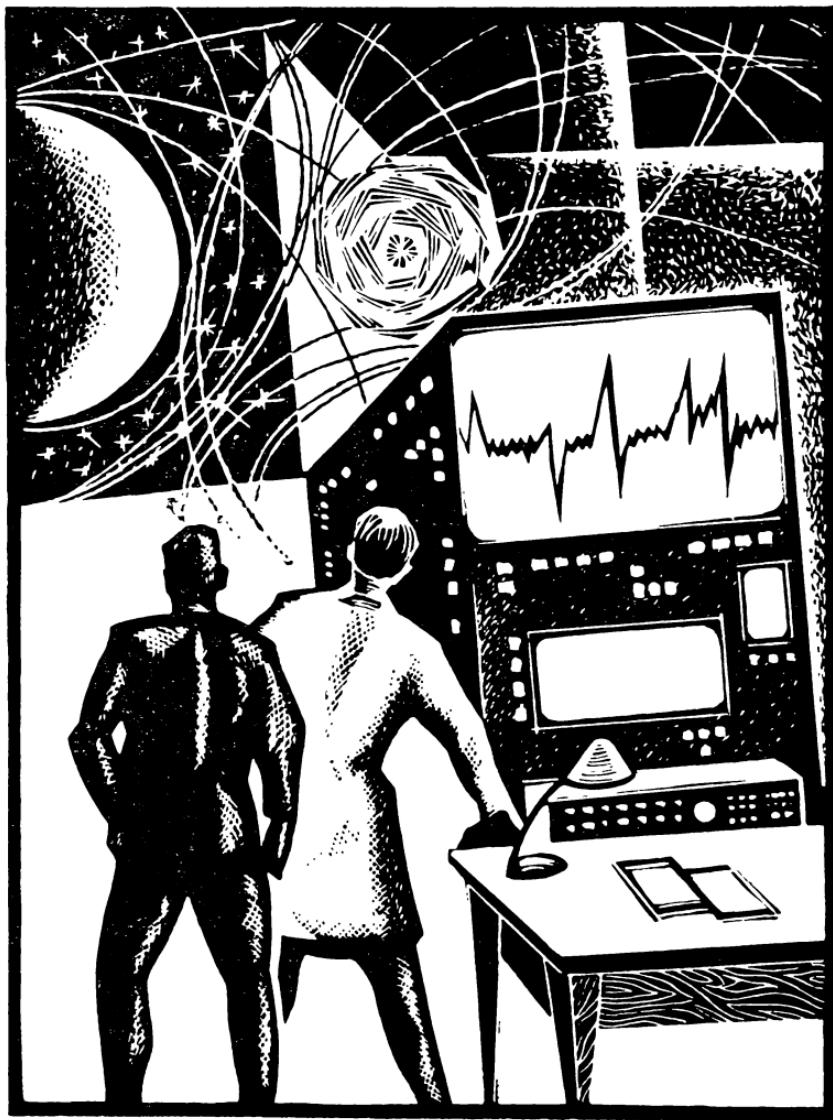
Выручил его Беленький:

— Прошлый раз, гм...— сказал он,— мы пили в этой комнате за новоселье.

— А теперь — за открытие!— Сергей Иванович нашел наконец слова.— За контакт с инопланетной цивилизацией!

И первым поднял бокал.

СЛУШАЙТЕ ВСЕ!

Джон и Эбигайл потеряли счет бессонным ночам. Когда это началось — неделю, месяц тому назад?.. Размотаны диски лент: два, три километра, может быть, десять. Лента на полу, в углах комнаты, под столом. Горы ее растут к потолку... А люди не отрываются от приборов. Время для них исчезло, растворилось в черной линии самописцев: больший, меньший размах пера, отрезок почти прямой, и снова перо — вверх, вниз!

В подземный бункер обсерватории не проникает ни звук, ни ветер. Четыре стены, стол посередине, мотки разноцветного провода и два самописца последней модели,— вот и вся обстановка в бункере. Джон и Эбигайл кажутся здесь посторонними. Не подумаешь, что они ищут открытие. Они да радиотелескоп, который бодрствует с ними. Гигантская чаша ловит голоса звезд — бущующих плазмой, горящих ровно, как факел, и даже умерших, свет от которых продолжает лететь в Пространстве. Сейчас телескоп слушает необычный голос, передающий одно и то же. Самописцы перекладывают голос на график. Люди склоняются над чертой — прове-рить тысячу раз! — смотрят на черную линию глазами, красными от бессонницы. Тысяча первый график полу-дается таким же, как остальные.

В подземелье все обыденно: кресла, приборы, кладущие на бумагу однообразную линию. Может быть, открытие делают самописцы и телескоп? Не Джон и не

Эбигайл? Может, заслуга принадлежит машинам, а люди здесь ни при чем?..

Но вот открытие сделано. Втиснуто в рамку формул и чертежей. Джон кладет листок перед Эбигайл:

— Этому не поверят.

Эбигайл молчит. Она понимает Джона и его чувства. Как сделать, чтобы поверили? Вспоминает бессонные ночи, расчеты, гул и стрекот электронных машин и думы, думы — бесконечные думы, свои и Джона. Может ли это быть? Может ли?..

А почему, собственно, не может?

Обсерватория стоит на Ред-Ривер, там, где, миновав холмы Уошито, река выходит на широкую низменность. Сама обсерватория, каменная коробка с традиционными куполами, — ничто по сравнению с радиотелескопом. Здесь, в бесчисленной паутине тросов и проводов, в устремленности чаши к звездам, — гений и сила человеческого ума. Для чего это сделано? — спросит непосвященный. Для связи с другими мирами. А есть ли они, другие миры? Есть! Те, кто строил радиотелескоп, и те, кто работает здесь, ждут и боятся этого слова. Ждут, когда оно подтвердится, и знают, что это будет неожиданным, как молния в синем небе. И что будет, когда человечество убедится, что есть кто-то другой?..

Цифры и формулы на листке говорят: есть.

Джон повторяет:

— Никто этому не поверит...

Как же сделать, чтобы поверили?

Когда в Канаде старик Смиггл поймал на телеприемнике фрагмент передачи из космоса — улицу домов-пимарид и людей с двумя головами, он не сообщил об этом в печать. Рассказал другу, тоже астроному, Эдлаю Харрису. Харрис сказал: «Если не хочешь прослыть сумашедшим, — молчи». И Смиггл промолчал. Он не был борцом, не смог бы вынести насмешек и карикатур.

Только ли смалодушничал Смиггл? Или причины в другом? Вот и Джон говорит, что их открытию не поверили. Значит, причины есть? С ними надо считаться?..

В Сахаре найдены изображения людей в необычных одеждах. Мир терялся в догадках: что это или кто?.. Специалисты по космотехнике высказали мнение: так могут выглядеть космонавты в скафандрах и в гермошлемах. Но тут выступил скептик,— всегда находится скептик с учеными степенями,— и объяснил: «Какие же это шлемы, господа, это — тыквы!». Популярно рассовал все по полочкам: зачем поджигать сыр-бор? Были космонавты в Африке или не были, а тыквы — растут искони. Наденьте тыкву на голову, и вы будете выглядеть как марсианский бог! Чего проще,— все надо объяснить земными причинами... Только что журналы обошел снимок человеко-подобного существа, встреченного в горах Калифорнии. Казалось бы, свидетельствует фотоаппарат — техника. Скептик опять тут как тут: «Мистификация!..» Это крепкий жучок, скептик с учеными степенями и непробиваемым панцирем. Он все разжует и все объяснит. Или постарается замять разговор. Кибернетика? Ха-ха-ха! — смеялся он после войны. Летающие тарелки? Запретите о них писать, и они исчезнут!..

К счастью, все на Земле сложнее и проще. Сложнее, чем голое отрицание, и проще, чем белый свет. Он ведь тоже, говорят, состоит из семи цветов радуги...

Джон и Эбигайл изучают пульсары. Знают все, что написано о пульсарах в специальной литературе. Написано мало — звезды открыты недавно. Да и звезды ли это? Скорее — пульсирующие точки вселенной, неразличимые даже в мощные телескопы. Есть белые карлики. Есть красные карлики. Пульсары — сверхкарлики, микрокарлики. По мощности излучения их можно сравнить с Солнцем, по точности и частоте повторения импульсов —

с атомными часами. Работа их слишком невероятна, чтобы казаться естественной,— звезда подает импульсы как работающий электромотор. Ученые спорят. Одни говорят, что это угасающие карлики. Поверхность их точно судороги сотрясают упругие колебания. Звезда то расширяется, то сжимается. Плазма рождает радиоволны. Другие доказывают, что это нейтронные звезды, сжатые гравитацией до предела. Они вращаются с бешеною скоростью, и если звезда имеет протуберанцы, они излучают радиоволны. Когда был открыт первый пульсар, вкрадось сомнение: может ли косная материя производить эффект такой точности? В принципе может. Есть переменные звезды, есть фазы Луны и Венеры, чередующиеся с математической точностью. И все-таки: если бы разум подчинил себе какую-то область космоса, то для связи с другими цивилизациями он создал бы пульсар искусственно. Через пространство, через магнитные и рентгеновские поля послать сигналы может только станция, созданная по типу переменной звезды. Разум, наверно, создал бы несколько таких станций. Трудно отличить их от звезд, но, может быть, у них есть другие отличия, которых мы не в состоянии видеть на современном уровне техники. Разум мог бы разместить станции в нескольких наиболее значимых точках Пространства — как пульсар Джона и Эбигайл — над северной короной Галактики.

— Может ли это быть белый карлик? — спрашивает Джон и сам себе отвечает: — Может. А нейтронная звезда? Тоже может. Но может быть и что-то другое.

Звезда, которую нашли Джон и Эбигайл, испускает не один и не два, а — три импульса! И все на разных частотах! Вдруг это не звезда?.. Джон перебирает в уме догадки, предположения и, как по замкнутому кругу, приходит к вопросу:

— Так что это?

— Нейтронная звезда, Джон...— говорит Эбигайл.
— Возможно, Эби, очень возможно.
— Все так говорят о пульсарах...
— И все сомневаются. Есть вещи, которые с трудом умещаются в голове.

— Что ты этим хочешь сказать?
— Ничего, Эби.

Эбигайл склоняется лицом на руки, минуту сидит неподвижно. Потом поднимает голову:

— Нас только двое, Джон, и мы играем в прятки друг с другом.

— Хочешь начистоту?..
— Да, Джон, я слишком устала.
— Что если это радиостанция, Эбигайл?

Эбигайл пугается. По ее лицу видно, как она борется с собой, не знает, что возразить Джону. На миг ее охватывает ирония,— та пошлая, порой беспомощная ирония, которой люди пытаются защитить себя от необычайного, чем двадцатый век тревожит их, но не дает на тревогу ни ответа, ни объяснения.

— «Зеленые человечки», Джон? — спрашивает она, понимая, как глупо звучит вопрос, но ей надо проверить себя и Джона, укрепить или отвергнуть что-то в себе и в нем.— Те, что на летающих блюдцах?..— заканчивает она вопрос.

— Называй, как хочешь,— Джон не обижается, но чувствует, что Эбигайл трудно освоиться с его мыслью,— не шутит ли он, делая такое предположение. В душе он извиняет ее и, продолжая разговор, спрашивает:— Что, если это разум?..

Эбигайл не отвечает ему.
— Почему ты молчишь?

— Здесь мало предположений, Джон. Нужно что-то определенное.

— Будем искать.

— И сомневаться?

— Не будем спешить. Не скажем о своем поиске.

— Если не будем спешить,— я согласна, давай искать.— Эбигайл освоилась с вопросом и с высказываниями Джона. Поняла, что он не шутит, и даже обрадовалась: его мысли отвечают ее мыслям. Можно, наконец, поговорить друг с другом. Она скажет Джону все, что думает.— Согласна искать,— повторяет она.— До тех пор, пока тайна не раскроется полностью.

— Не слишком ли много хочешь?

— Всего или ничего, Джон. У меня тоже есть мысль. Я уверена, ты думаешь об этом, но не решаешься высказать.

— Говори, Эбигайл.

— Мне кажется, что эти сигналы — фразы. Три вспышки — три разных фразы. Этот пульсар — маяк. Посмотри, он расположен над северным полюсом Мира. Он зовет, Джон, он подает сигналы цивилизациям, — может быть, другим галактикам.

Джон слушает молча. Такие предположения давно волнуют его. Кому-то из них двоих надо их высказать. Это делает Эбигайл.

— Сигналы рассчитаны на все виды цивилизаций — молодые и древние,— говорит она.— Радиосвязь — не самый совершенный вид связи. Кроме нее может быть нейтринная связь, гравиосвязь. Я уверена, что все вокруг нас и нас самих пронизывают потоки информации. Мы не замечаем их потому, что не знаем природы тяготения и нейтрино, не научились их расшифровывать. Радиосвязь требует громадных энергий. Этот маяк на полюсе по мощности равен Солнцу. Расходовать такую энергию может развитая цивилизация, поставившая целью связаться с другими цивилизациями, например, нашего уровня, которые овладели хотя бы радиотехникой.

— Ты понимаешь, о чём ты говоришь? — спрашивает Джон.

— Я говорю с тобой, Джон, пусть даже это звучит фантастически.

— Мы прежде всего, — ученые, — возражает Джон.

— Фантазия не раз прокладывала новые пути в науке, — говорит Эбигайл, и Джон досадует на свои возражения, разговор уклоняется в сторону. Но Эбигайл возвращается к теме.

— Галактика похожа на человечество, — говорит она. — В ней могут быть цивилизации, — как племена на Земле, — более развитые или отставшие из-за удаленности или скудности энергетики. Но и здесь есть свои Колумбы и открыватели. Галактика молода. Может быть, только начинается ее исследование, «собирание» ее земель. Может быть, маяк поставлен для этой цели.

— Эбигайл...

— Подожди. Мы приняли сигналы. Их надо расшифровать.

Джон молча кивнул.

— И до тех пор, пока не расшифруем, никому не будем говорить об открытии.

Вспышка — пауза, вспышка — пауза. Три вспышки — три паузы. Импульсы различной продолжительности, на разных частотах. И так — на десятую, на двадцатую ночь. Маяк в космической ночи — мигнет и погаснет, мигнет и погаснет.

А если это звезда — пульсар? — Джон допрашивает себя с пристрастием. — Вдруг это обычновенный пульсар?.. Больше всего Джон боится примелькавшегося, обычновенного. Он привык к мысли о маяке. Преодолел внутреннюю инерцию. Трудно победить себя, принять новую веру. Еще труднее — убедить других в своей правоте. Для этого нужны смелость, готовность идти на

риск. Готов ли ты, Джон Биллс, идти до конца?.. Ученый мир удивился вначале, когда были открыты два-три пульсара. Потом появились гипотезы о затухающих карликах, о нейтронных звездах, и все пошло по инерции: пятая, двадцать пятая, пятидесятая находки,— все будут звездами. Там один импульс, там два, здесь — три. Ну и что же? «Выступи я с догадкой в печати,— думает Джон,— никто не обратит внимания. Разве что позвонят директору обсерватории: это ваш Биллс? Посоветуйте ему проштудировать популярные статьи по астрономии...»

Между тем изучен каждый штрих самописца — не будет ли чего нового? Нового не было: три вспышки, три паузы. Различной продолжительности, на различных частотах.

- Долго ли так было? Тысячу лет?
- Мы наблюдаем всего три месяца.
- И кто-то ждет отклика...

Эбигайл смотрит на горы спутанной ленты. Сколько времени нужно сигналам, чтобы долететь до Земли? Может, маяка давно нет, а сигналы идут, идут?.. Эбигайл отгоняет сомнения. Те, кто поставил маяк, знают о небозримых пространствах Вселенной, они поставили его на тысячи лет. Другое дело — мы на Земле. Если послать ответ, отклика придется ждать века... Опять Эбигайл думает о несовершенстве радиосвязи: на Луну сигнал идет больше секунды... Даже в пределах Галактики радиосвязь не пригодна. Нужно что-то другое — овладение сверхпространством, временем, тяготением. И все же этот маяк... Здесь растеряется любой ум — не только рядового астронома.

- О чём он говорит, маяк?
- Это не информация, Джон. Предположим, что это призыв.
- Призыв?..

— Я говорю — предположим. С чего-то надо начинать расшифровку.

И вот они думают, что могут обозначать сигналы. Три всплеска, три фразы. Первый всплеск короток, лаконичен. Такой же лаконичной должна быть фраза. Второй всплеск по продолжительности больший из трех, — это распространенное предложение. По времени оно занимает почти полсекунды. Третья фраза опять короткая, но чем-то отличается от первой, — состоит из острых штришков, разделенных между собой мельчайшими промежутками.

Джон и Эбигайл расчленяют фразы на составные штрихи, рассматривают каждый зигзаг отдельно. Здесь нужна проницательность и работа мысли. Кто эти существа, поставившие на полюсе радиостанцию? Похожи ли они на землян? Сходно ли их мышление с нашим?

— Они должны быть похожими на нас.

Эбигайл размышляет, сопоставляет.

— Мышление тоже должно быть сходно с нашим. Если они открыли радио, построили маяк, значит, у них техническая цивилизация. У них те же формулы, что у нас, открыты одинаковые физические законы. Те же машины, приборы и — руки, построившие приборы. Есть глаза и есть уши. Они, как и мы, заставили звучать радиоволны в своих приемниках и динамиках. Почему же должно быть различно мышление?

Двое в обсерватории думают. А время летит. Идут сигналы с полюса Мира: три фразы, три паузы.

— Эбигайл, — говорит Джон. — В расшифровке нам помогут машины. Едем в Хьюстон.

В координационном космическом центре Хьюстона они разыскали Юджина Парка. Парк был их однокашником по университету, три года тому назад работал с ними в обсерватории на Ред-Ривер и оттуда был взят в

космический центр консультантом по расчетам орбит «Аполло» вокруг Луны. Парк имел доступ к электронному вычислительному гиганту «Оникс-III», а это как раз и нужно было Джону и Эбигайл.

Парк удивился, что «домоседы», прикованные к радиотелескопу обсерватории, выпорхнули в дальнюю командировку.

— Какими судьбами?..— пожимал он руки Джону и Эбигайл.

Он был рад университетским друзьям, рад хорошему настроению и тому, что преуспевает на новой работе. Встреча была тем более милой, что Парк не видел друзей три года. У него было немало новостей и неожиданностей за это время, и он с удовольствием послушает новости с Ред-Ривер. Чутьем он понимал, что нужен друзьям, это возвышало его в собственном мнении. Может быть, он повел бы себя чуть-чуть высокомернее, если бы перед ним был кто-то другой, а не Джон Биллс. В университете Джон считался лучшим математиком, и не особенно прилежный и усидчивый Парк в пору экзаменов нередко прибегал к его помощи. Вообще Джон был добрый и работящий парень, с крепкой спиной, как говорили однокурсники, на которой удобно ездить. Во всяком случае, Парк знает надежность спины Джона Биллса и благодарен товарищу до сих пор... Эбигайл — одна из четырех девушек факультета,— по общему мнению, была красавицей. И самой серьезной. Не уважать ее тоже было нельзя. И чего это они пожаловали в Хьюстон?..

— Чрезвычайное исследование...— говсрит Джон в ответ на рукопожатие Парка.

— Чрезвычайное!— Юджин смеется.— Где вы сейчас увидите не чрезвычайное, хотел бы я знать? В химии — чрезвычайное, в биологии — чрезвычайное, в космонавтике — сверхчрезвычайное!..

— Ты поверь, Юджин...

Но Парк не слушает. Он привык к чрезвычайному. Он без обиняков спрашивает у Джона:

— Вам нужен «Оникс»?

— Нужен,— кивает Джон.

— Я так и знал! Так и знал!— Парк продолжает смеяться.— И все кланяются Юджину Парку!

Веселость Парка не вязалась с настроением Джона и Эбигайл, но приезжие терпели шутку товарища. Парк был весельчак, здоровяк — отчего бы ему не посмеяться?

— Выкладывайте, что у вас,— посерезнел наконец Юджин, хотя в щелочках его глаз все еще стоял смех.— А вы, Эбигайл, выглядите прелестно!..

Комplимент был мимо цели: никогда Эбигайл не чувствовала себя такой утомленной и похудевшей, как за время бессонных ночей, пока они с Джоном не выходили из бункера. Она смутилась и не нашлась, что ответить.

— Мистер Парк!..— Джон решил привести товарища в чувство.

— О!..— воскликнул Юджин.

Что-что, а слово «мистер» он не терпел. Первый регбист университета, участник всех пикников и попоек, он имел слабость — ненавидел клички. Ему и придумали кличку — «Мистер» — полное несоответствие его непоседливому характеру. Правда, он и к этому относился без злости, но когда с Юджином надо было поговорить всерьез, к нему так и обращались: «Мистер Парк».

— О!— повторил он.— Значит, у вас действительно что-то есть. Тогда тем более — выкладывайте!

Джон пожалел, что резковато обошелся с товарищем, но уже не видел, как исправить промашку, а, наоборот, усугублял ее:

— Мы бы хотели пока не говорить...— сказал он.

— Да? — спросил Парк. — Как же вы сунетесь к «Ониксу»?

— Задача у нас готовая — расшифровка.

— Ох! — теперь уже по-настоящему вздохнул Парк. — И тут секреты...

— Ты уж прости, — сказал Джон.

— Бог простит! — ответил Парк. — А вот время найти, — это труднее, дружище Джон. И Эбигайл... — посмотрел он на женщину.

Вынул блокнот, перелистал, пошевелил губами, разбирая в блокноте записи.

— Не раньше чем завтра ночью, — объявил он. — С часу до трех. Устраивает?

Джон и Эбигайл согласились.

— А теперь — дела побоку! — воскликнул Парк. Вопрос был решен, можно поговорить о личном. — Как живешь? — обратился он к Джону. — Женат?

Джон молча кивнул на Эбигайл.

— О-о!.. — Юджин был удивлен. — Поженились? Черт возьми! У вас же характеры одинаковые — одноименные полюса! — опять трясл руки университетским друзьям. — И как это вы?.. — спохватился: — А какое мне дело? Выпьем по этому случаю!

В тихом академическом баре они просидели до вечера. И все это время их столик был самым шумным. Из-за Юджина Парка.

— Ха-ха-ха! — рассказывал он. — Прилетел дядя Сэм на Марс. Вышел из ракеты, огляделся, — пусто кругом. Ладно, думает, надо насадить сад. Посадил цент и ждет: если вырастет доллар, — значит, на Марсе жить можно. Ха-ха!..

С Юджином скучать не пришлось.

— А вот еще: как русские взяли Венеру в плен...

Но Юджин был молодец, не терял головы и памяти. Голубые глазки из-за припухлых век блестели живо и

умно. И такт он выдерживал как настоящий ученый. Не сказать ему ничего было нельзя.

— Юджин,— заговорил Джон,— какова разрешающая способность «Оникса»?

— Два миллиона действий в секунду,— Юджин кивнул головой, понимая, что Джон идет навстречу его желаниям.

— Вам приходилось расшифровывать мертвые языки?

— Приходилось,— ответил Парк, но глаза его говорили: не то, Джон, не то.

— Удавалось?— спросил между тем Джон.

— Кое-что удавалось. С трудом,— последнее слово было тактическим ходом Юджина: если говорить, то давай напрямик.

— Хорошо,— сказал Джон. — Эбигайл, можно?

— Говори,— сказала она.

Джон коротко рассказал об их с Эбигайл предположениях и догадках. Юджин выслушал все молча, не перебивая. По его лицу нельзя было понять, как он относится к разговору. Наступила неловкая пауза.

— Что ты думаешь?— спросил Джон.

— Я тебе помогу,— ответил Юджин.— Чем можно — всем помогу. Но условимся сразу: я умываю руки. В эту историю меня не впутывай. И чтобы моего имени нигде — ни-ни! Договорились?

В назначенный час Парк проводил Биллсов в бетонный корпус, в котором помещался «Оникс». Время было позднее, моросил негустой теплый дождик. Ночное дежурство затягивалось на два лишних часа, Юджин позевывал.

Космические сигналы были переложены на перфокарту заранее,— Эбигайл трудилась над этой работой весь день.

— Это, что ли?..— мельком взглянул на ленту Юджин.— Не глазейте по сторонам,— сделал он замечание.— В зале только верхняя часть машины. Четыре этажа — под землей.

Великолепие человеческой мысли было воплощено в матовый пластик и цветное стекло. Тысяча огоньков — красных, зеленых, синих, оранжевых, — перемигивались между собой на выпуклом, высоком, от пола до потолка, экране. Белый стол и несколько кресел перед экраном казались игрушечными. Лампы мигали спокойно, — выдалась редкая минута между работой: электронный мозг отдыхал.

— Садитесь,— пригласил Парк Джона и Эбигайл, кивнул обоим на крайние кресла справа.— Здесь выход нашей продукции,— указал он на белую ленту, выходившую концом из недр машины.— А сюда вводим программу,— Юджин прошел на левый конец стола и вставил перфокарту в узкую щель, ведшую внутрь машины.— Включаю!— сказал он и нажал на пульте зеленую кнопку.

Перфокарта вошла в машину, лязгнувшую где-то внизу, под столом, но внешне пока ничего не изменилось,— лишь к легкому гудению ламп прибавилась едва заметная нота.

— Ну вот,— сказал Парк и зевнул.— У вас сто двадцать минут. Сидите и ждите. А я вздремну. Если результат будет раньше этого срока, нажмите черную кнопку,— показал он Джону кнопку на правой стороне пульта, там, где неподвижно стояла выводная лента.— Не беспокойтесь,— прибавил Парк,— все пойдет своим ходом, автоматически. Автоматика здесь надежная.

Он удалился в боковую незаметную дверь, оставив Биллсов одних.

В машине что-то заурчало, застrekотало, разноцветные огоньки по всему экрану ожили и заговорили между

собой. Мгновенно пробежала молния по оранжевым лампам, ей ответили тут же зеленые огоньки,— нехотя, словно потревоженные напрасно. Синие слабо мигнули — включаться или помедлить? — но тут же налились светом и, наверное, секунду глядели удивленно и даже с недоумением. Потом погасли. Желтые огни вспыхнули по экрану россыпью, но продержались недолго,— их погасила вновь промелькнувшая оранжевая молния. Стрекот машины усилился. И вдруг пунктиром просигналили о чем-то два ряда зеленых ламп. Оранжевые отвечали им мгновенной скороговоркой, и спокойно, словно пытаясь примирить зелень с закатным солнцем, секунду посветили синие огни. Но их не послушали ни оранжевые, ни зеленые — яростно заспорили между собой. Синие сконфузились и погасли. Теперь на экране бушевала буря зелени и оранжевых отсветов. Казалось, они заняли всю стену. Если на мгновенье появлялись желтые огоньки, пытаясь втиснуться между зелеными и оранжевыми, яростные соперники набрасывались на них, гасили как свечи.

Это было красиво и тревожно, как все удивительное и непонятное. О чем думал и спорил с собой электронный мозг? Что означала вся эта феерия огней? Что она вообще представляла собой?.. За белой панелью экрана и под землей на глубине четырех этажей творилось что-то сверхчеловеческое. Такое, чего люди уже не могли сделать. Но удивительно, что все это сверхчеловеческое и странное создано человеком. Парадокс? Знамение эпохи? Да, наверное,— и то и другое. Но ведь это начало эпохи... У всякого, кто стоял перед электронной машиной, рождалась в душе тревога: в какой-то мере электронное чудовище сильней человека. В какой-то мере — пока. Оно еще набирается сил...

Пляска огней продолжалась. Теперь экран захватил электрический вихрь. Цветные молнии били не только

вдоль панели, но и сверху вниз и из всех четырех углов. Оранжевые, зеленые, фиолетовые огни перемешивались клубками, туманностями. Экран на мгновенье показался исследователям космосом, дрожащим яростной пляской звезд. Эбигайл прижалась к Джону плечом. Шум и стрекот превратились в вой урагана. У Джона мелькнула мысль — не остановить ли машину? То же, наверное, думала Эбигайл. Где Юджин, чего он дрыхнет? Надеется на автоматику?..

Исследователи вздрогнули, когда, скрипнув, двинулась выходящая лента. Перед цветным фейерверком огней они забыли про ленту. И теперь, щелкнув, она вернула их к действительности. Теперь они смотрели на белую полоску, идущую из машины. На ней появились первые слова, выбитые телетайпом, скрытым в теле машины: «Слушать, слышать, услышьте, слушайте,— отбивал телетайп,— слышьте, услышьте, слышать...— И опять: ...слышать, услышать, слушать...» — Минуты две или три печаталось слово, во всех вариантах, какие мог дать глагол «слышать». Потом, без паузы, появилось другое слово: «Всем, всеми, всех, все, весь, всеми, всех, всем...»

Казалось, телетайп выступивает бессмыслицу. Джон и Эбигайл уже не смотрели на пляску огней, они впились глазами в печатные строки. А там варьировалось на все лады слово: весь, всем, все...

— Джон! Ты что-нибудь понимаешь?

Джон молча смотрел на ленту.

— А если, Джон...

— Давай возьмем первое слово «Слушайте...», — сказал Джон.

— Давай: «Слушайте...»

— Все!

— «Слушайте все!» Первая фраза, Эбигайл. «Слушайте все!» Согласна?

— Согласна, Джон. «Слушайте все!»

— Запиши! — сказал Джон.

Эбигайл поспешила записать: «Слушайте все!» и продолжала держать карандаш в руке, готовая записывать дальше. «Слушайте все! Слушайте все!» — повторяла она. Это призыв! Так она и понимала импульсы-фразы, когда она и Джон ломали головы на Ред-Ривер. Или почти так, — они на верном пути!

Телетайп отстукивал вторую фразу: «Объединитесь, объединитесь, объединяйтесь, соединитесь, объединяйтесь, объединившись, объединяясь...» И тут же: «Семью, семьи, семья, семьей...»

— Объединяйтесь в семью! — догадался Джон.

Эбигайл немедленно записала: «Объединяйтесь в семью...» Бурная радость поднималась в ее душе. Джон, милый Джон, мы правы с тобой! Это призыв далекой звезды, прекрасного человечества. Какое счастье, что мы первые услышали призыв, первые узнали о нем!

Телетайп продолжал: «Братья, братьев, братство, брат, братьям...» — пока не исчерпал всех вариантов слова, и тут же перешел к следующему: «Разум, разумом, разума, разуму...»

— Братства и разума! — предложил Джон. — Что у нас получилось? Эбигайл, посмотри на предыдущую пару слов.

Эбигайл прочитала:

— «Объединяйтесь в семью братства и разума!»

— Правильно, — сказал Джон. — «Братства и разума...»

Телетайп уже выдавал цифры.

— Что такое? — спросил Джон.

Цифры повторялись так же, как и слова. Но догадаться здесь было труднее.

— Что за цифры, Эбигайл? Что за цифры?..

Может быть, задача для исследователей была бы многое труднее, не промучайся они столько ночей в

бункере обсерватории на Ред-Ривер. Но после того, как Джон высказал догадку, что на полюсе Мира радиостанция, а Эбигайл предположила, что сигнал может быть призывом, обращением к другим цивилизациям, мысль исследователей работала в этом направлении, и каждый прикидывал в уме, с какими словами может обратиться далекое человечество к разумным существам космоса.

Среди тысяч вариантов, которые исследователи перебрали в уме, были слова, сходные с теми, что сейчас выдал «Оникс». Цифры, появившиеся на ленте, смущали Джона и Эбигайл. Но и здесь догадаться было нетрудно. После того, что уже расшифровано, в последней фразе не было невозможного.

— Координаты?..— предположила Эбигайл.

— Координаты?

— По-моему,— да. Координаты северного полюса Галактики.

Дальше пошла пустая лента. Но больше уже ничего не требовалось. Джон нажал кнопку и остановил машину.

Когда разбуженный тишиной внезапно смолкшей машины Юджин вернулся в зал, Джон протянул ему три строчки, написанные на листке,— три фразы:

«Слушайте все!

Объединяйтесь в семью братства и разума!

Северный полюс Галактики».

Последняя фраза была записана цифрами.

Юджин с минуту глядел на листок.

— Вы это не выдумали, братцы-кролики?— спросил он.

Джон молча показал на экран, спокойно отдыхающий светлыми лампами.

Юджин недоверчиво хмыкнул:

— Будете публиковать в газетах?

Джон и Эбигайл переглянулись.

— Будем,— сказала Эбигайл.

— Не завидую я вам, ох, не зави-идую...— протянул Юджин.

Публикация Биллсов появилась в «Тэксас-Курьер». Сразу была перепечатана респектабельной «Даллас-Ньюс». Через день ее подхватила «Вашингтон-Пост» — скорее, как шутку без повода. И наконец статья появилась в «Чикаго Трибюн».

Статья состояла из трех частей: телеграммы, расшифрованной счетной машиной, краткой истории открытия и рассуждений Эбигайл о возможном сходстве инопланетных существ с людьми. Джон был против этой последней части статьи:

— Предположения — это еще не наука,— убеждал он супругу. — Недоказанное — всегда наполовину фантастика. Эту часть статьи не надо печатать.

Но Эбигайл настояла. Она была в состоянии душевного подъема, окрыленности, которая дается чувством успешного завершения большой работы. Ей казалось, что с первых слов сообщения весь мир будет у ее ног. И у ног Джона... Нет, конечно, у ног — это сказано сильно, но чуть-чуть, скажем, капля тщеславия не вредит женской душе.

Однако после опубликования статьи ровно ничего не случилось. Прошло два дня, четыре, прошла неделя, — ни ответа на статью, ни привета.

— Странно,— говорила обескураженная Эбигайл.— Джон, что ты думаешь об этом молчании?

— Затишие перед бурей,— мрачно ответил Джон.— Подожди еще пару дней...

Его угнетало молчание. Не заметить статьи не могли. Где-то она обсуждается, проверяется,— мир велик и разнообразен. Где-то готовится статье приговор. И каков он, этот приговор, будет?

Прошло еще два дня и еще неделя,— шестнадцать дней миновало с момента опубликования злосчастной статьи.

На семнадцатый день пришло письмо.

— Послушайте,— писал автор, пожелавший не называть фамилии.— Вы там с ума сошли оба? Как вы можете предполагать разум у марсиан и прочих космических осьминогов? Это не лезет в ворота! О каком «братьстве» идет речь? Осьминогов с американцами?.. Опомнитесь! Если вы хотели развлечь читателя, то есть способы для этого более привычные и приличные— фантастика, комиксы. Немедленно дайте опровержение в газете.

На следующий день пришло еще письмо, в синем конверте,— Эбигайл еще могла различать цвета конвертов.

— Биллсы!— писал Ли Эстрем,— этот объявил свою фамилию с первых строк.— Надо поменьше целоваться у телескопа. Тогда вам не будут мерещиться «зеленые человечки»!..

— Скот!— возмутилась Эбигайл.— Из всей статьи он понял только, что мы мужчина и женщина.

— Побереги нервы,— успокаивал супругу Джон.

— Поберечь нервы?..

— Не обращай внимания на вздор,— Джон незаметно пытался спрятать синий конверт.— Мало ли кому взбредет в голову...

Та же «Тэксас-Курьер» тиснула фельетон по поводу статьи Биллсов: не исключена возможность, писал обозреватель, что у некоторых яйцеголовых не все нормально с умственными способностями.

— Вот как?— спросила Эбигайл. Горькая складка легла вокруг ее губ.

После фельетона письма Джону и Эбигайл хлынули половодьем. Писали ученики, домашние хозяйки, солда-

ты, ученые, фермеры. Каждый иронизировал на свой манер.

— Пришлите фотографию марсиан.— Больше всего в письмах говорилось о марсианах, хотя в статье о них не упоминалось ни слова.— Похожи ли они на вас и на ваших детей?— писал класс школьников из Милуоки.

Домохозяйка мисс Скэтч спрашивала: не питаются ли марсиане кухонными отбросами, у нее, видите ли, проблема: что делать с обедками пирога?..

Двадцатидвухлетний солдат интересовался: как там у них, у этих, что сигналят из космоса, насчет красоток?

— Куда они сбывают капусту?— спрашивал фермер из Арканзаса.

— Я утоплю их всех в силосной яме!— грозил другой фермер из Оклахомы.— Они сбивают цены на маис и на пшеницу.

— Миссис Биллс,— спрашивало очередное письмо,— ваша прабабушка — марсианка?..

Кто-то прислал стихи, адресованные Эбигайл с Альфы Большой Медведицы, кто-то безграмотной рукой написал непристойности, обозвал Эбигайл шлюхой. Теперь Эбигайл не обращала внимания на цвет конвертов, все с большим страхом брала письма из рук почтальона. Ей стало казаться, что почтальон,— веселый молодой парень, приезжавший на велосипеде,— с насмешкой передает ей груды конвертов, а когда уезжает, то как-то по-особенному вихлясто нажимает на педали ногами, словно издеваясь над ней. Коллеги, сменявшие Джона и Эбигайл у телескопа, и те, которых Биллы сменяли, заступая на смену, по поводу статьи молчали или задавали обыденные незначащие вопросы: как самочувствие, как здоровье... Молчание их казалось Эбигайл осуждающим, а вопросы — фальшивыми.

Письма все шли и шли. Злоба, невежество, улюлюканье, свист заполняли страницы, написанные разными

почерками. Особенно попадало Эбигайл от женщин: не было ни одной женской черты — от изгиба бровей до походки, — которая бы чудовищно не гипертрофировалась в инопланетных существах и в самой Эбигайл. Женщины возмущались, что где-то за сотни световых лет могут быть существа, похожие на них, земных леди. Они обрушивали на Эбигайл потоки нескончаемой браны.

Эбигайл хваталась за голову:

— Джон!..

Попадало и Джону.

— Открыто шестьдесят семь пульсаров, — писал коллега из Паломара. — И все они — звезды...

Дальше Джон не читал: коллега будет доказывать, что шестьдесят восьмой пульсар — тоже звезда: это же ясно, как дважды два...

— Мой друг, — обращался к Джону биолог из Мериленда. — Почему вы так сразу: инопланетная цивилизация... Давайте, не торопясь, постепенно, объясним все естественными причинами.

Вкрадчивость биолога раздражала Джона: если во что бы то ни стало все объяснять естественными причинами, то можно,ничтоже сумняшеся, просмотреть и «искусственную» причину.

«Остин-Диспетч» перепечатала фантастический рассказ Сциларда «К вопросу о «Центральном вокзале». Пришельцы, попавшие на Землю после ядерной катастрофы, уничтожившей человечество, исследуют вокзал в центре мертвого города и никак не могут уяснить назначение укромных мест с буквами «Ж» и «М». Не хватает ума разобраться в этом вопросе. Рассказ подан газетой с целью скомпрометировать идею разумности инопланетных существ, скомпрометировать фантастику в целом, и пришелся очень кстати, чтобы поддержать кампанию против «летающих тарелок» и от-

крытия Биллсов. Тем более, что Сцилард — видный учёный.

— Боже мой! — беспомощно разводила руками Эбигайл. — Сцилард — крупнейший физик! Как он мог написать такое!.. — Листала литературную энциклопедию: там говорилось, что это сатира на наш расколотый мир, на атомную войну, в которой два лагеря одержали «победу» один над другим вплоть до самоуничтожения.

Это не успокоило Эбигайл.

— Боже! — повторяла она. — Как же зло сатириу можно повернуть против разума!..

Полного апогея свистопляска достигла, когда «Чикаго Трибюн» опубликовала в воскресном приложении «Семь дней» репортаж своего корреспондента, проведшего на улицах города опрос жителей на тему: «Каким вы представляете пришельца с другой планеты? О чем вы спросите его, если встретите? О чем он спросит вас?» Репортаж подан очень игриво, с набором восклицаний, лирических отступлений, диалогов и вообще сумбуря, каким отличается разговор случайных людей на случайную тему.

Сначала репортер спрашивает сам себя, как будто разговор об этом идет каждый день и навяз у него в зубах: «Опять «летающие тарелки»? Опять инопланетяне? Пришельцы из далеких миров?» Пренебрежительно замечает:

«Об этом так много пишут и говорят!» И тут же, приняв серьезный вид, делает вывод: «Надо готовиться к встрече».

Ошеломив читателя, будто все уже решено и пришельцы чуть ли не на Земле, репортер обращается не только к себе, но и ко всем:

«А какие они, пришельцы, в нашем земном понимании?.. — И, готовый панибратски похлопать читателя по плечу, предлагает: — Давайте спросим об этом граж-

дан вот здесь, на улице, чтобы разговор не был ни подготовленным, ни предвзятым.

Тут же он приступает к опросу:

— Алло, мистер, э-э...

— Роб Ханстер.

— Мистер Ханстер, я вижу у вас на груди спортивный значок.

— Я боксер, Роб Ханстер.

— О, приветствую вас, Роби! — приятно поражен репортер. — На ринге я узнал бы вас с первого взгляда! Мистер Ханстер, — теперь уже проникновенно, как к другу, обращается репортер к спортивной знаменитости, — если бы пришелец из соседней галактики был тоже боксер, как бы вы начали с ним разговор?

— Как бы я начал? — Ханстер уловил сущность вопроса, и ответ тут же излился из его уст: — Я бы спросил его: «Простите, но... вы не кусаетесь?»

— Что бы он ответил вам, мистер Ханстер? — улыбается репортер.

— Он бы ответил: «Нет, не кусаемся. Мы разумные. А вы?»

— Спасибо, Роб! Ха-ха-ха! — это смеется репортер, оценивший шутку. — Право же, это здорово: «Нет, не кусаемся...» До свидания, Роби, счастливой перчатки!

Дальше репортер берет интервью у мисс Мэтьюз, кухарки из третьеразрядного ресторана.

— Мисс Мэтьюз, как вы себе представляете пришельца из космоса?

— Из ресторана «Космос»? — переспрашивает мисс Мэтьюз. — Ах!.. — разочарованно. — Из настоящего космоса! А что, уже летит? Гм... Попробую. — Мисс Мэтьюз закатывает глаза и пробует представить себе пришельца. — Он симпатичный, — наконец вещает она, — прилетел с планеты Нептун (там, говорят, минус сто семьдесят

градусов). Он весь круглый, пушистый, зеленый, махеровый. И нет носа, чтобы не отморозить.

— О чём вы спросите его, мисс Мэтьюз? — спешит задать вопрос репортер. Поток слов собеседницы захлестнул его, — не так-то просто говорить с любым встречным.

— Что я спрошу? — восклицает мисс Мэтьюз. — Какие передачи телевидения он смотрит дома. Оказывается, «Гуд бай, бэби!» Когда с ним разговариваешь, он отвечает раньше, чем успеешь задать вопрос, так как очень умный...

— Благодарю вас, мисс Мэтьюз. — Репортер спешит распрощаться со словоохотливой собеседницей. — Благодарю вас. Гуд бай!

Разговор с кухаркой, видимо, шокировал репортера. «Махеровый...» — повторяет он, — словечко такое, что не найдешь в энциклопедическом словаре. Пишется «махеровый», «мохеровый»... Но тут репортер успокоил себя: как хочешь, так и пиши — это же о пришельцах!.. Тут же он обратился к следующему прохожему — парашютисту Арчибальду Стронгу.

Парашютист уделил репортеру две минуты:

— Вот вам парашют, вот пришелец, — изобразил он руками в воздухе. — Летит парашютом вперед, потому что с другой планеты; но законам физики это не противоречит.

— Удивительно! — не удержался от восклицания репортер. — Летит парашютом вперед!.. Что же вы у него спросите, мистер Стронг?

— Поинтересуюсь, с какой стороны он выпускает запасной парашют — сверху или снизу.

— Благодарю вас, — попятился репортер от Арчибальди Стронга.

Но репортер — человек отважный, профессия обязывает. К тому же, как только что выяснилось, ничто

законам физики не противоречит, можно обратиться еще к кому-либо из встречных.

Следующим оказался известный музыкант, композитор.

— По моему мнению,— бойко застучал композитор,— пришелец окажется необыкновенно музыкальным человеком, впрочем, как и все остальные жители Альдебарана.

Композитор знал название только одной звезды — Альдебарана, но репортеру в этом не признался, конечно.

— Он играет на рояле только в четыре руки,— продолжал музыкант.— В двадцать четыре пальца. Они все там так играют.

— А вид его? Внешний вид?— спросил репортер.

— Огромное ухо и четыре руки. Я же сказал...

Дальше Эбигайл читать не могла. «Репортаж» продолжался, но газета, шурша, выскользнула из ее пальцев. Женщине казалось, что вокруг нее вьется и хлопает крыльями воронье: «Кар-р!..» Но ведь это же было, есть!— пытается она противопоставить кружащимся черным крыльям что-то большое и важное. Что есть?..— напрягает мысль до предела. Есть слова: «Слушайте все!» «Кар-р! Кар-р!» — хлопает крыльями воронье: «Ваша прабабушка — марсианка?..» Эбигайл сжимает виски: о чем она думала? «Объединяйтесь в семью...» «Кар-р!..» — звучит у нее в ушах. И кто-то шепчет: «...круглый, пушистый, зеленый, махеровый... круглый, пушистый, зеленый, махеровый...». Что со мной?..— думает Эбигайл. «Кар-р! Кар-р!..» — кружится воронье. Эбигайл теряет сознание.

Джон уложил супругу в постель, спустился вниз поискать успокоительного в аптечке. Увидя почтальона с пачкой писем в руках,— бешено захлопнул перед его носом дверь.

Как ни странно, первая добрая весть пришла из того же Чикаго. Пришла не сразу, но вовремя. Эбигайл поправлялась после болезни, и ей нужна была поддержка со стороны,— не только от Джона.

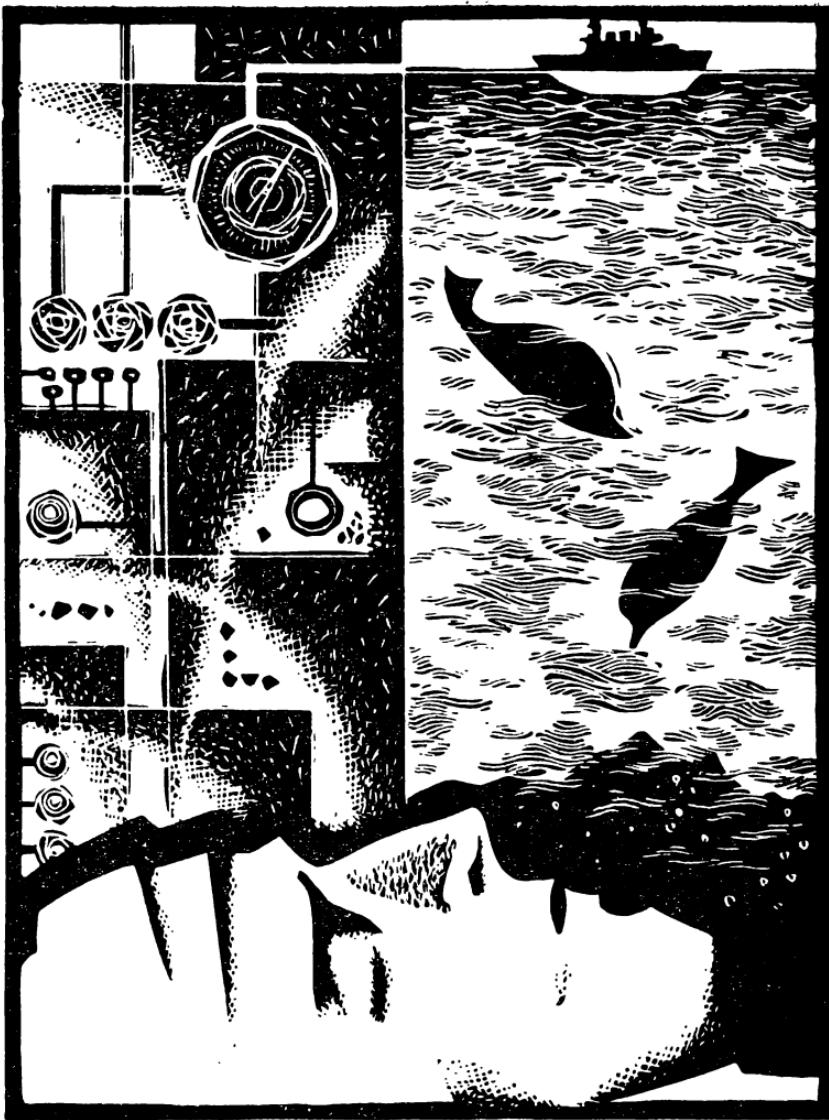
Ректор Чикагского университета Ричардсон извещал супругов Биллс, что их гипотеза о маяке над северной короной Галактики подтвердилась. Сигналы принятые другими обсерваториями и дешифрованы на счетно-электронной машине Чикагского университета «Линкольн». Тексты дешифровки оказались идентичными. Ректорат университета поздравляет супругов Биллс с открытием, значение которого трудно оценить даже в современных масштабах.

Вторая весть пришла из Советской России от харьковских астрономов: «Поздравляем с открытием! Рады, что Ваша догадка и наши мечты о существовании ино-планетной цивилизации подтвердились. Обсуждаем проект, как связаться с маяком на вершине Галактики. Еще раз поздравляем!»

И наконец — телеграмма от Юджина:

«Я ведь, дубина, не поверил тогда. Что с меня взять — средний американец!.. Ради бога, простите, каюсь. При встрече расскажу, как дядя Сэм летал на Плутон,— умора. Поздравляю, целую обоих. Ваш Юджин».

Впервые после чтения чикагского «репортажа» Эбигайл улыбнулась.

ДОРОГОСТОЯЩИЙ ОПЫТ

1

—И

так, вы согласны, Гарри! — Профессор Баттли говорил выспленно, даже торжественно, как на ученом совете, хотя

в комнате было всего три человека. — Вы предоставляете себя в наше распоряжение и получаете при завершении опыта через Оклендский банк пятьдесят тысяч долларов. Вы согласны на эксперимент добровольно.

Гарри, за весь разговор не поднявши глаз от стиснутых рук, сделал попытку взглянуть на профессора:

— Добровольно, — подтвердил он.

— Но... вы понимаете?

— Понимаю, сэр. Это опасно.

— Я тоже знаю, что это опасно. Поэтому мы оплачиваем риск кругленькой суммой.

— Да, — кивнул утвердительно Гарри.

— И требуем выполнения нашей программы полностью.

— Я выполню ее, сэр.

Третий участник беседы, Глен Эмин, молчал. По его бледному лицу трудно было судить, одобряет он разговор или нет. Только пальцы, барабанившие по канцелярской папке с бумагами, выдавали его волнение. Это он привел Гарри Пальмана, бывшего друга по колледжу, в кабинет профессора Баттли, где и начался разговор на не совсем обычную тему. Предложение Гарри от имени профессора тоже было сделано Гленом. Гарри дал сог-

ласие сразу, как только услышал о сумме в пятьдесят тысяч долларов. Сейчас разговор шел о контракте. Вернее, пришел к концу: профессор ждал от Гарри последнего слова.

— Я бы хотел... получить аванс,— сказал Гарри.— И скорее покончить с этим.

— Аванс получите завтра, как только договор будет подписан.

— Мистер Баттли... Мне нужно сейчас,— с мольбой, почти с отчаянием сказал Гарри.— Хоть немного наличными.

Глен уловил нотку страха в голосе Гарри, он видел причину этого страха: Гарри боялся, что не получит ни цента.

Лицо профессора выражало брезгливость: просьба Гарри была не джентльменской просьбой. Но ведь Гарри и не джентльмен! И когда профессор вынимал из кармана две пятидолларовые бумажки, Глен видел, как пальцы его дрожат от брезгливости.

— До завтра...— сказал Баттли, давая понять, что разговор окончен.

Выходя с Гленом на террасу главного здания, после того, как Гарри ушел, тщательно свернув банкноты и положив их между листками записной книжки, Баттли все с той же брезгливостью,— будто перешагнул через ушат с помоями — говорил:

— Пойти на риск из-за пачки долларов. Бр-р! Однако,— повернулся к Глену крупное породистое лицо,— опыт дорогостоящий, Глен, заметьте!

Баттли презирал деньги, и в этом Глен не понимал профессора. Может быть, потому, что деньги доставались шефу легко? Впрочем, не так-то легко: Институт не бросал ассигнований на ветер. Баттли удачлив: ему первому удалась пересадка человеческого мозга, он первый синтезировал плазму крови. Тут Глен знал профессора

лучше,— это был смелый и неутомимый экспериментатор. Если он был на верном пути, он напоминал гончую, рвущуюся по следу. Для Баттли тогда не существовало ничего и никого, кроме цели. Он был тщеславен, даже жесток в достижении цели. Но Баттли презирал деньги и людей, которые тянулись к деньгам, будто не понимал, что иногда деньги бывают людям нужны, как воздух.

— Кто финансирует опыт? — спросил Глен.

— Безразлично кто, — ответил профессор. — Мне нужен опыт, мне нужны результаты, Глен!

В этом был весь Баттли. Напал на след и теперь будет рваться вперед, не оглядываясь по сторонам.

Опыт ставился тайно. Ни одна из научных ассоциаций не дала бы на него разрешения. А идея была заманчивой: перекинуть мост между животными и человеком. Естественно, для опыта был выбран дельфин. Не потому, что дельфин самое смышленое из животных, самое доброжелательное по отношению к людям, и вообще — самое, самое... — об этом теперь пишут в газетах. А потому, что с изобретением биометилтонала — сокращенное: БМТ — кровь теплокровных животных можно было по составу приблизить к человеческой крови. И здесь это «самое» ближе всего подходило к дельфину.

Изобрел БМТ Глен Эмин. Переманил его к себе в лабораторию Баттли. Опять-таки за высокий оклад. Вот почему сейчас, когда они идут по террасе и на лице Баттли все еще отвращение к пятидолларовым бумажкам, Глен ненавидит шефа и сочувствует Гарри Пальману. Купив Глена за деньги, Баттли презирал его не меньше, чем презирает Гарри. Только не показывает этого откровенно, — Глен нужен ему для успеха. Из всего, что могло пощекотать самолюбие, Баттли предпочитал успех. Так было с изобретением БМТ: во всем ученом мире ходили легенды о лабораториях Баттли и, естественно, — его

имя. Но аппетит приходит во время еды. Баттли хотелось большего: был задуман эксперимент «Меркурий».

У одного из русских фантастов описан таинственный сад доктора Сальватора, где в окружении каменных стен производились невообразимые опыты над животными: пересадка голов и других частей организма от одного к другому. Что-то совершенно подобное было с комплексом лабораторий Калифорнийского исследовательского института. С запада лаборатории охранялись океаном, с востока—каменистым обрывом Берегового хребта. Многомильная полоса побережья была рассечена на квадраты колючей проволокой; там и тут участки от постороннего взгляда отгорожены металлическими щитами. В Калифорнии изгороди — дело обычное: огораживаются атомные заводы, виллы миллиардеров. Это не вызывает протестов и любопытства. Но здесь было, кроме обычного, кое-что, прикрытое тайной.

И прежде всего — эксперимент «Меркурий», в котором ставка была покрупнее, чем в других опытах: человеческая жизнь. Риск и опасность эксперимента были отлично известны профессору.

— Что вы на это скажете, Глен? — говорит он, остановившись в конце террасы.

С океана тянуло ветром. Начиналась весна, ранняя в этом году и потому неожиданная. Туман рассеялся, небо и море были яркими, помолодевшими, настраивали на мирный тон. Но в душе Глена не было мира, разговаривать не хотелось. Баттли между тем ждал ответа.

— Мне жалко этого парня, — сказал откровенно Глен, зная, что его реплика идет вразрез с мыслями шефа. Но он может позволить себе вольность суждений — в эксперименте «Меркурий» Глен Эмин незаменим.

— Намекаете на риск, которому подвергается Гарри Пальман?

— Отчасти...

— Часть — это еще не целое. Что вы думаете в целом, Глен?

В целом Глен считал, что вместе с профессором он идет на преступление, одинаково наказуемое кодексами любой страны: эксперимент может кончиться гибелью Гарри. Баттли понимает это прекрасно. Понимает, что делает Глена соучастником преступления и что Глен идет на соучастие. Но прямо об этом Глен, конечно, не скажет. Не потому, что вопрос поставлен шефом с металлом в голосе, — это бывает нередко. А потому, что, откажись Глен от эксперимента, это будет концом его карьеры и благополучия в этом мире. Не только его благополучия, но и Джесси, его жены, и Айка, четырехлетнего сына. Таково оно, целое, которого домогается Баттли. Поэтому Глен ничего больше не скажет, а ответит уклончиво:

— Думаю, что подготовку к эксперименту можно будет начать завтра.

Договор был подписан на следующий день в десять часов утра. А еще через два часа — в двенадцать по местному времени дельфину Иглу был введен препарат БМТ. Одновременно в вены Гарри тоже влили первые кубики биометилтонала.

Цель эксперимента заключалась в подсадке дельфину коры головного мозга человека — тончайшая операция, сравнимая разве с работой гравильщика драгоценных камней. Проще было бы пересадить мозг целиком, но это не даст нужного результата, мозг останется полностью человеческим. Задача сводилась к тому, чтобы оставить дельфина самим собой, подключив ему человеческое сознание. Операцию пересадки готовился сделать Баттли. Глен должен был при помощи БМТ уравнять химический состав крови подопытных, а потом пе-

реключить мозг человека на новое кровообращение — от дельфина.

Процедура предварительной подготовки длилась шесть дней. На седьмой день Баттли произвел операцию пересадки.

— Как вы себя чувствуете, Гарри? — был первый вопрос к подопытному.

Ответа Баттли не ждал. Мозг дельфина и Гарри был под наркозом, но человек должен пробудиться раньше животного, и теперь Баттли передавал информацию — как можно больше информации, чтобы человек освоился с новым своим состоянием постепенно. Кроме того, нужно было видеть, успешно ли прошла хирургическая операция. Баттли ловил малейшее движение человека-дельфина.

— Как вы себя чувствуете? — повторял он.

Вопросы передавались по радио. Миниатюрный приемник был вживлен в кору привитого Иглу мозга. Передатчик вмонтирован еще проще: на два зуба нижней и верхней челюстей были надеты металлические коронки, которые, контактируя, замыкали цепь микропрередатчика, вставленного тоже между зубами.

Гарри услышал вопрос. Как он себя чувствует? Пока что он только слышит голос профессора.

— Будьте мужественны, — продолжал Баттли. — Главное начнется, когда мы снимем наркоз...

Тут впервые Гарри захотелось спросить, что с ним и с его телом.

— Вы живы, Гарри, запомните, — вы живы и будете жить, — говорил Баттли. — Как только кончится опыт, мы сделаем обратную операцию, вернем кору вашего мозга на место.

— Но что будет теперь?.. — спрашивал себя Гарри.

— Станьте дельфином. Полнотью станьте дельфином, — не умолкая, говорил Баттли.

Гарри прислушивался к себе, но, кроме голоса Баттли, он ничего не ощущал и не слышал.

— Глен,— обратился Баттли к помощнику.— Начнем общее пробуждение. Постепенно — самыми маленькими шагами...

Первое, что ощущил Гарри, была бесконечность. Казалось, что он один на маленьком острове, на пятачке среди огромного мрака. Было с ним только его «я» — ничтожная искра, не способная осветить и раздвинуть мрак. Это его испугало: хотелось крикнуть, но не было голоса, шевельнуться — не было рук и ног.

— Гарри, Гарри...— слышал он где-то слова профессора.

Но у него не было голоса, чтобы ответить.

— Гарри, вы пробуждаетесь в новом мире, вы стали дельфином, Гарри. Мы предвидели, что вам будет трудно, ваш мозг пересажен дельфину. Вы теперь дельфин, Гарри, вы теперь Иглу... Нам нужно знать, как вы себя чувствуете. Вы нас слышите? Говорят доктор Баттли и Глен.

Гарри боролся со страхом и с бесконечной тьмой.

— Гарри, была операция...

И вдруг мрак исчез. Гарри увидел лабораторию, склонившихся над ним Баттли и Глена. Он сначала не понял, куда исчез мрак, а потом сама собою пришла догадка: у него открылись глаза. Но глаза открыл не он, Гарри Пальман, — их открыл дельфин Иглу.

Это его удивило: неужели он будет зависеть теперь от животного?

— Что вы можете сделать, Гарри? — спрашивал Баттли.

Что он может сделать? А может ли он закрыть глаза? Гарри приказал себе: закрой глаза. Это ему удалось — веки закрылись. Видимо, Баттли понял, что это его первое осмысленное движение.

— Еще раз откройте и закройте глаза,— сказал он. Гарри открыл и закрыл.

— Хорошо,— сказал Баттли с облегчением.— Переходите на разговор, пользуйтесь передатчиком.

Гарри шевельнул челюстью,— Иглу плеснул плавниками. Тело его качнулось в воде. Гарри показалось, что он валился на бок. Он мысленно вскинул руки, как человек, поскользнувшийся на дорожке,— плавники судорожно взмыли в воде, тело чуть не выпрыгнуло из ванны. Плеснулась вода.

— Осторожнее, Гарри...— Баттли стряхивал с хала-та брызги.

— Я ничего не сделал,— передал азбукой Морзе Гарри.— Мне очень легко...

Баттли ответил:

— Вам надо научиться координировать движения. Шевельните хвостовым плавником.

К радости Гарри, ему это удалось. И опять он едва не выскочил из ванны.

— Так...— сказал Баттли.— Для начала неплохо. Даже если вы будете только плавать, эксперимент мы завершим успешно.

Выходя из лаборатории, Глен думал о последней реплике шефа: не слишком ли узкую цель ставит Баттли, если считает, что умение плавать — главное в таком сложном эксперименте? Впрочем, это его, Глена, уже не касалось. Его дело — биологическая основа, действие препарата БМТ. Цели и задачи определяет дирекция Института.

Потом он стал думать о Гарри Пальмане. И о себе. Вдруг представил себя на его месте, в роли подопытного. Почувствовал холодок на спине — никогда! Он видел Гарри после операции. Это был живой труп. Глен слабо разбирался в нейрохирургии, но об эксперимен-

так, которые ведутся в лабораториях, знает. У животных — кошек, собак — удалялась кора головного мозга. Животные жили: ели, если им давали пищу, двигались, если их водили на цепочке, издавали мяуканье, лай. Но что за походка была у них, что за голос!.. Гарри после удаления мозговой коры открыл глаза. Какие это были глаза!.. Холод опять пробегает по спине Глена.

Они были товарищами по Энвери-колледжу. Но Гарри не окончил учебы. Что-то случилось с его отцом, — кажется, растратил чужие деньги. За три месяца до окончания курса Гарри исчез из колледжа. Встретились они через семнадцать лет в Сан-Франциско. Глен уже стал ученым с именем. А Гарри? Он работал препаратором в какой-то захудалой лаборатории, и по его внешности можно было судить, что дела его шли не блестяще. «Я тебя устрою на хорошее место!» — пообещал Глен. Потом уже, после прощанья, понял, что ничего не знает о Гарри, кроме его скромной профессии. Но обещание было дано, и Глену пришлось здорово врать Баттли, расхваливая друга детства, чтобы устроить вопрос с работой. Баттли был человеком момента, принимал решения сразу, видимо, Глен пришел к нему в добрый час, и вопрос о приеме Гарри на место препаратора был решен.

Позже Глену стало невыносимо от молчаливой благодарности друга, от его взгляда, похожего на взгляд случайно пригретой собаки, и вместо сближения с бывшим товарищем Глен почувствовал к нему холодок, — так и не узнал, как прожил Гарри минувшие семнадцать лет и как живет сейчас. У него жена, дочь, Гарри что-то говорил о болезни ребенка, но все это осталось от Глена в тени.

Когда встал вопрос об эксперименте с дельфином и стали искать добровольца, Гарри опять подвернулся

Глену. Глен предложил ему от имени шефа условия — пятьдесят тысяч долларов. Гарри поспешил согласиться. Может быть, из благодарности другу.

II

Гарри вывели в море после четырехдневных испытаний в вольере. Операция и приживление мозга прошли успешно. Батти радовался удаче: центры нервной системы функционировали нормально.

— Гарри, — шутил он, — теперь вы настоящий Нептун. Подводное царство — ваше. Плывите!

Но вольер — не то, что открытое море. Из тихой заводи Гарри попал в бушующий ураган, который оглушил и опрокинул его.

Человек на суше видит и слышит, обоняет запахи, осязает тепло и холод. Увеличьте стократно каждое ощущение, и вы приближенно представите себе мир дельфина. «Подвижной в подвижном» — таков был дизайн «Наутилуса» в прошлом веке, когда считали, что океан нем, лишен цвета и запахов. «Подвижной в подвижном» правильно и сегодня, а все остальное обернулось своей противоположностью: кваканье, клохтанье, хрюканье, блеянье обрушились на Гарри с четырех сторон, вскриками были полны глубины.

— Гарри! Гарри! — надрывался приемник в его мозгу. — Где вы?

— Я ничего не слышу... — растерянно отзывался Гарри.

Бесшумный электробот сопровождал его в первый выход. На борту не поняли Гарри, почему он не слышит. Судно шло на аккумуляторах, обороты винта были бесшумными.

С электробота ответили:

— Держитесь прежнего курса — право по борту!

Океан надвигался на Гарри, как разъяренный зверь: что-то ухало, ахало в нем, верещало, кудахтало, вздыхало и умирало. Позади гремел камнями прибой, впереди басовитым утробным рокотом извещал о приближении игравший где-то за тысячу миль отсюда шторм.

— Почему вы молчите, Гарри? — спрашивали с электротротобата.

— Разве вы можете меня слышать?..

— В чем дело? У нас полная тишина!

— Мне постоянно мешает шум.

— Опуститесь на глубину! — последовала команда.

Гарри пошел в глубину. С каждым метром все вокруг изменялось. Мелькали огненные штрихи, зигзаги — будто проносились пороховые ракеты; глубже ракеты превратились в светильники — голубые, зеленые, — висевшие точно луны. А потом вместо ожидаемой тьмы глубоко внизу появилось багровое с желтым отливом зарево — светился придонный ил. Там и тут колыхались синие или рыжие гривы светящихся водорослей, негаснущими полянами рдели колонии голотурий, камни светились красным, между ними мерцали, шуршали морские ежи, креветки; молниями проносились мурены, а звезды — так и оставались звездами, только опрокинутыми в глубину... Это было удивительное, зачаровывающее зрелище, доступное глазам только обитателей моря. Оно было бы даже красивым, не окажись с первого взгляда жестоким. Это был мир, где все и всех похирают открыто и беспощадно. Зубы и широкие пасти господствовали здесь над слабым и беззащитным, и чтобы слабому не быть сожранным без следа, ему надо было размножаться, как планктон, в миллиардах себе подобных. Гарри был потрясен беспрерывной охотой обитателей друг за другом, хрустом и хлопаньем челюстей, вскриками, визгами, пронизывавшими толщу океанских вод.

Когда, почувствовав потребность вздохнуть, он вынырнул на поверхность и с бота его спросили, что он видел в глуби, Гарри ответил:

— Ужас...

Человек хочет знать тайны океана и космоса, неудержим в желании заглянуть в мир дельфина, тигра, амебы. Открытия, которые его ждут, будут более потрясающими, чем некогда были открытия материков и полярных стран. Это новая область, которой пока еще нет названия,— может быть, человек назовет ее зоопсихикой... Что она принесет с собой? Готов ли человек к путешествию по этой неизвестной стране? Вооружившись психикой неведомых нам существ, их в тысячу раз обостренными чувствами, не станем ли мы их пленниками и жертвами?..

Завоевание человеком природы никогда не обходилось без жертв с обеих сторон. Человек вырубал леса и получал эрозию почвы, пыльные бури. Ставил заводы, и дым разъедал ему легкие и глаза. И все-таки... все-таки! Человек не был бы человеком, если бы не стремился вперед. Даже ценюю жертв. Познание — вот что нужно ему и делает его Человеком. На пространствах вырубленных лесов выросли и прокормились десятки миллиардов людей, давших миру Коперника и Эйнштейна. Заводы усилили мощь человека — пришли Дизель, Гагарин. А потом — мы еще очень молоды на Земле. Мы знаем немногое и хотим знать больше. И будем знать больше,— если не остановимся на полпути и если силы, которые мы вызвали в мир, не отбросят нас вспять. Если... Но опять вспомним, что мы еще молоды. И были еще моложе. В первобытные времена огонь казался непобедимым. Человек овладел им и заставил служить себе. В средние века страшной казалась ночь. Но и ее прошел человек, чтобы стать более

смелым и зорким. Битву с фашизмом люди выстрадали не для того, чтобы ослепнуть на полпути. Разум побежит, несмотря на риск, на битвы и жертвы.

Может быть, Гарри Пальман оказался неспособным вынести новый мир? Столкновение с неизвестным дались ему слишком трудно? Дважды пришлось спасаться бегством от акул под защиту электробота; сородичи-дельфины чувствовали в нем чужого, постоянно отвергали его, угрожая зубами; невидимая морская мелочь, рвала ему плавники, заставляя метаться и выпрыгивать из воды.

— Мистер Баттли,— просил он, когда его возвращали в спокойный вольер,— я не могу этого вынести.

— Терпение, Гарри,— отвечал шеф.— Привыкайте.

— Я хотел бы прекратить опыты,— настаивал Гарри.— Это мне не под силу.

— Впереди еще главное.

— Что главное, мистер Баттли?

— На это свой день Гарри, и свой час.

— Но я не могу!

— Привыкнете.

— Мистер Баттли...

— Контракт, Гарри. Вы же согласились...— напоминал Баттли.

Это смиряло подопытного.

— Дайте мне отдохнуть,— просил он.

— Не забывайте, что времени у нас месяц. Испытания — впереди.

— Что впереди?..— со страхом спрашивал Гарри.

Шеф пожимал плечами. Похоже, он не знал, какие испытания будут, или ожидал на этот счет указаний от руководителей Института.

В конце концов успех опыта был успехом не одного только Баттли. Выше него стоял ученый совет, еще выше — дирекция, связанная с государственным аппара-

том. Достижения института становились достижениями государства. И чем значительнее были достижения, чем больше возможностей они предоставляли, тем крепче брало государство эти достижения в руки. Баттли, Глен Эмин, Гарри?.. В большом деле они безличны и безразличны. Важен результат их работы, а государство пользовалось результатом, как ему было угодно.

Поэтому Баттли, доложив об успехе опыта, уже не был хозяином задуманного эксперимента.

— Не знаю,— признавался он Глену,— что будет дальше. В верхах человек-дельфин встречен аплодисментами. Теперь надо ждать испытаний. Наших нервов — в первую очередь, Глен.

О характере испытаний Глен узнал совершенно случайно.

Он был у шефа с утра. Кабинет, выходивший окнами на террасу, выглядел празднично светлым. Голубой и светло-зеленый пластик панелей и стен сочетались с блеском моря, сверкающего в гигантском — от пола до потолка окне, делали кабинет похожим на светлый аквариум, стоящий на солнечном подоконнике. Настроение у шефа было таким же светлым, шеф фантазировал с увлечением:

— Биометилтоналу,— говорил он,— предстоит в будущем немаловажная роль. Дельфин — только начало, Глен. На третьем месте по развитию, после дельфинов и обезьян, стоят слоны. Нам удалось заглянуть в океан, но впереди джунгли, Глен, с запахами листвы, земли, африканских саванн...

Легкое гудение зуммера и вспыхнувшее табло «Неотложно!» прервали увлечение шефа.

— Один момент, Глен, это из хирургического,— сказал он, поднимаясь из-за стола.— Посидите, я вернусь через минуту. Подумайте о нашем разговоре, о перспективах...

Минута проходила за минутой, Баттли не возвращался. Два раза позвонил телефон. Глен не осмелился поднять трубку. Раздался третий звонок. Может быть, звонит шеф, подумал Глен, чтобы я не сидел без дела,— поднял с рычага трубку.

— Генерал Биддмен,— заговорили в трубке, видимо, продолжая разговор с кем-то,— предлагает провести испытания в среду. Для участия выделим два эсминца...

— Простите,— ответил Глен,— вы звоните не по адресу.

— Это кабинет мистера Грэви?— В трубке назвали имя директора Института.— Кто это говорит?

— Телефон директора — 2—72—17,— ответил Глен и положил трубку.

Профессор задерживался. Надо было идти. Разговор об эсминцах и генерале в эту минуту Глен не связал ни с чем. Не успел связать: в кабинет стремительно вошел Баттли.

— Несчастье, Глен!— сказал он, проходя к своему столу.— Умер Гарри.

— Гарри?— не понял Глен.— Дельфин?

— Пальман!— Баттли барабанил пальцами по столу.— Его тело — безмозглый футляр...— Шеф повысил голос, ругал ассистентов:— Как они посмели недосмотреть? Институт здесь, черт возьми, или ресторанная судомойка?! Не довели нити до полной стерильности. Швы загноились, Глен. Ведь он не мог ни сказать, ни пожаловаться!..

Трагедия начала доходить до сознания Глена.

— Слишком я доверился олухам-ассистентам,— продолжал Баттли.— За неделю они довели воспаление до гангрены. Скоты!

— Что же теперь делать?— спросил Глен.

— Гарри останется дельфином. Навсегда!

- Но захочет ли он?..
- Захочет или не захочет,— Баттли сделал неопределенный жест,— будет разыскивать жемчуг.
- А как же семья? У Гарри жена, ребенок!
- Что я могу сделать?— Баттли поднял от стола расстроенное лицо.— Что я могу сделать, Глен?!

О том, что в испытаниях будут участвовать военные корабли, Глен вспомнил позже, когда оправился от потрясения в связи с гибелью Гарри. Институт, поскольку он знал, не связан с военным ведомством. Но сейчас, вспоминая разговор по телефону,— тон, прозвучавший в словах о генерале и эсминцах; тон был сердечный, каким на уикэндах говорят уважающие друг друга партнеры,— Глен был шокирован. Видимо, Институт, Баттли и сам Глен служат не тем целям, которые рекламируются: развитие медицины, победа над барьером несовместимости...

Подозрения Глена подтвердились. Он был вызван для участия в испытаниях в качестве помощника шефа. Глен окончательно убедился, что Институт работает в контакте с военными. Скрытое стало явным,— очевидно, опыт был настолько серьезным, что невозможно было скрыть от Глена и от профессора связь Института с военным ведомством.

Гарри заставили плавать с различной скоростью, прикрепляли датчики, снимали электрограммы, динамограммы, пускали наперегонки с торпедами— обычновенной и покрытой «ломинфло», эрзацем дельфиньей кожи. В тех и в других гонках выигрывал Гарри. Но, судя по разговору, во время гонок у Гарри что-то не ладилось.

— Как работают мышцы, кожа? Понимаете — кожа?..— спрашивал профессор.— Как вы добиваетесь скорости? Чувствуете ли завихрения?

Гарри отвечал, что плавать для него так же естественно, как для человека ходить. Ведь человек не чувствует сокращения мускулов, когда ходит.

— Нас интересует кожа, секрет ее приспособляемости к движению,—вмешивался в разговор генерал Биддмен.—Всю эту музыку мы затеяли, чтобы разгадать секрет быстрого плавания дельфина. Вы нам сообщаете меньше того, что мы уже знаем! Разделите каждое движение на составные, передайте нам элементы, анализ!..

У Гарри не получалось. Он неохотно поворачивал от одного эсминца к другому, чаще выныривал, чтобы вздохнуть, реже откликался на окрики.

— Бестолочь! — сердился генерал, прикрывая рукоятку микрофона.— Слушайте,— опять обращался к подопытному.— Как вам удается преодолевать сопротивление среды? Не помогает ли вам вода — не толкает ли, смыкаясь за вами? Как получается ваша скорость?

Гарри перестал отвечать. Испытания закончились безрезульятатно.

— Да-а... — нервно кусал сигару генерал Биддмен.— Или он,— генерал в разговоре с профессором намеренно избегал называть дельфина человеческим именем,— не сознает полученной им силы, или настолько глуп, что не хочет понять ее.

— Вас это элит? — спрашивал Баттли.

В глубине души он был на стороне подопытного. Профессора интересовала физиологическая, даже философская основа эксперимента. Но прежде чем заняться энцефалограммами Гарри-дельфина, изучением его ощущений, директорат Института настоял провести опыты по программе генерала Биддмена. Определенные круги интересовались загадкой движения дельфина в воде,— это дало бы невиданные возможности увеличить скорость подводных лодок!.. И еще в глубине

души Баттли чувствовал свою вину перед подопытным. То, что Гарри-человек умер и остался дельфин, потрясло Баттли не меньше, чем Глена. Последствия этого трудно предвидеть и трудно назвать. Совесть Баттли встревожена. В пылу работы профессор отвлекался от этих мыслей, но ведь придет минута, когда со своей совестью останешься с глазу на глаз. У Гарри жена и ребенок, вспоминал Баттли слова своего молодого помощника. Глен прав. Но, помимо правоты, Глен молод и экспансивен. Он глубже переживает трагедию. Чем все это кончится?..

— Испытания надо продолжить,— настаивал генерал.

— А если Гарри не выдержит?..

— Ваше дело,— не без иронии ответил Биддмен,— найти общий язык с владыкой моря...

Баттли не нашел, что сказать.

— А еще,— фыркал генерал,— дельфинам приписывают чуть ли не человеческий интеллект...

Однако повторные испытания не состоялись. Гарри отказался от опытов, потребовал возвращения в человеческий облик. Уговоры профессора, ссылки на контракт не помогали. Гарри настаивал на своем.

В окно лаборатории Глен видел, как шеф крупными шагами шел от вольера. «Ко мне...»— мелькнуло в его голове. Дверь открылась. Баттли подошел к Глену:

— Образумьте его,— попросил он.— Докажите Гарри, что выход для него в беспрекословном повиновении. Поставьте перед совершившимся фактом. Вы его друг, вам это сделать легче, чем мне.

— Но, мистер Баттли...— Глен в это утро не был настроен мирно, предложение шефа показалось ему бесстыдным, и он тут же решил воспользоваться советом профессора — оперировать только фактами.— Гарри считает нас преступниками!

— Как вы сказали? — Баттли посмотрел ассистенту в глаза.

— Убийцами.

— Глен... у вас рискованный выбор слов.

— Ну, а если? — настаивал Глен. — И ради чего? Чтобы экспериментом пользовались военные? Эти гонки с торпедами!..

— Не будьте наивны, Глен, — попытался успокоить его профессор. — Нам подсунули эту программу. Поймите: вы и я находимся в служении. Ради долларов, Глен. И Гарри погиб из-за денег. Чистой науки нет, Глен, запомните.

Впервые шеф заговорил о деньгах, и, как показалось Глену, он понял профессора: Баттли так же ничтожен, как и он, Глен Эмин, находится в тех же руках, что и Глен и все в Институте. Пожалуй, Баттли не так презирает деньги, как ненавидит их, потому что делал за деньги и делает все, что от него потребуют. Это были путы, золотая цепь, которую ни разорвать, ни сбросить с себя. Профессор жалок в такой же мере, как Глен и как Гарри Пальман.

Но Глен не дал увлечь себя жалости. Главное в том, — и это Глен видел с необычайной ясностью, — что оба они преступники. Наука? — говорит Баттли. — Но ведь наука не должна идти по трупам людей! Они с профессором убили Гарри, сделали преступление. Это уничтожало Глена, вышибало из-под него почву.

— Идите! — настаивал Баттли.

Глен молча пошел к вольеру. В голове его было пусто. Что он скажет Гарри? Что может сказать?

— Старина... — начал он фамильярно, склонившись к дельфину.

Маленькие круглые глазки животного немигающие глядели в его зрачки, плавники шевелились, поддержи-

вая голову дельфина над поверхностью. Голос Глена осекся. Ему вдруг почудилось, что перед ним нет Гарри, нет давнего друга — ничего нет человеческого, и его «старина» нелепо, чудовищно перед дельфином.

— Гарри... попробовал он назвать животное человеческим именем. Но и это было плохо: дельфин разжал челюсти, унизанные сотней зубов.

Все же Глен пересилил себя.

— Гарри, — сказал он. — Надо продолжать опыт.

— Нет, — передал Гарри отказ азбукой Морзе.

— Почему, Гарри? — спросил Глен, чувствуя, что голос его выравнивается, но по-прежнему ощущая холод в душе: ничего человеческого не было в их разговоре.

— С меня довольно, — ответил Гарри. — Плавать впрегонки с эсминцами — с меня хватит...

— Но ведь не в этом главное.

— В этом! — ожесточенно ответил Гарри. — Больше я не хочу. Верните мне мое тело.

— Гарри.. — Глен чувствовал, что ему трудно лгать.

— Я не все сказал, Глен, — перебил Гарри. — Может, я согласился бы еще плавать, обгонять торпедные катера и делать все, что они там придумают. Но причина в другом, пойми меня, Глен. Я боюсь. Я в постоянном ужасе. Я исчезаю, Глен. Может быть, не могу объяснить тебе, но я исчезаю, растворяюсь в дельфине — мое человеческое сознание гаснет. Вчера я укусил Лисси...

Лисси — один из пяти дельфинов, приручавшихся в океанариуме.

— Лисси мне ничего не сделал, — продолжал Гарри. — Я не должен был кусать Лисси!.. Теперь я думаю над этим, и меня берет страх. Я становлюсь животным. Вот и сейчас не могу припомнить имя своей дочурки... Верните мне мое тело, Глен. Я погибаю!..

— Гарри... — Ужас сковал Глена настолько, что он еле шевелил языком. — У тебя нет тела, Гарри, оно по-

гибло. Ассистенты плохо сделали швы... — Глен чувствовал, что не надо говорить об ужасных подробностях, но уже не мог остановиться, его подхлестывал страх, передававшийся от чудовища, шевелившего плавниками и глядевшего на него парой пустых, точно дыры, глаз. — Гангрена сделала остальное, Гарри, у тебя нет тела... Нет тела! — повторил Глен, завороженный пустотой и ужасом глядевших на него глаз.

Четыре часа спинной плавник Гарри резал воду океанариума. Бассейн был круглый, и Глену, все это время остававшемуся на берегу, казалось, что Гарри закручивает невидимую спираль, и в какую-то секунду спираль разомкнется, произойдет что-то непоправимое.

— Гарри! Гарри! — звал он по гидрофону, но ответом была лишь белая вспененная полоска, там и тут мелькавшая на поверхности.

Глен был в отчаянии: может быть, вызвать Баттли? А что Баттли мог сделать?

Но вот Глену показалось, что круговое движение вдруг нарушено. Гарри приближался к нему. Глен поднялся со скамьи, надеясь поговорить с ним. Но дельфин, приблизившись к Глену, резко переменил направление. На глазах убыстряя ход, он разрезал океанариум по диаметру, как пуля, вырвался из воды и, перемахнув через сетку, исчез в океане.

Глен остановил машину на улице Вознесения. Боже мой, кто и почему придумал название этой улице? Может быть, потому, что она всползла на холм и дома возносились один над другим, как ступени гигантской лестницы?..

Глен приехал сюда по поручению директора института. В кармане у него чек на двадцать тысяч долларов, — часть от недовыполненного контракта, — выписанный на

имя Анны Амади Пальман, вдовы погибшего Гарри. Глен должен передать чек в руки Анне и выразить ей соболезнование по поводу гибели мужа от кровоизлияния в мозг,— таковы инструкции, данные Глену.

Где же дом сто пятнадцать? Глен заметил, что идет по четной стороне улицы, перешел на другую сторону. Улица здесь подбиралась к вершине холма. По сторонам все жилые дома, переполненные людьми, словно сотами улья.

Дом сто пятнадцатый он нашел в глубине двора—семиэтажную коробку без лифта, с неопрятными маршами лестниц. Рой замурзанных мальчуганов, девчонок увязался было за Гленом, но подниматься по бесконечной лестнице было скучно, на каждой площадке кто-то из них отставал, перекликаясь с теми, кто оставался внизу, и потихоньку, чтобы не видел приезжий, сплевывая сквозь прутья, стараясь попасть на перила нижнего этажа и на головы сверстников. «Какой ужас!»— думал Глен, стараясь не прикасаться к перилам.

На шестой этаж он добрался один, отыскал семьдесят вторую квартиру; долго стоял у двери, стараясь унять колотившееся о ребра сердце. Лестница выжала из него больше сил, чем круглосуточная работа в лаборатории. Темные тунNELи коридора уходили вправо и влево, ряд дверей по обе стороны скрывал странную муравьиную жизнь: когда Глен проходил мимо, он слышал за дверьми шуршанье, смутные голоса, звон посуды. И на весь этаж— один телефон на площадке лестницы. На каждой площадке по одному: поднимаясь, Глен насчитал шесть телефонов.

Стерев со лба пот, Глен постучал в дверь,— звонков, судя по отсутствию у дверей кнопок, в квартирах не было. На стук никто не ответил. Глен постучал второй раз.

Детский высокий голос ответил:

— Войдите!

Открыв дверь, Глен увидел комнату, с двумя кроватями по сторонам от окна, столом посередине, дрянным буфетом и ширмой, отгородившей раковину водопровода,— трубы шли по стене, упираясь в потолок и уходя в комнату верхнего этажа. Несмотря на внешнюю чистоту, занавесь на окне, комната имела удручающий вид. Но не это привлекло внимание Глена. На одной из кроватей сидела девочка. Ее остренькие коленки под фланелевым одеялом были подняты к подбородку, заслоняли нижнюю часть лица. Глен видел только глаза— большие и не по возрасту умные. Девочке, казалось, лет одиннадцать, может, двенадцать. В глазах ее не было страха перед незнакомцем, вторгшимся в комнату, не было удивления— они были открыты навстречу Глену и спокойны удивительным, притерпевшимся ко всему спокойствием. Войди в комнату палач с веревкой, сама смерть, глаза остались бы такими же невозмутимо спокойными, готовыми ко всему, и это поразило Глена.

— Я не помешал вам?..— спросил он, не в силах оторваться от смущения перед этим неестественным спокойствием глаз.

— Меня зовут Эджери,— сказала девочка.

— Эджери...— повторил Глен.— А меня — Глен Эмин.

— Вы от папы?— спросила Эджери.

— М-м... — не нашелся Глен, что ответить.— Можно сказать — от папы...

— Мы не видим его уже три недели.

— А где ваша мама?— спросил Глен, стараясь изменить разговор.

— Вы садитесь,— Эджери показала на стул.— Мама поехала к тете Милли.

За время разговора Эджери не переменила позы, не подняла головы. Что с ней?— думал Глен, чувствуя, что смущение перед девочкой не проходит, а, наоборот, усиливается. Эджери, кажется, поняла его мысли.

— Извините меня, мистер Глен,—сказала она,— что я не подала вам чаю. Я не могу встать, я — калека.

Глен содрогнулся, так просто, обычно было сказано это слово.

— Это Джим Лесли,— продолжала Эджери.— Мы жили во Фриско, в таком же доме — она повела глазами по комнате.— Джим толкнул меня с лестницы. У меня в двух местах сломан позвоночник.

Глаза Эджери остановились на лице Глена, и он почувствовал боль искалеченного ребенка.

— Надо лечиться...— сказал он машинально, скорее отвечая своим мыслям, чем Эджери.

— Надо,— ответила Эджери.— Когда папа заработает, он будет меня лечить. Он уже говорил с доктором Уилки. Но требуются большие деньги.

— Сколько же просит доктор?— опять спросил Глен, мысленно ругая себя, что не может найти другой темы для разговора.

— Пятьдесят тысяч долларов,— ответила Эджери.— Папа говорил, что эти деньги он заработает, как только подпишет контракт. В последний раз папа принес две пятидолларовые бумажки, и мне купили подарок...

Тонкой рукой Эджери погладила плюшевого медвежонка, лежавшего между стенкой и ею.

Как все несчастные дети, Эджери была памятливой, помнила пятидолларовые бумажки и, наверно, вскользь оброненные слова о контракте. Но ее речь отзывалась в душе Глена как похоронный звон. Не только по погибшему Гарри, но и по ее погибшим мечтам быть здоровой. Сейчас она спросит его об отце,— что он ей скажет? Протянет банковский чек? Но ведь денег не хватит на лечение Эджери!..

Глен вспомнил, с какой настойчивостью Гарри цеплялся за эту сумму. И вот, денег нет, и он, Глен Эмин, первым пообещавший их,— убийца Гарри.

Эта мысль раздавила его, хотя пришла к нему не впервые. Он думал об этом, говорил с шефом. Но сейчас он наедине с собой и с ребенком, у которого отнял судьбу и отца.

Он послал Гарри на опыт. Он убил его. Баттли и он. Оба они убийцы.

— Где сейчас папа? — услышал он вопрос девочки.

— Эджери... — сказал он. — Случилось несчастье.

— С папой?.. — Эджери отшатнулась. Медленно колени ее опустились, ноги вытянулись под одеялом. А голова и спина остались в том же неестественном, чудовищном положении. Эджери была похожа на согбенную старуху, на трость с загнутой ручкой.

— С папой? — спросила она опять, глядя в лицо Глену опустевшими, прозрачными, как вода, глазами.

Глен не мог выдержать этого взгляда, встал со стула и, горбясь, пошел из комнаты, забыв прикрыть за собой дверь.

— Мистер Глен, — лепетала Эджери шепотом, похожим на шорох ветра в бумажках. — Скажите, что с папой?..

Глен не смел ответить, остановиться. Он плелся по коридору, вышел на лестничную площадку к большому черному, похожему на паука телефону.

Только здесь он оглянулся на неприкрытую дверь. Никакая сила не заставит его вернуться и прикрыть ее. Сквозь шорохи дома, звон посуды и смутные голоса он все еще слышал: «Что с папой?..», видел прозрачные от страха глаза, скрюченную фигурку Эджери. Нет, он не может так просто уйти отсюда, убийца Глен Эмин. Не может и не уйдет!..

Чувствуя на лице холодные струйки пота, Глен снимает телефонную трубку, набирает номер полицейского управления. На вопрос, кто звонит и зачем, говорит, как в бреду:

— Мы убили человека: я, Глен Эмин, и профессор Доннел Чарльз Баттли. Мы убили Гарри Пальмана, пообещав ему пятьдесят тысяч долларов...

III

Гарри плыл, энергично работая всем телом: плавниками, кожей, хвостом. Кажется, он начал понимать то, что от него требовали в опытах: почему дельфин так быстро плавает. Его кожа вибрировала, на ней создавались тысячи микроволн, которые отталкивали, взморщивали воду в ее толще, заставляли скользить вдоль тела, но не просто скользить, а катиться круглыми капельками,— Гарри скользил в воде, как на шариках.

Тут он спросил себя, почему он не понимал этого раньше, а понял только сейчас? Ответить на вопрос ему было страшно. Вот уж несколько дней он открывает в себе что-то новое, непонятное и теряет прежнее, человеческое. С утра он не может вспомнить название улицы, на которой живет в Окленде. Это страшно, как то, что он забыл имя дочери. Как звали девочку?.. А сейчас он не помнит названия улицы. Номер дома сто пятый, а названия улицы он не помнит.

С тревогой он прислушивается к себе. Все ли он Гарри?

Но ведь прежнего Гарри нет. И никогда не будет...

Не надо думать об этом. Все продумано, когда он кружился в океанариуме. Теперь надо уйти. Просто уйти.

Океан опять лежал перед ним неведомым миром, опять ждал его, и Гарри мчался ему навстречу.

Какая удивительная легкость движений! И какая гамма вокруг красок, звуков, холода и тепла!.. Да, да, лучше думать об этом — тысячи оттенков холода и тепла... Глубина, близость берега, течение, пятна от облаков на

поверхности — все это ощущимо в воде. Чувствуешь каждый солнечный зайчик... Как же название улицы, на которой он живет? Жил?.. А номер дома — сто пятый.

Берег исчез. Остались солнце и океан. И глубина. Тяжелая глубина внизу. Или это — новое непонятное чувство? Нет, тяжелая глубина. Она тянет в себя... Я устал, говорит себе Гарри, я смертельно устал. От опытов и от долгого плавания. И от Глена... Это Баттли послал его сказать мне, что Гарри умер. Умерло все: имя дочери, название улицы, номер дома. Скоро умрет сознание. Останется жить дельфин — морская зубастая тварь. Будет жрать рыбу, гоняться за самками. Баттли и Глен убили Гарри Пальмана, чтобы узнать тайну плавания дельфина. Тайна осталась, а его, Гарри, не будет. Его уже нет. Маленький островок сознания в мозгу зубастого зверя тает, словно кусочек воска на горячей плите... Сколько ему еще быть человеком? Час, может, минуту?.. Как его имя? Гар?..

Тяжелым всплеском хвоста Гарри поворачивает вниз, в глубину. Ему хватит минуты — лишь бы не меньше... А в глубину падать легко: тяжесть втягивает его, как брошенный в воду гвоздь. Медленно сгущается темнота. Как пресс, сжимает тело давление. На сколько дельфин может задерживать дыхание?.. Темнота сомкнулась над Гарри. Вода сдавила его как угольный пласт. И почему-то нет страха. Вниз, и еще вниз, вниз...

Когда давление стало невыносимым, когда оно втиснуло плавники в тело и вдавило глаза в орбиты, — Гарри с силой вдыхает в себя водяную струю. Он даже не чувствует боли, — только резкий толчок в себе. И уже падает в глубину, с легкими, изодранными в клочки...

ЛИЦО ФАРАОНА

1.

Хан Ромен стоит перед дверью. Не простой дверью, в которую можно войти, постучавшись и услышав вежливое «Войдите». К этой двери он шел всю жизнь. Студентом Сорбонны он дал себе клятву найти и открыть ее. Тогда ему было восемнадцать лет, сейчас — пятьдесят четыре. И вот она перед ним,— вытесанная в камне, на глубине трехсот футов под песками пустыни. Кому, как не ему, по праву открыть ее?

Ромен знает, как открываются двери,— нажать на выступ в нижней части плиты, он их открыл сотню. Но эта — единственная. За ней усыпальница фараона Хуфу. Только плита отделяет Ромена от неистовой мечты встретиться с фараоном,— дверь, со своеобразной щеколдой, на которую надо нажать. И он нажмет на нее ногой,— как победитель на грудь побежденного.

Сделать это сейчас? Нет. Мир опутан тысячами условностей. И главная из них — дисциплина. Прежде, чем Ромен войдет в усыпальницу, за его спиной должна стоять комиссия: профессор Беркли из Лондона, профессор Пфейфер из ФРГ, египтологи Клер и Монтегю из Парижа, римский палеонтолог Винченцо. Всем им посланы телеграммы приехать к пятнадцатому июля. Дольше Ромен не согласен ждать. Он нашел гробницу. Это гробница Хуфу — льва Четвертой династии. Он положит руку на гриву льва! Может быть, Ромен жаждет

сенсации, в нем говорит тщеславие? Что ж,— сенсация вещь неплохая. Тщеславие — тоже. Но комиссию он подождет.

Ромен отворачивается от дверей, идет гулкими переходами. И Хуфу подождет, рассуждает он. Больше ждал и еще подождет. Хотя — фараоны рассчитывали на вечность. Дьявольски хитро захоронен Хуфу. Тоже с расчетом на вечность. Те, кто хоронили его, отдавали должное фараону: благодарность и ненависть.

Бесконечно тянет галерея. Но вот — один поворот, другой. Ромен замечает глаз электрического фонарика, это ждет его помощник, Фариз Акаба. Ему было приказано ждать. У двери фараона Ромену хотелось побывать одному.

— Господин,— встречает его Фариз.— Не надоходить к этой двери!

Ромен вглядывается в длинное костлявое лицо помощника, в его умные бесовские проницательные глаза.

— Не надоходить... — повторяет Фариз.

— Почему? — спрашивает Ромен.

— Мы в царстве мертвых.

— Ну и что?

— Это опасно.

Ромен не смеется над опасениями Фариза. Вместе они работают двадцать четыре года. Открыли девять этажей Подземного Города. Избежали сотни ловушек, ям и обвалов, приготовленных для них зодчими пирамид. Смеяться над опасениями Фариза нельзя. Но коридор, ведущий к гробнице, безопасен, исхожен взад и вперед.

— Не надо бояться,— говорит Фаризу Ромен.

Странно звучат слова в глухом подземелье — как шелест сухой травы.

— Господин...

Ромен — господин для Фариза. Он нашел его пятнадцатилетним мальчишкой в Саккре, во время голода 1940 года, взял сироту к себе, и с тех пор Фариз не отходит от него ни на шаг. Фариз неутомим в раскопках и предан господину, как пес. Его почти звериное чутье незаменимо в разгадывании жреческих хитростей. Ему на роду написано быть грабителем фараоновских усыпальниц, если б не страх перед богами, всосанный с молоком матери.

— Господин,— просит он,— уйдем отсюда.

Фариз с трудом читает французские слова, зато ему нет равных в раскопках. Он так же неутомим в работе, как и Ромен, но всегда, открыв новую гробницу или галерею, он оглядывается на что-то у себя за спиной. Ромену не раз казалось, что в душе Фариз против раскопок, что, несмотря на преданность, он остается египтянином, как его предки,— гордым и ненавидящим иноземцев, раскрывающих тайны его страны.

— Хорошо,— говорит Ромен,— уйдем. Но будем приходить сюда каждый день.

Фариз молчит. В два фонаря они освещают дорогу и идут по расписанным фресками коридорам, мимо надписей, высеченных на камне или начертанных красками, а порою и просто сажей.

2.

В бараке, в клетушке, служащей ему кабинетом, Ромен садится за стол. Перед ним план некрополя. В центре большой квадрат пирамиды Хуфу, окруженной, точно стадом овец, четырехугольниками масstab. Квадрат заштрихован в косую строчку, выделяется на бумаге, как черный флаг. К западу от него захоронения знати Четвертой и Пятой династий, к востоку — членов семьи Хуфу. К югу, в один-два ряда,— масставы придворных. Все

это — Город Мертвых, обиталище теней. Только к северу, перед входом в гробницу, пустыня — желтая и сухая, если на нее глянуть в окно. Ромен не смотрит в окно, наклонился над картой. Плотная густота масштаб толпится к западу от пирамиды. Тут на всю площадь бумаги размашисто написано синим карандашом: «Искать здесь».

Город на карте подан в двух измерениях. «Искать» относится к третьему измерению, идущему в глубину. Это догадка Ромена. Без интуиции в египтологии, как и в любой науке, добьешься немногого. Интуиция привела Шампольона к разгадке иероглифов, Картера — к саркофагу Тутанхамона. Она же подсказала Ромену путь к гробнице Хуфу.

В 1798 году первые исследователи «Дома Вечности» фараона обнаружили, что дом — пуст. Папиросы говорили о неоднократных попытках ограбления усыпальницы в древности, но и тогда гробница была пустой. Трудно поставить себе вопрос, но в том и сложность человеческого ума, что в лабиринтах и хитросплетениях он способен найти простой и, на первый взгляд, невероятный выход: что если гробница была вообще пустой? С самого начала? Со смерти того, кому она предназначалась?.. Встают и другие вопросы: может ли это быть? Для чего строили пирамиду?

И опять ум среди противоречий и лабиринтов искал и находил выход — в истории, в египтологии, в мышлении прошедшей и забытой эпохи. Постепенно разматывался клубок хитросплетений в прямую линию логики. Чем больше было величие фараона при жизни, тем укрупнее выбиралось место для его погребения — да живет он вечно! Так требовала религия, так была устроена психика древних. К этому примешивались опасения, что гробница будет разграблена. Владыка уносил с собой немыслимые богатства, которые привлекали любителей

легкой наживы. Ни ловушки, ни заклинания не сдерживали еретиков. Строилось по две-три усыпальницы—Снофру построил две пирамиды, которые так и остались пустыми. Если даже властителя хоронили в одной из гробниц, жрецы переносили его тело в другое место, уверяя народ, что фараон по-прежнему живет в своем доме. Погребение можно было найти случайно или разведав тайну жрецов. Поэтому гробница Тутанхамона и сохранилась до нашего времени. А другие? Сколько жило фараонов, которых мы знаем только по именам. Погребения их не найдены. А ведь их хоронили с большей пышностью, чем мальчишку Тутанхамона!

Искать — вот что поставил своей целью Ромен. Воображение его еще в детстве было поражено пирамидой Хуфу. Ее масштабы, величие беспокоили Ромена даже во сне. Когда была открыта гробница Тутанхамона, Ромену шел двенадцатый год. Все мальчишки хотели искать фараонов. Ромен хотел, наверное, больше всех. Мечтал о раскопках, рос, и мечта росла вместе с ним. Поступил в Сорбонну, изучал историю Египта, древние языки.

Студентом приехал в Каир. Увидел пирамиды на горизонте, добрался до них пешком. Обошел пирамиду Хуфу и спросил:

— Ты здесь?..

Пирамида спала в желтом солнечном зное. Фараон не ответил. Тогда Ромен бросил вызов:

— Я тебя найду!

Фараон опять не ответил — не видел в его словах мудрости.

Что мог сделать юноша, даже наделенный пылкой мечтой и решимостью? Работать? Ромен начал работать — раскопщиком, десятником на раскопках, младшим научным сотрудником. Прошел всю школу до начальника экспедиции.

После войны опять пришел к пирамиде и сказал фараону как четырнадцать лет назад:

— Я тебя найду!..

Фараон и теперь промолчал, только пустыня ответила Ромену тысячелетним шорохом песка и ветра.

Ромен был не один. Рядом стоял Фариз.

— Господин,— спросил он.— Ты разговариваешь с фараоном?

— Это моя клятва, Фариз,— ответил Ромен.

Они обошли пирамиду и весь некрополь.

— Только бы найти нить,— повторял Ромен.— Разгадку...

Ходили неделю, месяц, старались вдуматься в обстановку, понять строителей, создавших пирамиды и Город Мертвых. Сознавали, что ничего нет случайного в том, как стоит пирамида, мастабы. У них уже был опыт: ни в Саккре, ни в Долине Царей Ромен и Фариз не встретили хотя бы простой случайности. Во всем была воля строителей и неуловимая тайна жрецов.

Почему с севера, со стороны входа в гигантскую пирамиду нет ни одного погребения? Почему Город уходит на запад? Ромен и Фариз выступали каждую скалу, каждый камень. Выступали землю у себя под ногами. Глянуть со стороны — вынюхивали, как гончие, запах прошлого.

— Мне кажется, господин,— сказал однажды Фариз,— что я хожу над могилами.

— Могилы рядом,— указал Ромен на мастабы.

— Нет, господин, не только рядом.

— Что ты хочешь сказать?

— Еще ничего не хочу сказать. Мне только кажется. Может быть, я догадываюсь.

Ромен не торопил помощника и не отвергал его мысль. В поисках могла помочь любая деталь — даже сны, даже бред, когда валяешься в приступах лихорадки.

Не отвергать мысли помощника, наоборот, будить ее и этим тревожить и будить свою мысль. «Хожу над могилами...» В Египте вся земля — сплошная могила древности. Не будем брать Египет, думал Ромен. Нужно исследовать этот клочок земли. Город Мертвых. Разве у него, у Ромена, не возникало ощущение, что ноги его тонут в прахе умерших? Нет, это не то. Это относится скорее ко всему Египту, древней земле, растворившей в себе тысячу человеческих поколений. Ходить над могилами... Кругом — Город Мертвых. И все-таки, все-таки, что в этом чувстве Фариза?

И в его собственном чувстве?

Между тем подходило оборудование, приезжали рабочие.

— Все же мне кажется, — возвращался к своей мысли Фариз, — что могилы у нас под ногами.

Ромен тоже склонялся к этому. Еще в древности большинство погребальных камер оказались пустыми. Где их обитатели? Не является ли Город Мертвых фикцией, камуфляжем? Где истинные погребения знати? Разграблены? Частично разграблены, Ромен с этим согласен. Но знать была не настолько глупой, чтобы подвергнуть себя бесславной участи. По верованиям эпохи с утратой мумии человек лишался вечного блаженства в садах Осириса. Знать тоже рассчитывала на вечность и умела прятать свои погребения. Может быть, прав Фариз, когда говорит, что ходит над могилами? Может быть, есть второй некрополь, подземный?

Так они пришли с Фаризом к общему мнению. Наметили план раскопок — наклонную штольню под Город Мертвых.

И не ошиблись. Через полгода наткнулись на подземную галерею.

Барак и службы Ромен распорядился ставить к северу от некрополя, напротив входа в пирамиду Хуфу, и

этот шумный лагерь, с ворчанием бульдозеров, криком верблюдов, гортанным говором рабочих, был словно вызов мертвому спокойствию пирамиды. Фариз выразил неодобрение: не надо дразнить богов, лучше отнести лагерь подальше.

— Ничего,— засмеялся Ромен.— Там город мертвых, а здесь — живых!

3.

Из окна барака виден раскоп — сквозная рана в священной земле. Все делает Ромен не так, как другие. Сколько исследователей исходили некрополь, осмотрели и описали каждый камень. Большие, казалось, открывать нечего. Ромен пошел в глубь земли и наткнулся на новый город, уходивший ступенями вниз. Каждая ступень бралась с боя — через завалы и волчьи ямы, подвижные стены и тупики. Строители защищали город по всем правилам обороны: в глухих тупиках и штолнях исследователей подстерегала смерть. Гнев богов! Это и сейчас звучит на глубине трехсот футов!

Семнадцать лет распутывал лабиринт Жан Ромен. Семнадцать лет за каждым поворотом подземной штолни мечтал увидеть заветную дверь, вставал по утрам и засыпал после работы с одним желанием. Тайна не давалась в руки исследователю. Сколько прошло, прежде чем Ромен уяснил план подземного города — ступеней-этажей, уходивших в недра. Вот конец галереи — сейчас... Нет. Это кончился этаж, приходилось опять осматривать, вынюхивать плиты, чтобы найти очередную ступеньку вниз. Помогла геометрия. На чертеже вырисовывался гигантский октаэдр, опущенный в глубину. Но и теперь надо было догадаться, — а потом и уверить себя, — что усыпальница фараона в нижней вершине октаэдра. А еще надо было до вершины

дойти. Через все этажи, через стометровую толщу города.

И вот — последняя дверь. За ней — усыпальница.

Расчет показал, что здесь кончается линия, проходящая в глубь земли от верхней до нижней вершины октаэдра. Этажи подземелий сужались уступами, спускаясь к усыпальнице фараона, которая была вершиной другой пирамиды, опрокинутой острием вниз. Белая пирамида вверху — как айсберг, девять десятых которого прячется под землей. Пирамида над пирамидой! Верхняя часть — лишь обелиск над подземным Городом Мертвых. В глубине — гробница властителя. Даже мертвый, он держит на плечах свое государство!

К последней двери подошли вчера. Это было торжественно и до ужаса просто. В строгом овале, как подобает званию фараона, на двери высечено имя Хуфу. Точно, как где-нибудь в коридоре современного треста: «Директор». Не хватало надписи: без доклада не входить... Ромену хотелось смеяться.

Еще больше хотелось нажать на выступ внизу двери.

Но нельзя, нельзя! Надо послать телеграммы в Лондон, Париж, Берлин. Ученый мир знал о раскопках Ромена, ждал результатов. Члены комиссии Беркли, Пфейфер, Клер предупреждены заранее. В Каире к ним присоединятся еще ученые, смотритель музея — всего одиннадцать человек. Конечно, все наготове, но надо ждать. Сегодня Ромен спустился к двери — он будетходить сюда каждый день. Ромен не звал Фариза с собой, тот сам догнал его в галерее:

— Господин...

Ромен вздрогнул от неожиданности.

— Я с вами, — сказал Фариз.

— Зачем ты здесь? — спросил Ромен.

— Нельзя одномуходить в подземелье, вы же знаете, господин...

Преданность помощника раздражала Ромена, он выругал Фариза. Но не ценить его верность нельзя. Мало ли что может произойти в подземелье: обвал, сработает тайная ловушка жрецов. Сколько погибло исследователей в таких лабиринтах — сошло с ума, заболело неизвестными болезнями. Египтянин прав: не надо ходить одному. Все же Ромен пошел, оставив Фариза за поворотом подземного коридора. Ромен был реалистом. Пусть даже в его жилах течет горячая марсельская кровь, ум у него холодный. Каждый день Ромен убеждает себя, что чувства надо держать в узде, рассудок должен быть холодным и трезвым. Даже, когда хочется нажать на выступ внизу двери, когда до осуществления мечты — полшага.

Быть может, уехать куда-нибудь? На это у Ромена не хватит сил. Он будет сторожить дверь, как цепная собака. Слишком долго он шел к двери.

Сгущаются сумерки. Ромен откладывает в сторону план некрополя, смотрит в окно. Пустыня меняет краски — с сиреневой на серую, темную. Ромен не зажигает огня. Прислушивается, как умолкает лагерь, люди укладываются спать. Мягкими шагами тишина входит в мертвый город, в комнатушку исследователя. Усыпляет Ромена. А может быть, заставляет грезить. Ромен откидывается в кресле, смотрит и не видит окна. Он уже не в клетушке — он, как птица, выпущенная в небо. Раздвигается горизонт. Раздвигается время. Перед Роменом струится странная, неторопливая жизнь. Звучит голос, рассказывает о прошлом.

— Фараон Хуфу—Хеопс — правил в начале третьего тысячелетия до нашей эры, в эпоху Древнего царства...

Кто это говорит — Геродот? Ромен не в силах поднять отяжелевшие веки. Или — история?.. Или это он сам говорит с кафедры Коллеж де Франс? Конечно, это он сам. Вспоминает и говорит. И видит то, о чем говорит.

Ему интересно рассказывать. Еще интереснее видеть, как слова воплощаются в живые картины. Но как он может видеть, если он за кафедрой Коллеж де Франс?.. А не все ли равно? Ромен следит за картинами, которые развертываются перед ним. Он это рассказывает, или история, или Геродот — безразлично. Главное — он видит. И ему надо видеть все и рассмотреть до конца.

— Египет сложился как государство. Наступил расцвет деспотии. Фараон становится богом, требует божеских почестей. Слово фараона — закон. Чтобы утвердить могущество, фараоны воздвигают себе памятники из вечного камня — пирамиды. Крупнейшую пирамиду поставил Хуфу — лев Четвертой династии.

Из темной пустыни набегает синяя лента. Это Нил, узнает Ромен, по-древнеегипетски Хапи — река жизни. Лента течет и течет, а Ромен, как птица, летит над ней, — сколько раз, думает он, приходилось летать самолетом... Но это другой Нил, и деревни по его берегам другие, и дельта другая.

— Двадцать лет строилась пирамида. Сто тысяч человек были заняты на постройке.

Ромен видит дорогу, ровную, ослепительно белую, протянутую от Нила в пустыню. Белые плиты известняка на дороге почти не видны. Зато видны деревянные коричневые полозья и коричневые тела людей, впряженных в полозья. Они тянут плиты в слепящую желтизну пустыни. «Э-эй-й!» — погонщики взмахивают бичами. Свистят в воздухе ременные змеи, оставляя на спинах рабочих вспухшие желваки. «Э-эй-й!..» Ромен видит лоснящиеся от пота лица, раскрытые от натуги и жажды рты.

— Две тысячи триста глыб, каждая весом в две с половиной тонны, пошло на пирамиду Хуфу.

Опять белизна. Но это уже не дорога, это камено-ломни. Под солнцем известняк блестит как свежевыпав-

ший снег. Ах, хоть бы частицу прохлады! Но здесь не видели снега, не знают прохлады. Свирепый десятник чертит на скале прямоугольник, обозначающий профиль плиты. Рабочие сверлят отверстия, вбивают в них деревянные клинья, похожие на шипы. Клинья поливают водой. Дерево разбухает, скала трескается. Глыбу медленно отворачивают, грузят на сдвоенные полозья. «Э-эй-й!» — звучит в раскаленном добела воздухе. Спины рабочих выгибаются дугами. Скрипит дерево по известковому снегу.

— Высота пирамиды триста тридцать локтей...

Сто сорок семь метров, отмечает Ромен. Перед глазами песчаный накат — вздыбленный холм, насыпанный человеческими руками. Он поднимается от дороги до верхней кладки каменного колосса. Пирамида сложена наполовину. Те же коричневые полозья и коричневые спины людей. Как нигде, здесь свирепствуют надсмотрщики: «Э-эй-й!» На гребне холма белеющий отшлифованный срез пирамиды. Скрипят рычаги. Медные кошки схватывают глыбу с боков, укладывают рядом с соседней глыбой. Она должна лечь впритык. Ни раствора, ни креплений — все на шлифовке глыб, прилегающих боками одна к другой. Если между глыбами хоть малейший зазор, ее снимают и вновь шлифуют — обливают водой, посыпают песком и трут шлифовальным камнем.

— Точность постройки не только в совершенной классической форме, но и в том, что сооружение потребовало совмещения различных наук: сопротивления материалов, геометрии, астрономии.

Главный вход в пирамиду построен настолько точно по линии земной оси, что если в конце его, в центре, поместить зеркало, в нем отразится Полярная звезда. Достойно удивления, что зодчие могли изменять положение усыпальницы фараона внутри готовой сложенной пирамиды .

— На постройку «Вечного дома» со всех уголков Египта было согнано сто тысяч рабочих. Двадцать лет разорительной стройки привели страну к обнищанию: обмелели каналы, запустели поля. В стране начался голод. Стройка требовала громадных средств, опустела казна. Чтобы добыть деньги, фараон отдает красавицу дочь в наложницы.

Ромен тщетно пытается вспомнить лицо Хеопса. У него нет лица! Или, наоборот, — много лиц, меняющихся ежесекундно. Все это лица известных фараонов: Снофру, Аменхотепа, Рамзеса, Тутанхамона.

— Каково же его настоящее лицо? — спрашивает Ромен.

И получает ответ:

— Жестокость...

Ромен видит погребение фараона. Жрецы с телом владыки и горстка рабов входят в главный вход пирамиды. Спускаются в галерей. Свет факелов выхватывает из темноты плечи, лица, надписи на стенах. Потом рабы заделывают вход в усыпальницу. И еще вход, и еще, — это ложные входы. Один из рабов особенно примечателен: белокожий, с черной седеющей бородой, выходец с Крита или Пелопоннеса... Процессия еще долго кружит по галереям и переходам, прежде чем выйти на свет. Белокожий прикрывает глаза от солнца. Надсмотрщики торопят рабов. Куда их торопят? Вот закуток между стенами. Здесь вооруженная стража. Она перехватывает рабов, начинает резню. Тайна погребения фараона должна уйти в небытие вместе с ним. Белокожий бросается с кулаками на стражников, пронзенный копьем — шарит рукой по земле в поисках камня.

— Жестокость!..

Жрецы отворачиваются, уходят. Кажется, они рады. Да, они радуются! Они ненавидят и раба и фараона. Прах фараона они упрячут в другое место, а «Дом ве-

ности» объявят его жилищем. Все делается по их указке и для их выгоды. Пусть страна разорена непосильной стройкой, растрачена казна. У них капитал — пирамида, символ могущества. Страны? Не о могуществе страны они думают. Фараона? Вовсе не фараона. Могущества их — жрецов. Каждый их шаг направлен к собственной выгоде, пирамида — тоже к их выгоде. Без их знаний она не была бы построена. Но она поднята, и жрецы будут править, подавляя народ тяжестью белой горы, прочность которой они рассчитали на вечность. Так же, как и свою власть. Они ненавидят Хуфу, но они благодарны владыке, сохранят память о нем и тело его, чтобы держать в руках других фараонов. У них и здесь — выгода.

Ромен вздрагивает и раскрывает глаза.

За окном стоит ночь, рассыпав по небу звезды. Они не дышат, не шевелятся, — тупо смотрят вниз сквозь лишенный прохлады воздух. Звезды похожи на выплаканные сухие глаза без слез. От такого сравнения Ромен чувствует холодок на спине. Ненавистная гора, смотрит он на пирамиду. Сколько потребовалось страданий, чтобы довести до небес славу властителя! Каково же лицо Хеопса? Ни статуи, ни портрета Ромен не помнит с надписью фараона.

Странно... — думает он и чувствует, как его тянет спуститься в галерею, к двери.

4.

Дни тянулись один за другим, зноные, пыльные, сквозь прокаленные солнцем. Ни тени, ни деревца: желтый песок и белая гора пирамиды. Прохлада была лишь в Подземном Городе, — потому что работали вентиляторы, отсасывая затхлый застоявшийся воздух. Однако и тут температура не опускалась ниже двадцати градусов.

Раскопки полностью прекратились, машины ушли в Каир. Часть рабочих была рассчитана. Оставшиеся изнывали от жары и безделия, сражались в ближайших к выходу подземельях в кости и в карты. Царило напряженное гнетущее ожидание, как перед грозой или перед залпом,— все ждут начала.

Тяжелее всех переживал ожидание Ромен. Все уже сделано, достигнуто, убеждал он себя, рассматривая многоярусный план Подземного Города. Но главное не в этом,— тут же отбрасывал план в сторону. Главное— дверь внизу, выступ на который надо нажать ногой. Это становилось навязчивым, как болезнь. Ромен опускал голову на руки и представлял, как он это сделает. Он спустится в подземелье во главе комиссии из одиннадцати человек. Нет, людей будет больше: корреспонденты, фотокорреспонденты, телекорреспонденты... Где их расставить? О, галерея вместительная! На двери надпись в овальной рамке— обязательной реалии фараонов. «Господа...»— скажет Ромен. Внизу двери каменный выступ, зацепка, в полконверта величиной. Из белого мрамора, с желтоватыми жилками, уходящими в глубину. Ромен знает его, как собственную ладонь... Камень обтесан древним рабочим, работом. Не тем ли, с черной бородой, в которой пробивается седина? Выступ— это часть механизма, основанного на силе тяжести и скольжении отшлифованных глыб. Древние знали теорию скольжения, статику и кинематику камня. Древние знали очень многое: как закаливать бронзу, как делать золотую фольгу, толщиной в десятие миллиметра, и как делать порох. Выступ— часть механизма. Сила, приложенная к нему, воздействует на каменные плиты в теле скалы, плиты сдвинутся, вместе с ними сдвинется дверь. «Господа...» А зачем Ромену чопорные профессора, глупые репортеры, жадные до денег и коньяка? Ромен сам надавит на выступ!.. Как лучше— нажать рукой или ногой? Если рукой,—

опустившись перед дверью на корточки, все равно, что поклонишься фараону. Кланяться фараону? В двадцатом веке?.. От этой мысли Ромену смешно. Чтобы он кланялся фараону? Он надавит на выступ ногой,— как победитель на грудь побежденного. Это ему подходит большем, чем кланяться. Дверь он откроет сам — зачем ему профессора, репортеры?.. Он все сделает сам — нажмет на выступ ногой, чтобы не кланяться двери, пусть даже это дверь фараона и пусть он шел к ней всю жизнь. Какое лицо у Хуфу? Или у него действительно тысяча лиц? Или такое, как у Фариза? Причем тут Фариз?.. Ромен вздыхает, пытается поднять голову и не может. Отчего шум в ушах? Отчего стучит кровь и голова такая тяжелая? Господи, уж не болен ли я? Ромен с силой сжимает руками голову. Господи, повторяет, здоров ли я? Здоров, пытается уверить себя. С трудом открывает глаза и опять закрывает. Солнечный свет проникает сквозь веки красным болезненным маревом. Только бы дождаться пятнадцатого июля, комиссии. Только бы дождаться пятнадцатого июля...

Нетерпение сводит Ромена с ума, мир уменьшается в его сознании до квадрата двери, до выступа, на который только нажать ногой.

Каждый день по бесконечным переходам исследователь шел в подземелье. Фариз, как тень, сопровождал его. Иногда Ромен делал вид, что не замечает помощника, иногда гнал Фариза, но египтянин оправдывался:

— Опасно ходить в мертвом городе...

Часами простоявал Ромен у двери.

Ему было легче пережидать время здесь, у цели, чем на поверхности.

— Пойдемте, господин,— окликнул Фариз.

Что он понимал, египтянин? Ромен не отойдет от двери ни на шаг, готов слиться с нею, стать частью сте-

ны, скалы. Если Фариз скажет еще хоть слово, Ромен вытолкнет его из штолни взашей.

Ромен был несправедлив к помощнику. Но разве можно быть справедливым рядом с испепеляющей жаждой славы?

Пришло извещение из Парижа, из Академии: письмо Ромена получено. Потом — восторженное приветствие Беркли, адресованное ему, минуя Париж: «Восхищен! Жду не дождусь, когда буду с Вами. Главное — открытие, остальное — в тартарары!» — англичанин обладал своеобразным чувством юмора. Пришла телеграмма от Клера и Монтегю: «Поздравляем, ехать готовы». Все складывалось хорошо, пятнадцатого июля комиссия будет в сбое.

И вдруг из Парижа новая телеграмма: «Выезд комиссии задерживается из-за болезни Пфейфера. Ничего не предпринимайте самостоятельно. Ждите распоряжений». Ромен скрипел зубами, перечитывая текст телеграммы. Поражало не то, что приходилось откладывать вскрытие усыпальницы. Поражал тон телеграммы: ничего не предпринимайте... Ему, Ромену, грозят пальцем, как мальчику. Словно все это — Подземный Город, дверь, гробница Хеопса — не его достижение, а кабинетных парижских деятелей. И они смеют... В бешенстве Ромен написал в Париж: «Вскрою гробницу».

И опять сидел у себя в клетушке, стиснув до боли голову. Боже мой, пытался погасить перед глазами красное марево, — солнце проникало сквозь веки багровым отсветом. Надо уехать, иначе сойду с ума... А как же дверь? Уйти от двери?.. Ее сейчас же откроют. Тот же Фариз! Перед глазами возникало худое лицо помощника с бесовским проницательным взглядом. Ромен вглядывался в него, как будто Фариз был здесь, в кабинете. Какое лицо у Хуфу?.. — спрашивал сам себя. Как у надсмотрщика — одного из тех, в каменоломне?..

Париж ответил молнией на телеграмму Ромена: «Не делайте глупостей, Ждите распоряжений».

— Они лишают меня возможностей! Вырывают из рук открытие! — задыхался над телеграммой Ромен. — Считают, что я их холоп, черви! О, Жан Ромен знает что делать!

Знает и умеет постоять за открытие!

Рвет телеграмму, швыряет на пол.

— Фариз!

— Да, господин, — Фариз появляется в комнате.

— Поедешь в Каир, — Ромен садится к письменному столу. — Отвезешь письмо смотрителю музея Али ибн-Саиду. Не отходи от него, пока он не созвонится с Парижем и не передаст ответа тебе! Без ответа не приезжай!

Пишет несколько строк на листке, вырванном из записной книжки, передает Фаризу. И пока тот прячет записку в нагрудный карман, Ромен отчетливо понимает, что не нужен ему смотритель музея, не нужен ответ из Парижа.

Нужно, чтобы Фариз уехал и не возвращался как можно дольше.

— Все! — говорит он, стараясь принять под внимательным взглядом Фариза беспечный вид. — Езжай! Одним духом — туда и обратно!

На последнее, зная медлительность ибн-Саида, Ромен не рассчитывает.

Раньше ночи Фариз не вернется. Это как раз то, что нужно Ромену.

Выпроводив помощника, Ромен несколько минут сидит неподвижно, — улыбается самому себе и ждет: вот отойдет машина. А когда шум мотора стихает, встает из-за стола.

— Победителей не судят, — говорит он вслух и кладет в карман электрический фонарь.

Он входит в раскоп, как всегда: в белом костюме, строгий, рассеянно кивая в ответ на приветствия. Когда дневной свет, все более рассеиваясь, остается у него за спиной, включает фонарь. Желтое пятно бежит впереди, указывая дорогу. Сначала, пока глаза полны солнечным светом, Ромен не замечает, что пятно от электрического фонаря тускло. Но когда он это осознает, он вспоминает, что не переменил батареи. Возвращаться нельзя — не будет удачи, — да и батарея села наполовину, света, пусть не такого яркого, хватит по меньшей мере на восемь часов.

По сторонам тянутся склепы — одни вскрытые, другие нетронутые. Академия — за планомерное изучение Подземного Города и, получив отчет о двух-трех десятках погребений современников Четвертой династии, запретила вскрывать могилы. «Запреты, запреты... — с неизменностью думает Ромен, хотя понимает необходимость запретов и одобрял распоряжения из Парижа. Но теперь он настроен по-другому: — Они способны только давать запреты...» Боковые штольни уходят вправо и влево. Ромен не смотрит на них — некоторые вообще нехоженые. Заблудиться, однако, Ромен не может: путь к двери наслежен его и Фериза шагами, да и ходит он здесь каждый день.

До галереи с дверью в усыпальницу фараона около километра, в условиях подземелья — тридцать минут ходьбы. Когда Ромен очутился у двери, он не устал, только сердце билось сильнее и где-то под спудом сознания боролись две мысли: сделать или не сделать? В кабинете он принял решение: сделать. Но пока шел к раскопу, спускался под взглядами рабочих в траншею, уверенность его поколебалась. Потом вспомнил телеграмму из Академии, решил: сделает всем назло. То, что

забыл сменить батарейку,— какой пустяк!— опять поколебало его решимость. Идя мимо склепов, он немного отвлекся,— надо было следить за дорогой. А теперь, когда оказался у двери, решимости снова не было. В конце концов Академия и Фариз правы: без комиссии в гробницу фараона войти нельзя. Но тут, распаляя себя, Ромен задает вопрос:

— А я — кто? Я для вас — кто?..

В подземелье тихо и глухо. Над головой сужается остроугольный свод, в стене белеет квадрат двери. Больше перед человеком ничего нет. Но это кажется. Ромен остро ощущает присутствие чего-то другого. Чего?— пытается он понять. Наконец понимает: здесь он и овал на двери с именем фараона. Настоящее и прошлое. Горячая кровь и тысячелетний прах. Для Ромена еще короче: я и он. Выступ внизу, на который надо нажать ногой, почти незаметен. Но чем дольше стоит у двери Ромен, тем определеннее понимает, что все сводится к этому выступу: нажать или не нажать. Вспомнилось гамлетовское: «Быть или не быть?..» Не в этом ли смысл жизни, борьбы? Вся человеческая сущность — не в этом ли? С необычайной ясностью Ромен осознает, зачем он пришел сюда, и, сделав шаг,— один только шаг,— нажимает на каменный выступ.

Он не ожидал легкости, с которой плита отошла в сторону. Ни скрипа, ни шума,— будто дверь смазана маслом. Хорошо умели шлифовать камень в древности, одобряет Ромен, но эта мысль тает, как прикосновение ветра к воде, перед тем, что сейчас произошло.

Ромен делает шаг. Нога по щиколотку зарывается в пыль: пять тысяч лет никто не входил в галерею. Сердце колотится бешено, толкая человека вперед: он первый! Подняв фонарь, Ромен вглядывается вперед. Он ожидал, что сразу окажется в усыпальнице, но перед ним проход. Это действует на исследователя неприят-

но. Таких проходов надо бояться: в них могут быть ямы, провалы, ложные стены. Фонарь светит тускло, конца тоннеля не видно. Ромен делает еще шаг, десяток шагов, видит стену и поворот направо. «Направо,— отмечает он,— первый поворот направо...»— по опыту чувствуя, что повороты будут еще и стараясь запомнить их. Так и есть. Впереди светлеет стена, открывается еще один поворот направо. Это удивляет Ромена: два поворота направо — получалось колено, он огибал параллелепипед, и если пройдет этот отрезок тоннеля, то параллелепипед будет у него за спиной. В груди защемило в предчувствии ловушки. Но ловушки не было. Впереди был проход, Ромен пошел и достиг нового поворота,— теперь налево. Параллелепипед, как Ромен и предполагал, остался позади него. Новый тоннель короче и кончается вторым поворотом налево. Это невозможно. Система тупиков и тоннелей могла быть качающейся, подвижной, как теперь говорят — «плавающей». Хотелось постучать по стене, нет ли пустот, но из практики Ромен знает, как не любят такие системы стука. В голову лезут страхи: каждую секунду глыбы могут сдвинуться, раздавить... Зря он пошел один. Но тут же Ромен успокаивает себя: в каждом исследовании есть степень риска.

Он идет до поворота и сворачивает налево. «Два поворота вправо, два поворота влево...»— повторяет он, медленно ведя лучом по стенам. И вдруг ясно чувствует, что он у цели и дальше поворотов не будет. В глубине, во тьме, что-то блестит. Ромен останавливается, переводя дыхание,— сердце готово выскочить из груди. Поднимает фонарь. Сияние впереди не исчезает.

Ромен делает несколько быстрых шагов. Ему кажется, что тоннель расширяется, впереди открывается черная пустота. Но взор его прикован к чему-то блестящему, которое становится все ярче под лучом фонаря.

Что это? Лунный блеск на воде? Отсвет зари?.. Шаг, еще шаг. Темнота впереди раздвигается,— это Ромен дошел до конца тоннеля. Впереди огромный зал, в углах которого свет фонаря бессильно теряется. Сияние близко. В вышине над ним засветились две красные искры. Но они где-то на краю зрения, глаза Ромена тянутся к желтому пламени, горящему перед ним. И тут он понял: перед ним мраморный саркофаг с золотой крышкой. Сияние фонаря отражается на золоте и кажется в темноте сплохом пламени. Ромен вздыхает, левой рукой отирает пот со лба. Наконец-то, говорит он себе. Ведет фонарем вправо и влево — темнота. Саркофаг стоит в центре зала. А что за искры блестят вверху? Медленно Ромен поднимает луч к потолку. Сначала он видит колонны и тут же вздрагивает. Это не колонны, а ноги статуи. Потом показался торс, грудь. Ромен выше поднимает фонарь. Так вот почему зал кажется таким необъятным!.. Красные искры превращаются в угли. Угли горят над ним. Ромен тянет фонарь, чтобы увидеть лицо статуи и рассмотреть, что за красные угли тлеют во тьме.

Как бывает в электрических фонарях, батарейка от резкого движения шевельнулась в футляре, и свет прибавился. Луч ударяет в лицо статуи. Угли, которые тлели во тьме, оказались не углами, а глазами, отшлифованными рубинами. Они смотрят сверху красным огнем. Ромен видит наконец лицо фараона. Костякое, вытянутое вниз, жесткое и жестокое, оно стынет в зловещей ухмылке, кровавый взгляд жжет человека, испепеляет душу. Ромена от макушки до пят пронизывает дрожью, волосы шевелятся на голове.

— Ты?..— вырывается у него хрипло — от ужаса, произвольно, как если бы он вскинул в защите руку.

И тут, словно отвечая ему, статуя открывает рот: нижняя челюсть ее опускается, обнажая ряд белых зу-

бов. Одновременно откуда-то сверху и издали слышится скрежет.

Ромен отступает назад, и это спасает его. Там, где он только что стоял, в полу открывается щель, сверху, бесшумно рубанув воздух, скользит плита и становится на место той, которая ушла в глубину. А скрежет усиливается, нарастает,— фараон продолжает улыбаться зубастым ртом. Ромен не может оторвать взгляда от его длинного худого, как у Фариза, лица, холодный пот обливает исследователя. «Так вот какой... вот ты какой...— повторяет Ромен, пятясь в тоннель.— Ты—Фариз, ха-ха-ха! Ты мой помощник Фариз!— кричит он.— Ты и здесь со мной! Мой верный Фариз, мой египтянин!..» Багровая пелена застилает глаза Ромену, острыя боль пронзает мозг. Это на миг приводит его в себя. Он стоит с поднятой вверх рукой, освещая фонарем лицо фараона. Оно все так же, с открытым ртом, смотрит на него рубиновыми глазами.

А грохот растет, накатывается как буря. Он идет из глубины зала, от статуи, пол и стены дрожат. Кажется— дрожат ноги статуи, сейчас они двинутся на Ромена, растопчут!.. Ромен отворачивается от статуи и бежит.

Чем быстрей он бежит, тем сильнее его охватывает страх, яростнее настигает грохот из усыпальницы фараона. Бой барабанов, свист бичей, вопли рабов, избиваемых на постройке, голос Амона и боевой клич Хеопса перед сражением — все смешивается в этом грохоте, преследующем Ромена. Тщетно он пытается успокоить себя: это сработала подвижная система усыпальницы фараона. Может быть, она сработала на его голос, или на луч фонаря, как сработала бы на факел грабителей,— страх заглушает мысль, человек уже не может остановиться. Пол ходуном ходит у него под ногами, Ромен перескакивает через трещины, с разбега ударяется в тупики, бросается в возникающие справа и слева

проходы. Иногда скалы отбрасывают его назад, как крокетный шар. Ромен мечется в незнакомых переходах, опять вырывается к статуе, шарахается назад, уже не рассуждая, не чувствуя, как паника овладевает им всем. Где-то, споткнувшись, роняет фонарь — гаснет свет. Ромен кричит, теряя остатки разума и, вытянув руки, кидается в темноту, цепляясь плечами и головой за шероховатости камня. Несколько раз его швыряет из стороны в сторону, ударяет о стены, и наконец тьма смыкается над ним навсегда.

Когда ночью спасательная группа спустилась в галерею,— Фариз знал, где искать господина,—штольня была совсем другой. Там, где прежде белела дверь с именем фараона, теперь было продолжение галереи. Фариз остановился здесь на минуту, стараясь понять, в чем дело, и снова повел отряд в глубь прохода. Здесь, ярдах в тридцати от прежней двери, они наткнулись на другую стену, без двери и без надписи. На полу лежал господин — Жан Ромен. Он уже успел застыть — с нелепо подвернутой рукой и лицом, уткнувшимся в пыль. Люди заметили, что это была не простая пыль: ноги по щиколотку тонули в ней. Холод и страх коснулись сердца каждого из спасателей: по этой пыли никто из людей не ходил пятьдесят веков.

СОДЕРЖАНИЕ

Гарсон	4
Должен вам рассказать	26
Малыш	52
Слушайте все	88
Дорогостоящий опыт	116
Лицо фараона	144

Р2

Г81

Грешнов Михаил Николаевич.

ЛИЦО ФАРАОНА. Фантастика.
Ставрополь, Кн. изд., 1971 г.
168 с.

Художник Н. Д. Будников.

Редактор В. С. Колесников.
Худож. редактор Г. Г. Говорков.
Техн. редактор Т. В. Стеблянко.
Корректор З. М. Кулиш.

Сдано в набор 19.III-71 г. Подписано к печати 27.IX-71 г. Бумага 70х108^{1/3}, типография № 1.
Объем: 5,25 физ. л.; 7,35 усл. л.; 7,3 уч.-изд. л.
Зак. 2462. Тираж 15000. Цена 33 коп. ВГ75546

Краевая типография, г. Ставрополь, ул. Артема, 18.

33 коп.

Ставропольское
книжное
издательство
1971

Лицо Ф

М. Грешнов